ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 1-АПУ17-12

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва 9 февраля 2018 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего – Безуглого Н.П.,.

судей – Климова А.Н., Сабурова Д.Э.,

при секретаре – Горностаевой Е.Е.,

с участием государственного обвинителя – прокурора Федченко Ю.А.,

защитников – Антипиной Л.В., Артеменко Л.Н., Зубова И.В., Урсола А.Л., Шаповаловой Н.Ю., Кротовой С.В.,

осужденных Шкаева П.П., Жексембаева Р.А., Сивкова Е.А., Шагина М.Н., Плугару Я.В., Соколова А.А.,

рассмотрела в открытом судебном заседании уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя Опякиной Е.С., апелляционным жалобам осужденных Плугару Я.В., Соколова А.А. и его защитника адвоката Мыльникова О.В., Шкаева П.П. и его защитника адвоката Васильева О.М., Сивкова Е.А. и его защитников адвокатов Постникова Д.Н. и Армеева О.В., Шагина М.Н. и его защитника адвоката Антипиной Л.В., Жексембаева Р.А. и его защитника адвоката Каршеновой В.А., на приговор Архангельского областного суда от 12 мая 2017 года, которым

Соколов Андрей Алексеевич, [redacted], несудимый;

осужден к лишению свободы по:

- ч. 1 ст. 209 УК РФ к 12 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у Г[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у М[redacted]) к 8 годам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Л[redacted] и Ф[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на У[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Б[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на К[redacted] и П[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ (по факту открытого хищения у К[redacted] к 7 годам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Б[redacted] к 10 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;

на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно к 15 годам в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 2 года с перечисленными в приговоре ограничениями и обязанностями;

он же оправдан по обвинению по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у С[redacted] на основании п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ за непричастностью, признано в данной части право на реабилитацию в порядке главы 18 УПК РФ;

Сивков Егор Александрович, [redacted]
несудимый;

осужден к лишению свободы по:

- ч. 2 ст. 209 УК РФ к 8 годам с ограничением свободы на 9 месяцев;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Б[redacted] к 8 годам 6 месяцам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;

- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на К[redacted] и П[redacted] к 8 годам 6 месяцам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ (по факту открытого хищения у К[redacted] к 7 годам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Б[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения окончательно к 11 годам в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 2 года с перечисленными в приговоре ограничениями и обязанностями;

Шкаев Павел Павлович, [redacted], несудимый;

осужден к лишению свободы по:
- ч. 2 ст. 209 УК РФ к 10 годам с ограничением свободы на 9 месяцев;
- п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у Г[redacted] к 8 годам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Л[redacted] и Ф[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Б[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на К[redacted] и П[redacted] к 9 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
- п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ (по факту открытого хищения у К[redacted] к 7 годам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (по факту разбойного нападения на Б[redacted] к 10 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;
на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно к 13 годам в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 2 года с перечисленными в приговоре ограничениями и обязанностями;

Плугару Ян Васильевич, [redacted], судимый:

- 30 января 2012 года по ч. 1 ст. 111 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года;

осужден к лишению свободы по:
- ч. 2 ст. 209 УК РФ к 9 годам с ограничением свободы на 9 месяцев;

- п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у Г[redacted] к 8 годам 6 месяцам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у М[redacted] к 8 годам 6 месяцам с ограничением свободы на 1 год;

на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний к 10 годам с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев;

в соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору от 30 января 2012 года и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения неотбытой части наказания по предыдущему приговору окончательно к 11 годам в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год 6 месяцев с перечисленными в приговоре ограничениями и обязанностями;

Шагин Максим Николаевич, [redacted] несудимый;

осужден к лишению свободы по:
- ч. 2 ст. 209 УК РФ к 8 годам 6 месяцам с ограничением свободы на 9 месяцев;
- п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у М[redacted] к 7 годам с ограничением свободы на 1 год;

на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно к 9 годам в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год 3 месяца с перечисленными в приговоре ограничениями и обязанностями;

Жексембаев Ринат Андреевич, [redacted] осужденный 18 ноября 2015 г. по ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы со штрафом в размере 10 тыс. руб., штраф уплачен 26 мая 2016 г.;

осужден к лишению свободы по:
- п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ (по факту открытого хищения у К[redacted] к 7 годам с ограничением свободы на 1 год;
- п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ (по факту вымогательства у С[redacted] к 4 годам;

на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний к 9 годам с ограничением свободы на 1 год;

на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения с наказанием по приговору от 18 ноября 2015 года окончательно к 9 годам 6 месяцам в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 1 год с перечисленными в приговоре ограничениями и обязанностями, со штрафом в размере 10 тыс. руб., наказание в виде штрафа постановлено считать исполненным;

срок наказания исчислен с 12 мая 2017 года; зачтено в срок отбытия наказания отбытый срок наказания по предыдущему приговору и время содержания под стражей по настоящему делу в период с 22 августа 2015 года по 11 мая 2017 года включительно;

он же оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 209 УК РФ (по факту участия в устойчивой вооружённой группе (банде) и в совершаемых ею нападениях) на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления; признано в данной части право на реабилитацию в порядке главы 18 УПК РФ.

По делу решена судьба вещественных доказательств и вопрос о процессуальных издержках.

Заслушав доклад судьи Сабурова Д.Э., выступления в режиме видеоконференц-связи осужденных Плугару Я.В., Соколова А.А., Шкаева П.П., Сивкова Е.А., Шагина М.Н., Жексембаева Р.А., адвокатов Антипиной Л.В., Артеменко Л.Н., Зубова И.В., Урсола А.Л., Шаповаловой Н.Ю., Кротовой С.В., поддержавших доводы жалоб и дополнений, возражения Жексембаева Р.А. и его защитника адвоката Шаповаловой Н.Ю. против доводов апелляционного представления, прокурора Федченко Ю.А., поддержавшей доводы представления и возражавшей против доводов жалоб осужденных и их защитников, Судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

по приговору суда осужденные признаны виновными:

- Соколов за создание устойчивой вооружённой группы (банды) в целях нападения на граждан и руководство ею;
- Плугару, Шкаев, Шагин и Сивков за участие в банде и совершаемых ею нападениях;
- Соколов, Плугару и Шкаев за вымогательство в отношении Г[redacted];
- Соколов, Плугару и Шагин за вымогательство в отношении М[redacted];
- Соколов и Шкаев за разбой в отношении Л[redacted] и Ф[redacted];
- Соколов за разбой в отношении У[redacted]

- Соколов, Шкаев и Сивков за разбой в отношении Б;
- Соколов, Шкаев и Сивков за разбой в отношении К и П;
- Соколов, Шкаев, Сивков и Жексембаев за грабеж имущества К;
- Соколов, Шкаев и Сивков за разбой в отношении Б;
- Жексембаев за вымогательство в отношении С

Преступления совершены в г. Архангельске при изложенных в приговоре обстоятельствах.

В апелляционном представлении государственный обвинитель Опякина Е.С. считает приговор в отношении Жексембаева незаконным и необоснованным вследствие несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, неправильным применением уголовного закона и его несправедливостью, выраженной в чрезмерной мягкости назначенного наказания.

Указывает, что, оправдывая Жексембаева по ч. 2 ст. 209 УК РФ, суд необоснованно отметил, что тому не было известно о наличии у участников банды пистолета и иного оружия, сам он при совершении преступлений оружия не применял.

Вместе с тем, суд установил, что Жексембаев являлся участником организованной группы, возглавляемой Соколовым, был посвящен в её планы и знал о цели её существования.

Из описательно-мотивировочной части приговора следует, что Жексембаев общался с остальными членами группировки, сидел с ними за одним столом, участвовал в обсуждении текущих дел и планов, вместе с остальными выезжал по указанию Соколова на встречи. У членов банды имелось травматическое оружие: у Соколова, Шкаева и Шагина – пистолеты «Оса», у Плугару – «Гранд-Пауэр», которые они носили при себе, в том числе, когда приезжали решать вопросы с другими криминальными группировками.

Кроме того, суд установил, что оружие находилось на вооружении банды с момента создания вплоть до мая 2015 г., то есть в период, когда Жексембаев являлся участником организованной группы, следовательно, участвуя в обсуждении планов нападений организованной группой на граждан, выезжая вместе с остальными на криминальные встречи, Жексембаев однозначно был осведомлен о наличии у членов банды оружия. В связи с непосредственным участием в обсуждении планов нападений Жексембаев знал, кем и в каких случаях оно будет применяться.

Кроме того, оправдав Жексембаева по ч. 2 ст. 209 УК РФ, суд необоснованно пришел к выводу о совершении им грабежа в отношении Киселева не в составе банды, а в составе организованной группы, что не соответствует фактическим обстоятельствам.

Полагает необоснованным решение суда о признании за Жексембаевым права на реабилитацию. Оправдывая Жексембаева по ч. 2

ст. 209 УК РФ, суд одновременно признал его виновным в участии в организованной группе и совершении в её составе нападения на К, то есть Жексембаев признан виновным в совершении всего объема инкриминируемых ему действий, составляющих объективную сторону ч. 2 ст. 209 УК РФ, которые лишь получили иную юридическую оценку, что не влечет возникновения права на реабилитацию.

Отмечает, что необоснованное оправдание и занижение квалификации действий Жексембаева повлекло назначение ему чрезмерно мягкого наказания.

Просит приговор в отношении Жексембаева отменить и дело в отношении него направить на новое рассмотрение.

Осужденный Плугару Я.В. в апелляционной жалобе полагает необоснованным осуждение по ч. 2 ст. 209 УК РФ, поскольку участие в вооруженных нападениях ему не вменялось.

Анализируя признаки банды, указывает, что по делу отсутствует совокупность необходимых её признаков.

Согласно обвинению, он обвинялся в непосредственном участии в двух эпизодах вымогательства. В одном случае совместно с Ф в другом – совместно с Шагиным. Какие либо иные преступные действия, направленные на финансирование банды, обеспечение её оружием, транспортом, подыскание объектов для нападений, и т.п., ему не вменялось, следовательно, его действия не могли квалифицироваться как участие в банде.

Из его показаний следует, что он ни с кем не объединялся для нападений. После предыдущего привлечения к ответственности, ему был закрыт доступ в клуб «Империя», прекратил общение с охраной и сотрудниками клуба, устроился на другую работу. Более того, с Ф у него был конфликт, в ходе которого тот в него стрелял, о чем свидетельствуют показания К, Х, Я, А, Г

Считает необоснованным осуждение по эпизоду в отношении Г, поскольку в разговор того с Ф не вмешивался, сути его не знает, каких-либо угроз и требований Г не высказывал, что оба подтвердили в судебном заседании.

По эпизоду с М также отмечает, что никаких угроз не высказывалось, требований имущественного характера не предъявлялось. Желание обратиться в правоохранительные органы М объяснил своим субъективным восприятием и оценкой тех событий. Сама встреча была по инициативе М При этом органом следствия было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении него по данному эпизоду.

Просит вынести оправдательный приговор.

В дополнениях от 19 июня 2017 года Плугару, цитируя показания в судебном заседании М[redacted] (стр. 61-62 протокола), свои собственные показания, в том числе и по обстоятельствам обнаружения у него пистолета, показания Шагина, повторяет доводы о несогласии с осуждением по данному эпизоду.

Считает, что показания М[redacted] о том, что они представляли для него угрозу, являются предположением, некорректны и не могли быть положены в основу обвинения, носить реальный характер. Конкретных угроз ему не высказывалось, требований не предъявлялось.

При их задержании с Шагиным 19 мая 2014 г. сотрудник полиции К[redacted] даже не отразил в рапорте какие-либо действия, связанные с вымогательством (т. 3 л.д. 60, 62, 63).

Обращает внимание, что постановление дознавателя Г[redacted] от 29.05.14 г. об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 163 УК РФ (т. 3 л.д. 68) не отменялось, что препятствовало его осуждению по данному эпизоду в отношении М[redacted]

Показания К[redacted] (отчима М[redacted]) о якобы угрозах сжечь боксы автомойки, являются его предположением, сам М[redacted] о таких угрозах не пояснял.

Положенные в основу обвинения показания заключившего соглашение о сотрудничестве Ф[redacted] не образуют достаточной совокупности доказательств. При этом его показания противоречивы. Так, Ф[redacted] указывал, что Плугару сообщил о том, что два дня назад нашел коммерсанта. В этот же день он, Плугару и Соколов в клубе обсудили ситуацию, и Соколов велел съездить и решить проблему с деньгами (стр. 65 протокола). Вместе с тем судом установлено, что первая встреча с М[redacted] была 12 мая в период с 2 до 3 ч. ночи, а 13 мая около 18 ч. они с Ф[redacted] поехали на мойку к М[redacted] Таким образом, у них не было времени обговорить ситуацию, а тем более сделать это в дневное время. Клуб работает с 21 ч., то есть обсудить ситуацию и поехать к М[redacted] к 18 ч. после разговора в клубе невозможно. Указанная Ф[redacted] фраза «.. два дня назад» это 11 мая. Все эти несоответствия говорят о ложности показаний Ф[redacted].

Приводя доводы в защиту Соколова, осужденный Плугару полагает необоснованным решение суда о приобщении к делу представленной обвинением распечатки карты города, изготовленной с использованием картографической службы «Яндекс-карты». Указывает, что первоначально суд отказал в приобщении, мотивировав тем, что распечатка не заверена. Затем после перерыва сторона обвинения вновь заявила ходатайство, которое суд удовлетворил, поскольку распечатки уже были заверены подписью гос.обвинителя. На неё как на доказательство имеется ссылка в приговоре. Вместе с тем специалист для подтверждения имеющейся на распечатке информации о биллинге и его сопоставлении с базовым станциями, не вызывался, в связи с чем,

данная информация носит предположительный характер, а данное доказательство – является недопустимым.

Указание М[redacted] в судебном заседании на Соколова как на человека, который похож на одного из ранее описанных им лиц, не могли быть положены в основу приговора. Фактически судом проведено следственное действие, порядок проведения которого установлен нормами УПК РФ. К тому же указания М[redacted] носят предположительный характер.

Оспаривая осуждение за вымогательство у Г[redacted] осужденный Плугару приводит содержание показаний Г[redacted] содержащееся на стр. 46-49 приговора, показания Ф[redacted] на стр. 46-47. Делает вывод об отсутствии в его и других действиях состава вымогательства. Отмечает, что не установлено, кто конкретно высказывал угрозы, характер этих угроз. Субъективное восприятие Г[redacted] отдельных фраз как угроз применения насилия или повреждения и уничтожения имущества не могло оцениваться как реальность их осуществления.

При этом Г[redacted] никому денег не платил и не передавал, а только выполнил просьбу Соколова и передал номера телефонов знакомых таксистов неустановленному лицу (в суде Г[redacted] уточнил, что это Ф[redacted], хотя последний отрицал данный факт).

Полагает безосновательным вывод суда (стр. 50 приговора) о времени совершения преступления на основе данных о телефонных соединениях с привязкой к базовой станции, поскольку специалист также не опрашивался, пояснений не давал. Отмечает, что сведения о телефонных соединениях не являются достоверным подтверждением присутствия владельца телефона в четко определенной точке. Кроме того, телефонные соединения Г[redacted] с Я[redacted] в ночное время имеются не только в эту, но и другие даты (стр. 172 приговора).

В этой связи считает, что указанные судом дата, место и время телефонных соединений Г[redacted] и Я[redacted] не может подтверждать имевших место с Г[redacted] событий.

Считает, что суд дал неверную оценку результатам ОРМ «Наблюдение» от 10.04.2014 г. (стр. 52 приговора), в которых отсутствуют факты каких-либо угроз и требований имущественного характера.

Выводы суда о том, что у Г[redacted] имелись основания опасаться осуществления угроз, считает предположением, неверной оценкой исследованных доказательств.

Восприятие Г[redacted] его, Плугару, как присутствовавшего при его беседе с Ф[redacted], лица как представителя ОПГ, факт избиения Я[redacted] неустановленными лицами, не является доказательством виновности в вымогательстве.

Кто избил Я[redacted] причины этого, связи этого избиения с деятельностью ОПГ, не установлены.

Показания А[redacted] об угрозах Г[redacted] даны со слов последнего, сам А[redacted] в разговоре не участвовал, очевидцем не был.

Вновь подчеркивает недостоверность, противоречивость, показаний Ф[redacted], в том числе и в части описания его, Плугару, роли и действий.

Оспаривает осуждение и по ст. 209 УК РФ. Указывает, что суд ошибочно на стр. 65 приговора признал огнестрельным оружием имевшийся у него пистолет «Сталкер». Из допроса эксперта С[redacted] видно, что данный пистолет предназначен для стрельбы светошумовыми либо газовыми патронами, то есть не является травматическим огнестрельным оружием. Суд в приговор положил предположение эксперта в части того, что конструкция пистолета, а именно, легкоизвлекаемая перегородка путем выкручивания, позволяла бы производить выстрелы травматическими патронами (стр. 43 приговора). Доказательств стрельбы из этого пистолета в суд не представлено, сам пистолет не исследовался, никто из свидетелей этих фактов не подтверждал. После изъятия пистолета 19.05.2014 г. другого оружия не приобреталось.

Не принято во внимание, что согласно показаниям потерпевших М[redacted] и Г[redacted] Плугару никакого оружия не демонстрировал, не направлял и не применял, в связи с чем, осуждение по ст. 209 УК РФ полагает необоснованным.

Перечисляя признаки банды, отмечает отсутствие таковых по делу, их недоказанность. Не все осужденные были знакомы друг с другом, встречи и общения не были связаны с криминальной деятельностью. В разных эпизодах участвовали разные лица и нет доказательств осведомленности каждого об иных, совершенных другими, преступлениях. Какая-либо иерархия, стабильность состава, отсутствуют. По делу нет его телефонных соединений с участниками, так называемой банды.

Просит вынести оправдательный приговор.

В дополнениях от 20 сентября 2017 года Плугару вновь приводит содержание ответов потерпевшего М[redacted] в судебном заседании (стр. 183-184, 185 протокола). Обращает внимание, что тот не говорил о каких-либо конкретных угрозах и демонстрации пистолета. Пистолет лишь находился при них, но им не угрожали. М[redacted] просто видел этот пистолет. В связи с этим полагает необоснованными выводы суда на стр. 69 приговора в данной части при квалификации их действий.

Обращает внимание, что суд не исследовал некоторые материалы дела, которые играли значение для правильного его рассмотрения, а именно:

- постановление об отказе в возбуждении уголовного дела участкового уполномоченного Г[redacted] от 29.05.2014 г.;

- ходатайство на имя прокурора г. Архангельска, где зам.начальника УМВД России по г. Архангельску ходатайствует об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенное К[redacted] от 15.01.2016 г.; постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уг.дела от 15.01.2016 г.

Суд не учел, что постановление от 29.05.2014 г. Г[redacted] об отказе в возбуждении уголовного дела не отменялось (т. 3 л.д. 68).

Отмечает, что телефонные соединения Г[redacted] за период с 01.03.2014 г. по 01.05.2014 г. в суде не исследовались (стр. 16-74 протокола), а стороной обвинения исследовался только один лист телефонных соединений Г[redacted] за 30.03.2014 г. (т. 7 л.д. 139, стр. 59 протокола).

Ссылаясь на протокол с/з, отмечает, что потерпевший Г[redacted] не смог уверенно пояснить, кто из присутствующих лиц конкретно высказывал угрозы в клубе «Империя», не смог пояснить, в чем была их реальность осуществления, а выводы суда в данной части являются предположением. Угрозы, о которых говорит Г[redacted], не носили явного, реального характера. С этого момента и до задержания (с мая 2014 г. по январь 2016 г.) встреч с Г[redacted] не было, как не было и попыток повреждения его имущества, с требованиями имущественного характера к нему никто не обращался.

Приведенная в приговоре хронология событий неправильна.

Первая встреча была в клубе «Империя» согласно приговору 30 марта 2014 г.

Вторая была около кафе «Дружба».

Третья – в кафе «Смак», после которой Г[redacted] передал список с телефонами.

В связи с этим суд не учел, что на последней встрече у кафе «Смак» Соколов участвовал в ОРМ «Наблюдение», проводимого УФСБ для получения информации о возможном покровительстве Г[redacted] сотрудниками ФСИН и после данной встречи никаких незаконных действий в отношении Г[redacted] не совершалось (стр. 46-49 приговора).

13 марта 2017 г. по ходатайству стороны обвинения суд приобщил распечатанные с общедоступного Интернет-ресурса карты г. Архангельска и Новодвинска с указанием мест совершения преступлений и расположением мест базовых станций. Суд при их оглашении и исследовании (стр. 1805 протокола) умолчал, что в них имеется информация с указанием мест преступлений, расположением базовых станций и с телефонными соединениями.

Приобщенные карты не сопоставлены с имеющимися в деле вещ. доказательствами (т. 7 л.д. 139, т. 6 л.д. 175-178, 179, 180, 181).

Считает, что ссылки суда о месте нахождения того или иного абонента носят предположительный характер, специалист не

допрашивался. Кроме того, сторона защиты была лишена возможности оспорить приобщенные карты с имеющейся на них информацией.

Указывает, что в приговоре содержание показаний свидетелей С[redacted] и Ф[redacted] приведено не в том виде как они давали в действительности, а из их фактически данных показаний (суть которых приводится в дополнении) не следует вывод о виновности осужденных, в том числе, и его, Плугару.

Фигурирующий по делу пистолет «Сталкер» является стартовым пистолетом, не относится к огнестрельному оружию, о чем показал специалист С[redacted] (стр. 917 протокола), в связи с чем, его использование не образует признака вооруженности.

Просит приговор отменить и прекратить уголовное дело за непричастностью.

В дополнениях от 21 декабря 2017 года Плугару ссылается на допущенные судом, по его мнению, требования УПК РФ. Отмечает, что процессуальный статус Ф[redacted] не был установлен, при его допросе суд сослался на то, что уголовное дело в отношении Ф[redacted] было выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако дело в отношении Ф[redacted] было выделено в связи с его розыском. В с/з 7 декабря 2016 г. было исследовано только постановление о применении мер безопасности от 15.11.2016 г. без исследования документов, подтверждающих наличие соглашения и в рамках какого дела (стр. 629 протокола с/з). В этой связи Ф[redacted] не мог допрашиваться в суде по правилам допроса свидетеля.

Кроме того, считает, что после исследования протоколов допросов Ф[redacted] от 20, 26 октября и 1 ноября 2016 года (стр. 671 протокола с/з) после задержания Ф[redacted] имелись основания для соединения уголовных дел в одно производство, чего сделано не было.

На момент допроса Ф[redacted] 8 декабря 2016 года сторона защиты в отличие от стороны обвинения была не готова к его допросу, чем был нарушен принцип состязательности и равноправия сторон, ущемлены права подсудимых.

В связи с перечисленными нарушениями УПК РФ считает показания Ф[redacted] недопустимыми доказательствами, просит об отмене приговора и своем оправдании.

Также Плугару в двух жалобах оспаривает постановление от 11 октября 2017 г. (т. 33 л.д. 192-193), которым отклонены его замечания на протокол с/з. Указывает, что они рассмотрены поверхностно, без опроса участников процесса. Просит постановление отменить.

Осужденный Соколов А.А. в апелляционной жалобе считает приговор незаконным и необоснованным в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона. Считает назначенное

наказание чрезмерно суровым, несоответствующим данным о личности и обстоятельствам совершенных преступлений. Полагает, что ни в ходе предварительного следствия, ни в суде не добыто объективных, допустимых и неоспоримых доказательств его причастности к организации банды и организации совершения преступлений организованной группой. По его мнению, дело сфабриковано оперативными сотрудниками и следователями, в отношении которых он писал многочисленные жалобы, выводы о его причастности основаны на предположениях и на показаниях Ф, заключившего соглашение о сотрудничестве, а также показаниях свидетелей под псевдонимами, которые что-либо конкретного не поясняли.

При назначении наказания суд не учел, что все так называемые потерпевшие, кроме М причастны к незаконной организации занятия проституцией, каких-либо последствий для них не наступило, насилия ни к кому не применялось кроме Б, который сам спровоцировал ответные действия, пытаясь применить травматический пистолет. Какие-либо денежные средства потерпевшие ни кому не платили, продолжали свою незаконную деятельность.

Суд не учел, что с Шагиным, Шкаевым и Плугару он дружеских отношений не поддерживал, встречался с ними несколько раз, когда они работали в клубе охранниками, а также в спортивных залах. Доказательств наличия с ними тесных связей не добыто. Начальником службы охраны клуба «Империя» он не работал, лишь по просьбе директора Р передавал им его указания. Фактически работал у Р в качестве водителя. Жексембаева видел в клубе пару раз, с ним не общался. С Сивковым вообще никогда не встречался.

Полагает, что Ф его оговорил.

Ссылаясь на свое знакомство с сотрудником УФСБ Х, отмечает, что сообщил тому ставшую известной информацию о существовании Г, занимающегося сутенерством и «крышевании» его сотрудником спецназа УФСИН. Именно по просьбе Х встречался с Г, в том числе 10.04.2014 г. При этой встрече принимал участие в проведении ОРМ и проводил запись разговоров, что подтвердил и Х. Считает, что суд неправильно интерпретировал записи.

Среди засекреченных свидетелей он узнал некоего Л, члена преступной группировки, совершившего на него нападение. Сам лично от следователя П видел протокол его допроса, в котором тот признавался в нападении. Данный протокол был в последующем скрыт, о чем писались заявления в Следственный комитет.

Утверждает, что нападения на К не совершал. В ночь с 22 на 23 февраля 2015 г. находился у брата С К в своих первоначальных показаниях, описывая приметы напавших, не указывал какие-либо особенности внешности. При этом при опознании

присутствовали статисты, не схожие с ним по внешним признакам. В суде К[redacted] не мог указать, какие конкретно действия были им, Соколовым, совершены.

Показания потерпевших и свидетелей являются предположением, основаны на слухах и домыслах, никто из них на него конкретно не указывал.

Приводя факты своей биографии, вновь высказывает предположение о фабрикации дела.

Просит об отмене приговора и своем оправдании.

Также Соколов в отдельной жалобе оспаривает постановление суда от 5.10.2017 г. о рассмотрении замечаний на протокол. Полагает необоснованным решение суда об отклонении его замечаний на протокол и просит об отмене постановления и удостоверения их правильности.

Адвокат Мыльников О.В. в защиту Соколова в апелляционной жалобе считает приговор незаконным и необоснованным, постановленным с нарушениями УПК РФ, а назначенное наказание – несправедливым.

Считает, что по делу отсутствует достаточная совокупность относимых и допустимых доказательств, а приведенные в приговоре выводы суда противоречат установленным фактическим обстоятельствам.

По мнению суда, Соколов длительное время неофициально возглавлял Службу охраны клуба «Империя». Вместе с тем данный вывод противоречит показаниям Р[redacted], Н[redacted], А[redacted] и других лиц, которые являлись непосредственными руководителями, управляющими и администраторами клуба. Соколов работал в клубе с 2012 г. по начало 2014 г., начальником службы охраны его не назначали, на работу охранников не принимал, их работой не руководил и не контролировал, фактически лишь исполнял обязанности водителя владельца клуба Р[redacted] В связи с чем, утверждения суда о его лидерских качествах, организаторских способностях, решительности, хитрости и др. голословны и опровергаются установленными фактами.

Утверждение суда о том, что Соколов сумел объединить, подчинить и приблизить к себе остальных осужденных и Ф[redacted] заключившего соглашение о сотрудничестве, ничем не подтверждается. В приговоре не указано, каким образом и в связи с чем в банду был вовлечен Сивков, а в организованную группы – Жексембаев. Доказательства, подтверждающие факты связи с указанными лицами, отсутствуют. Не добыты они и при осмотре изъятых телефонов, иных носителей информации, при обысках. Установлен лишь факт, что Соколов с некоторыми из осужденных иногда встречался на тренировках в спортивных залах.

Суд в приговоре указал, что Соколов создал банду из охранников клуба в течение первого квартала 2014 года, не приняв во внимание периоды и время работы в клубе, как самого Соколова, так и других осужденных. При этом каждый из них имел другое место работы, Плугару вообще был запрещен вход в клуб, никто из свидетелей не видел, чтобы осужденные вместе проводили время или общались.

По мнению суда, целью создания банды являлось установление контроля за лицами, организовавшими занятие проституцией, совершение нападений на них и вымогательства у них полученных таким путем денежных средств. Вместе с тем, в действиях Г[redacted], Л[redacted], У[redacted], Б[redacted] и К[redacted] не усмотрено состава преступления, предусмотренного ст. 241, о чем вынесено соответствующее постановление (т. 13 л.д. 65-66), и на что обращалось защитой внимание.

Указав, что данный факт не имеет значение для квалификации действий виновных, суд не учел его при назначении наказания, не принял во внимание незаконный характер действий потерпевших, от этой деятельности они не отказались и каких-либо последствий для них не наступило.

Описывая вклад каждого осужденного по введению в банду оружия, автомобилей, средств связи, суд не установил и не указал, что из перечисленного конкретно использовалось при совершении того или иного нападения. Не учтено, что никто из потерпевших не пояснял о наличии у преступников какого-либо автомобиля, идентификация изъятого травматического и газового оружия не проводилась. При проведении по делу баллистических экспертиз на разрешение экспертов ставился лишь вопрос о возможности производства выстрелов из конкретного экземпляра. Вопрос о возможности поражения цели при выстреле из конкретного пистолета не ставился, экспериментальные выстрелы в преграду для определения размера дульной энергии при выстреле, поражающие возможности снаряда при попадании в цель, не производились. Вместе с тем выяснение данного вопроса имело значение для дела, поскольку в силу ст. 1 ФЗ «Об оружии» оружие ограниченного поражения не предназначено для причинения смерти человеку. В связи с чем, использование участниками нападений непригодного к целевому применению оружия не образует признака вооруженности банды.

Определяя место сбора банды клуб «Империя», суд не учел, что обыск в нем не проводился, все имеющееся по делу травматическое и газовое оружие, средства связи, сим-карты и т.п., были обнаружены по месту жительства осужденных, где проживали и иные лица. Принадлежность обнаруженных и изъятых предметов не устанавливалась, вопрос о причинах хранения того или иного предмета не по месту сбора банды, не выяснялся.

Судом установлено и указано в приговоре, что Соколов ввел в банду газовый пистолет «ИЖ-79-9ТМ», пистолет «ТТ Лидер» и пистолет «ПБ—4-1 (ОСА)», являющиеся оружием ограниченного поражения. Вместе с тем, согласно показаниям Соколова и данным Центра лицензионно-разрешительной системы УМВД РФ по АО и НАО, справки и др. документов (т. 6 л.д. 16-19, 137), данные пистолеты были приобретены Соколовым в период действия лицензии с 27.05.2008 по 27.05.2013 и по её окончании сданы для реализации в ЛРС, то есть еще до создания в 2014 г. банды. Пистолет «Гранд Пауэр» с 15 шт. патронами был приобретен Соколовым в целях самообороны после нападения на него 15.01.2015 г. Разрешение на право приобретения и ношения оружия ограниченного поражения выдано Соколову 13.03.2015 г. сроком на пять лет, то есть пистолет был приобретен уже после последнего нападения банды, которое было совершено 1 марта 2015 года на Б

Также суд установил, в банду были введены четыре мобильных телефона, изъятых при обыске у Соколова. Вместе с тем, согласно протоколу их осмотра (т. 6 л.д. 237-238), два имеют механические повреждения и не включаются, один – был передан Соколову оперативным сотрудником Е для связи с ним, принадлежность последнего не установлена. В ходе осмотра телефона «Сони Иксперия», информации, представляющий интерес не обнаружено. Данный телефон был приобретен Соколовым Д., братом осужденного, в ноябре 2015 г. При осмотре телефона «Самсунг G 925F» его включение невозможно без пин-кода. При этом по показаниям Соколова телефон был приобретен в августе-сентябре 2015 г., часто ломался. На запрос следствия операторы связи какой-либо значимой информации не представили. Таким образом, доказательств использования в деятельности банды указанных телефонов не имеется.

Принадлежность сим-карт, изъятых при обыске у Соколова, не проверялась, какая-либо информация по ним у операторов связи не запрашивалась и вывод суда о том, что они были введены Соколовым в банду, ничем не подтвержден.

При осмотре радиостанций, также изъятых у Соколова при обыске в жилище, их работоспособность не проверялась. Показания Соколова о том, что радиостанции «Вокстел», «Джолкер» и «Кенвуд» ему были переданы руководством клуба для ремонта, не опровергнуты. Никто из потерпевших также не указывал об использовании нападавшими каких-либо радиостанций. Показания Соколова об использовании радиостанции «Икс-тра Талк» для работы в такси подтвердил и свидетель С

Изложенное опровергает выводы суда о том, что Соколов, выполняя роль лидера, приискал, завербовал и обеспечил участников банды указанным оружием, предоставил технические средства связи, автомобиль.

Показания свидетелей под псевдонимами и Ф заключившего соглашение о сотрудничестве, являются недопустимыми доказательствами в связи с нарушениями УПК при производстве их допросов на следствии. Никто из засекреченных свидетелей не пояснял о наличии каких-либо угроз в их и их родственников адрес. Часть из этих свидетелей являются членами преступных группировок, возможно даже подсудимыми по другим делам, где также имеются соглашения о сотрудничестве. В свидетеле под псевдонимом «Ж» Соколов, Сивков и Шкаев узнали некоего Л, члена преступной группировки «», с которым также заключено соглашение о сотрудничестве и который, по показаниям Соколова, сам совершил на него нападение 5 января 2015 г. Показания всех засекреченных свидетелей конкретики не имеют и сводятся лишь к тому, что им известны существующие в г. Архангельске группировки, что группировка Соколова представляла интересы «» в г. Архангельске, выезжая на какие-то встречи. Их показания, что кто-то слышал от самого Соколова о фактах нападений на таксистов, Соколов не подтвердил, других доказательств нет.

Показания Ф заключившего соглашение о сотрудничестве, соответствуют фабуле обвинения, противоречат иным доказательствам. Так, согласно показаниям Ф, Соколов принимал участие в нападениях на Л и У Однако ни сами потерпевшие, ни свидетели, таких фактов не подтвердили. Исходя из показаний Ф в силу их знакомства с У он отказался от нападения на него. Однако У как на следствии, так и в суде, показывал о более активной роли Ф и, наоборот, ничего не говорил об участии Соколова. Кроме того, Ф ранее давал показания под псевдонимом в отношении лидера группировки «Комсомольские» и тот был осужден. Ф просил Соколова не сообщать об этом, что подвергает сомнению достоверность показаний Ф у которого, помимо прочего имеется прямой мотив оговора.

По эпизоду вымогательства у Г полагает, что кроме показаний Г иных доказательств не имеется, а достоверность показаний Г вызывает сомнение. Так, Г показывал, что не имеет никакого отношения к организации занятия проституцией и не знаком с человеком по прозвищу «С». Вместе с тем исходя из показаний Х, материалов ОРМ (т. 3 л.д. 1-9), в том числе прослушанной записи разговора между Соколовым и Г, видно, что Г дает ложные показания. В связи этим нельзя признавать достоверными и другие его показания, в том числе о якобы высказанных Соколовым угрозах и требованиях имущественного характера.

Отмечая, что сотрудник УФСБ Х общался с Соколовым длительное время вплоть до октября 2014 г., привлекал его к ОРМ, то есть Соколов проходил определенную проверку. Однако ни о какой его

криминальной деятельности УФСБ известно не было. При этом Х подтвердил реальность существования некоего С, тем самым подтвердил достоверность показаний Соколова.

Решение о проведении ОРМ в отношении Г было принято 29.03.2014 г. (т. 2 л.д. 244-247), то есть еще до встречи Соколова с Г 30 апреля и что подтверждает версию Соколова о том, что он подошел к охранникам, разбиравшимся с Г именно в связи с имевшейся договоренностью с сотрудником УФСБ Х для выяснения интересующих того обстоятельств. При этом при прослушивании записи разговора от 10 апреля 2014 г. видно, что Г не отрицает факта уплаты «С» денег за «крышевание» его занятие организацией проституцией, признается, что сам возит девушек, называет различных лиц, «агентства», занимающиеся этим бизнесом и находящихся под «крышей», предлагает дать номера телефонов и автомашин конкурентов. Соколов, свою очередь, заявляет, что Г ему не интересен, ему нужна информация об этом «С», то есть выполняет указание Х

Свидетель Я и засекреченный свидетель «И не слышали разговора между Соколовым и Г. Потерпевшие очевидцами не были, им известно лишь со слов Г о якобы высказанных угрозах и требованиях денег.

По действиям Плугару и Ф совершенных в отношении Г в апреле 2014 г. у кафе «Дружба», имеются лишь показания Ф о направлении их туда Соколовым. Показания Ф являются недостоверными по вышеуказанным причинам. Иных доказательств причастности Соколова к действиям Ф в приговоре не приведено. Плугару и Соколов данный факт отрицают.

По эпизоду в отношении М иных, кроме показаний Ф, доказательств не имеется. Сам Мв суде указал на Соколова как лицо, похожее на человека, интересовавшегося в мае 2014 г. в клубе «Империя» о наличии охраны. Угроз не высказывал, требований не предъявлял. О том, что это был Соколов М однозначно сказать не смог. Плугару и Шагин отрицают факт какого-либо участия Соколова в организации преступления в отношении М. Ничего о Соколове в своих показаниях не сообщили и свидетели К и М на которых сослался суд. Сам факт совершения в отношении М какого-либо преступления вызывает сомнение, поскольку изначально по факту вымогательства у него в возбуждении дела было отказано.

По эпизоду грабежа в отношении К Соколов осужден не только как организатор, но и как непосредственный исполнитель. Вместе с тем в первоначальных показаниях К при допросе 16.06.2015 г. описанные им приметы не совпадают с данными Соколова. В последующем К стал изменять свои показания, на что защитой делались замечания, оставленные без должного внимания. Протокол

опознания Соколова с участием К[redacted] является недопустимым доказательством в силу допущенных нарушений при проведении данного следственного действия (т. 4 л.д. 143-148). Статисты разительно отличались от Соколова по телосложению, чертам лица, прическе, возрасту. К[redacted] не указал, когда он видел Соколова, его индивидуальные отличительные черты. В суде К[redacted] не смог отождествить описанных им лиц с осужденными, заявив, что все они передвигались. Однако при опознании и при допросе 26 января 2016 г. он четко указывает, кто и что делал. В силу допущенных нарушений протокол опознания и протокол допроса К[redacted] 26 января 2016 г. являются недопустимыми доказательствами. Иные, приведенные в приговоре по данному эпизоду доказательства, не содержат информации об участии Соколова. При этом Соколовым заявлено об алиби, нахождении в ночь с 22 на 23 февраля 2015 г. у брата, чьи показания суд необоснованно отверг.

Остальные вмененные Соколову как организатору эпизоды (разбой в отношении Л[redacted] и Ф[redacted], У[redacted], Б[redacted], К[redacted] и П[redacted], Б[redacted] не конкретизированы. Не указано где и когда Соколов собирал участников преступлений, не определены места и даты организации конкретных нападений. Причастность Соколова к организации этих преступлений основана лишь на предположениях названных потерпевших, на основе сведений от Г[redacted] о требовании Соколовым передачи денежных средств всеми лицами, причастными к организации занятия проституцией. Никто из потерпевших и свидетелей не давал показаний о его непосредственном участии, о его осведомленности и руководящей роли среди конкретных исполнителей.

Многочисленные противоречия не устранены и подлежат трактованию в пользу осужденного.

Отмечает, что Соколов ранее не судим, к административной ответственности не привлекался, по месту службы в армии и быту характеризуется положительно, с детства занимался спортом, имеет достижения, является мастером спорта. В январе 2015 г. Соколов стал жертвой преступления, ему были причинены пулевые ранения и ушибленные раны, длительное время лечился, с трудом передвигался, не мог совершать активных действий.

По мнению адвоката, уголовное дело в отношении Соколова могло быть сфальсифицировано.

Просит приговор отменить и оправдать Соколова по всем инкриминируемым составам преступлений.

В дополнениях адвокат Мыльников О.В. полагает приговор немотивированным.

Указывает, суд в приговоре связал все нападения на потерпевших с невыполнением Г[redacted] требований о передаче им и связанных с ним сутенеров ежемесячно по 20 тыс. руб. Однако такой вывод

противоречит последующей описательной части приговора, в которой суд при описании каждого преступления указывает, что участники банды связывались по одному из абонентских номеров, которые использовались для вызова девушек. В ходе следствия установлено, что осужденные использовали для вызова номера телефонов, опубликованные в соответствующей газете. Вместе с тем в ней публикуется большое количество номеров агентств, организующих занятие проституцией. Номера выбирались наугад и вероятность того, что по вызову приедут лица, организующие совместно с Г занятие проституцией, нулевая. Тем более, что никто из потерпевших не указывал, что нападавшие интересовались их связями с Г.

Считает, что суд необоснованно отверг показания в суде свидетелей Т и Р, признав относимыми и допустимыми их показания на следствии. Вместе с тем, показания в суде указанных свидетелей частично, либо полностью совпадают с показаниями свидетелей А, Н, С С, Ш, Ш Ш, а также с показаниями осужденных.

Полагает необоснованным решение суда о допросе в закрытом судебном заседании засекреченных свидетелей, поскольку никто из них ни на следствии, ни в суде, не говорил о каких-либо угрозах.

Отмечает, что доводы Соколова о характере взаимоотношений с сотрудником УФСБ Х не опровергнуты, подтверждаются, в том числе и материалами ОРМ, а выводы об обратном - являются несостоятельными.

Указывает, что судом в приговоре искажены показания потерпевшего М

Полагает, что суд необоснованно отверг показания Соколова и его родителей о совместном нахождении в деревне в период с 16 по 19 мая, с 24 по 31 августа, с 17 по 21 сентября, с 24 по 26 сентября 2014 г. При этом суд сослался на данные оператора сотовой связи. Однако суд в приговоре не указал, каким оператором сотовой связи, в каком виде были представлены данные о соединениях телефона Соколова (-49-86). Не указано, признаны ли данные сведения доказательствами, приобщены ли они к делу, осмотрены ли. Не указаны конкретные дни, конкретные базовые станции с их месторасположением, с которых получены данные о телефонных соединениях, свидетельствующие о его нахождении неподалеку от места жительства, либо клуба «Империя», либо медучреждения, в котором он лечился. У матери Соколова не выяснялся вопрос о сим-карте с указанным номером, передавали ли она её сыну. Не представлено доказательств, подтверждающих связь с этого телефона с другими осужденными либо с потерпевшими.

Судом в приговоре не указаны какие-либо доказательства опровергают показания Соколова и его родителей об отъезде 28 февраля 2015 г. в п. Орлецы на юбилей к дяде, где он находился до 2 марта

2015 г. Вывод о том, что он подготовил план нападения на Б[redacted] в ночь на 1 марта 2015 г., выбрал исполнителей и дал указание о совершении нападения, ничем не обоснован. Не указано, когда и где Соколов подготовил такой план, кому дал указание о его совершении.

Суд в приговоре не привел данных о каких-либо негативных последствиях для потерпевших в результате совершенных в отношении них деяний. Ни здоровью, ни имущественному и материальному положению, вреда причинено не было.

В этой связи размер назначенного наказания является несоразмерным, не соответствует ни данным о личности, ни обстоятельствам вмененных преступлений, которых, к тому же, Соколов не совершал.

С учетом приведенных в жалобе и дополнении доводов, адвокат полагает недоказанной вину Соколова.

Осужденный Шкаев в апелляционной жалобе кратко выражает несогласие с приговором. Считает, что по делу не имеется доказательств о времени создания банды, способах вступления или вовлечения в банду, её структуре, и его роли в ней.

Указывает, что все опознания проведены с нарушением закона, на что защитой обращалось внимание, потерпевшие и свидетели давали противоречивые показания, свидетели под псевдонимами не сообщали каких-либо конкретных фактов. Ходатайства защиты судом необоснованно игнорировались. В приговоре не приведено доводов, опровергающих его показания и алиби. Просит об отмене приговора и передаче дела на новое рассмотрение.

Адвокат Васильев О.М. в апелляционной жалобе и дополнении в защиту Шкаева полагает приговор незаконным и подлежащим отмене в связи с существенными нарушениями УПК, неправильным применением уголовного закона и несправедливостью назначенного наказания.

Приводя и анализируя признаки банды, отмечает, что таких признаков по делу не установлено. Время создания банды не конкретизировано, способы вступления не определены и не указаны, структура не расписана.

Указывает, что время окончания существования банды суд установил как май 2015 г, хотя последнее нападение бандой было совершено в марте 2015 г.

Устойчивость состава банды отсутствует. Суд установил, что объединение участников произошло якобы на почве совместной деятельности по охране увеселительных заведений. Однако осужденные в этой отрасли работали в разные периоды и в разных заведениях, а Сивков – вообще не работал охранником. Кроме того самостоятельно совершенные эпизоды выполняются разнородными группами.

Отмечает, что целью создания банды является совершение нападений на граждан и организаций. Следствием в качестве цели вменялось навязывание криминального покровительства, что само по себе исключает возможность квалификации по ст. 209 УК РФ.

Суд в приговоре необоснованно изменил обвинение, указав, что единственной целью создания банды были нападения на граждан. Хотя далее на стр. 5 приговора, суд, противореча сам себе, указывает, что «*Соколов, не позднее конца марта 2014 года как создатель и руководитель банды поставил перед ними общую цель - получение постоянного дохода от представителей мелкого бизнеса г. Архангельска в результате навязывания им своего криминального покровительства под предлогом обеспечения безопасности, а также от лиц, занимающихся организацией проституцией»,* то есть возвращается к иной, чем предусмотрена законом цели банды.

Об отсутствии банды свидетельствуют и описанные потерпевшими обстоятельства нападений: подошли без маскировки, вели разговоры, просили показать вещи, осматривали их, объясняли свое поведение, оставляли номера телефонов, предлагали связаться с М[redacted]. То есть налицо отсутствие внезапности нападения, выхватывание вещей, необоснованное применение насилия.

Изменение судом обвинения по ст. 209 УК РФ в части иной цели создания банды является незаконным.

Оспаривая признак вооруженности банды, адвокат указывает, что согласно выводам суда на вооружении банды находилось следующее оружие:

- три пистолета, являющихся огнестрельным оружием ограниченного поражения: ТТ «Лидер» калибра 10 мм, ПБ-4-1 «ОСА» калибра 18 мм и «Гранд Пауэр Т12» калибра 10 мм с боекомплектом из не менее 15 патронов к нему, а также газовый пистолет ИЖ-79-9ТМ калибра 9 мм, предоставленные Соколовым;
- газовый пистолет «Сталкер» калибра 10 мм и пистолет МР-461 «Стражник» калибра 18 мм, являющийся огнестрельным оружием ограниченного поражения, которыми располагало лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве;
- пистолет «Сталкер 918» калибра 9 мм, являющийся огнестрельным оружием ограниченного поражения, с боекомплектом из не менее 12 патронов, подысканный Плугару;
- пистолет ПБ-4-1 МЛ «ОСА» калибра 18 мм с уничтоженным заводским номером, являющийся огнестрельным оружием ограниченного поражения, с боекомплектом из не менее 4 патронов к нему, которым владел Шкаев;
- газобаллонный пневматический пистолет МР-654К калибра 4,5 мм, газошумовой пистолет «РЭК Перфекта» калибра 8 мм с удалённым заводским номером, находившиеся на хранении у Шагина.

Однако по показаниям потерпевших фигурируют лишь два пистолета – ТТ «Лидер» и «Оса». Доказательств осведомленности членов банды о наличии всех других пистолетов в приговоре не приведено. Реально они не использовались. Именно по этим основанием стороной обвинения были исключены нож и граната.

Кроме того, изъятое оружие является оружием самообороны, огнестрельным оружием ограниченного поражения, характеристики этого оружия говорят о том, что лишь в исключительных случаях его применение может вызвать серьезный вред здоровью или опасность для жизни.

Судом не опровергнуты доводы Шкаева о том, что изъятый у него пистолет «Оса» он приобрел гораздо позднее дат инкриминируемых преступлений.

Обращает внимание, что обвинение по ст. 209 УК РФ судом обосновано показаниями многочисленных засекреченных свидетелей. Вместе с тем оснований для их засекречивания не имелось, никто из них ни разу не заявлял о каких-либо угрозах. В их показаниях отсутствуют конкретные факты, относящиеся к предмету доказывания ст. 209 УК РФ, в связи с чем, считает показания всех засекреченных свидетелей недопустимыми доказательствами

Указывает, что опознание Шкаева засекреченными свидетелями проведено с нарушением УПК РФ. Так, опознание свидетелем «А[redacted].» (т. 2 л.д. 1144-148) проводилось по фотографии, когда можно было очно предъявить Шкаева. Изображение опознаваемого существенно отличается от других изображений, все статисты – лица неславянской внешности. Кроме того, техническое изображение Шкаева существенно выделяет его среди остальных фотографий. Выводы суда о допустимости указанного протокола основаны на недостаточно полной оценке представленных доказательств, поскольку оценивая в совокупности все протоколы с участием «А[redacted]», видно, что только изображения опознаваемых существенно отличаются от изображений лиц, не относящихся к делу.

Иные свидетели, указанные в приговоре по эпизоду по ст. 209 УК РФ, ничего существенного для доказывания не сообщали.

Отмечает, что судом неверно оценена дата начала работы Шкаева в клубе «Империя». Никто из свидетелей (перечень которых приводится), не сообщали этой даты. Фактически период начала работы Шкаева апрель-май 2014 года, о чем свидетельствовали Шкаев П.П. и К[redacted] чьи показания в приговоре и протоколе с/з отражены неправильно, на что защитой подавались замечания на протокол с/з.

В связи с этим считает, что следствием не собрано, гос.обвинителем не представлено, а судом не приведено веских доказательств не только существования банды, но и наличия организованной группы.

По эпизоду вымогательства у Г[redacted] адвокат сравнивает фабулу

предъявленного обвинения и обстоятельства, установленные судом и указанные в приговоре. Делает вывод, что суд фактически исключил Шкаева из состава вымогательства в отношении Г поскольку суд посчитал доказанным, что Шкаев только «обступил» Г, иных действий, необходимых для квалификации по ст. 163 УК РФ, не совершал. Об этом свидетельствуют и показания Г, согласно которым встреча с ним в клубе «Империя» была случайной (его туда вызвал свидетель Я), никакого нападения на него не было, демонстрацию оружия отрицал, факт угроз не нашел подтверждения.

По эпизоду с Г суд также сослался на показания Ф и свидетеля под псевдонимом «И», которые надлежит оценивать критически, поскольку Ф заключив сомнительное соглашение о сотрудничестве по уже раскрытому делу, готов изобличать любого лишь бы соблюсти условия упомянутого соглашения. Показания «И носят декларативно голословный характер, проверить источник его осведомленности невозможно, и его показания не согласуются с показаниями Ф и Г.

Отмечает, что опознание Г Шкаева (т. 2 л.д. 1-3) проведено с нарушениями, так как опознаваемый существенно отличался от статистов. Но даже при условии добросовестного заблуждения потерпевшего в личности Шкаева, сам Г неоднократно указывал, что Шкаев не принимал участия в вымогательстве, находился на верхнем лестничном пролете, непосредственно в разговоре не участвовал и ушел, а разговор продолжался и после его ухода.

Шкаев в судебном заседании последовательно заявлял, что начал работать в клубе только в апреле 2014 г., поэтому не причастен к действиям в отношении Г В этом его поддержали не только осужденные, но и свидетели К и Г но неверное истолкование показаний свидетеля Ш позволило суду сделать обратный вывод, хотя данный свидетель не сообщал того, что указано в приговоре, о чем подавались замечания на протокол.

По эпизоду нападения на Л и Ф адвокат полагает, что показания потерпевших подогнаны под нужные следствию. Сопоставление сведений, которые по указанным обстоятельствам предоставляли допрошенные лица в разное время, последовательность появления в них новых обстоятельств, которых ранее не существовало и о которых ничего не говорилось, указывает на надуманность обвинения в совершении осужденными, в том числе и Шкаевым, всех преступлений.

Так, в заявлении Л сообщал о дате преступления 20 сентября 2014 г. (т. 3 л.д. 98) и указывал на одно лицо.

В первых показаниях 25 июня 2015 г. (т. 3 л.д. 105-108) он еще раз четко указал дату – 20 сентября 2014 г., сообщив, что Ф просто попросила его отвезти на ул., д. Описывая молодых людей,

стоявших у подъезда, первого - рост 185-190, остальные более низкого роста 170-175 см., внешность не запомнил, видел у другого лица один пистолет ТТ, и указал свой номер телефона: [redacted]

Через два месяца, хотя Шкаев уже был задержан и содержался под стражей, проводится опознание, при котором Л[redacted] не сообщал, ни при каких обстоятельствах он видел и по каким признакам опознал Шкаева. Если он запомнил только одно лицо, ростом 190 см., и опознал Шкаева, то последний не подходит под это описание. При этом потерпевший не сообщал о наличии пистолета у Шкаева, но настаивал на дате – 20 сентября 2014 .

В последующем было установлено, что Л[redacted] использовал еще один номер телефона: [redacted]-5570 (рапорт оперуполномоченного К[redacted] – т. 3 л.д. 153). Не проверив данную информацию, с разрешения суда была получена статистика телефонных соединений с указанного номера (т. 3 л.д. 163 – протокол осмотра), но подтверждающих показания потерпевшего данных не обнаружено.

6 мая 2016 г. (т. 3 л.д. 110-111) Л[redacted] «вдруг вспоминает» иную дату преступления – в период с 24 августа по 31 августа 2014 г., но забывает свой номер телефона.

При допросе в с/з 28 ноября 2016 г. Л[redacted] подтверждает, что Шкаев первым подошел к его машине, то есть исходя из его всех показаний рост Шкаева должен быть 190 см., что не соответствует действительности. При этом у Шкаева в руках появляется пистолет, которым, однако он ничего не делает.

По данному эпизоду суд согласно обвинению, у Шкаева был пистолет «Оса», у Ф[redacted] – газовый пистолет «Сталкер» и пистолет «Стражник». Вместе с тем, Л[redacted] категорически настаивал, что ему угрожали пистолетом «Лидер» - он же ТТ. Все вышеперечисленные в обвинении пистолеты не похожи на ТТ, перепутать их невозможно. Суд в нарушение требований ст. 252 УПК РФ исключил из описания деяния конкретную модель оружия, сохранив лишь общее упоминание.

Впервые допрошенная 28 июля 2015 г. свидетель Ф[redacted] (т. 3 л.д. 117-119) первого подошедшего парня также описывала с высоким ростом, видела только один пистолет у второго, отрицая совершение в отношении неё каких-либо действий.

При опознании (т. 3 л.д. 123-124) до начала она не предупреждалась об ответственности по ст.ст. 307 и 308 УК РФ. Допрошенные в с/з понятая Б[redacted], понятой К[redacted], статист Л[redacted] подтвердили содержание протокола, в котором отсутствует указание о её предупреждении об ответственности. При этом Б[redacted] отметила существенное отличие между опознаваемым Шкаевым и статистами. Вместе с тем, несмотря на эти нарушения суд признал допустимым данный протокол, пытаясь это обосновать суждениями, прямо противоречащими требованиям ст. 193, 166 и 167 УПК РФ, допуская

возможность однократного предупреждения свидетеля об ответственности за дачу заведомо ложных показаний на весь период производства по делу.

Обращает внимание, что Ф[redacted] себя потерпевшей не считала (т. 3 л.д. 136-137), никакого ущерба ей не причинено, требований передачи имущества ей не высказывалось, насилие не применялось, угрозы не высказывались, в связи с чем, органом расследования она незаконно была признана потерпевшей (т. 3 л.д. 136-137).

В с/з 14 декабря 2016 г. Ф[redacted] при допросе вновь четко сообщила, что подошедшие сказали Л[redacted] «Делиться надо». Указала, что они разговаривали с ним, то есть сообщила обстоятельства, не характерные для разбойного нападения.

В связи с противоречивостью показаний потерпевших, недопустимостью остальных доказательств, вина Шкаева по данному эпизоду не доказана.

По эпизоду нападения на Б[redacted] адвокат обращает внимание на противоречивость его показаний. Так, в первоначальных показаниях (т. 3 л.д. 219-222) Б[redacted] указывал один номер телефона, на который он принимал заказы от постоянных клиентов. Через полгода он указывал уже другой номер. При этом по делу не представлено доказательств, подтверждающих нахождение в его собственности или пользовании телефона со вторым номером. Согласно детализации с этого номера (т. 7 л.д. 130), он зарегистрирован на некоего К[redacted] с 18 апреля 2012 г. Его личность не установлена, он не допрошен, его связь с потерпевшим не подтверждена, что опровергает вывод суда об использовании потерпевшим второго номера телефона.

Согласно представленной детализации по указанному второму номеру за период с 20 по 26 февраля 2015 г. нет ни одного соединения с номером, которым пользовалась супруга потерпевшего. При этом последняя в с/з уверенно заявила, что у супруга был в пользовании только один номер, тот который он указывал в первоначальных показаниях [redacted]-7079) – стр. 356 протокола). Нет по делу никаких соединений между супругами по второму номеру, зарегистрированному на К[redacted] что ставит под сомнение в целом показания Б[redacted]. Тот факт, что Б[redacted] не владел и не пользовался указанным вторым номером, косвенно подтверждается и тем, что сведения о лице, размещавшим в 2014-2015 гг. в рекламной газете объявления с таким номером, по делу отсутствуют. Б[redacted] не смог пояснить, кем размещался указанный номер в газете, откуда и каким образом он стал его обладателем, сколько он им пользовался. Более того, указание судом об одновременном пользовании этим номером Б[redacted] и неизвестным лицом или агентством по предоставлению интимных услуг, является противоречием и ставит под сомнение достоверность показаний потерпевшего.

О ложности показаний Б говорят и показания К, согласно которым ему известен указанный Б как второй номер телефона, который является номером вызова такси (стр. 628 протокола).

По делу не установлены и не допрошены лица, о которых Б заявлял как оказывающие сексуальные услуги и находившиеся в момент инкриминируемых событий с ним в машине.

Изложенное свидетельствует, что вывод суда о Б как лице, занимающимся организацией занятия проституцией, не соответствует фактическим обстоятельствам, вина Шкаева по данному эпизоду также не доказана.

По эпизоду нападения на К и П в ночь на 22 февраля 2015 г. адвокат, описывая приведенные в приговоре обстоятельства деяния, отмечает наличие существенных противоречий в показаниях потерпевших.

Так, первоначально К (т. 4 л.д. 18-21) указывал, что он как и остальные потерпевшие водители неофициально работал в качестве такси на своем автомобиле, принимал заказы на свой соответствующий абонентский номер. В ночь на 22 февраля 2015 г. он перевозил клиентов по городу. В 2 ч. 30 мин. получил заказ от знакомой Э (П) отвезти от д. по ул. к д. корп. по ул. Около 3 ч. он подъехал к указанному дому, вышел из машины и на него напали пятеро неизвестных.

Через год при очередном допросе К (т. 4 л.д. 45-48) указывал, что при работе такси пользовался каким-то другим телефоном, номер которого не помнит, именно на этот номер ему позвонила Э, оказывающая услуги интимного характера, указал иной адрес, откуда забирал Э

Позднее была допрошена П. Приводя содержание её допроса (т. 4 л.д. 59-60), суд указал на аналогичность её показаний показаниям К. Вместе с тем, её показания отличаются, в том числе и в количестве нападавших.

Полагает, что суд необоснованно использовал в приговоре факт знакомства П с К совершение ими звонков друг другу в день событий, как подтверждение некоей договоренности о доставлении П клиенту для интимных услуг, чем, по мнению суда, и были созданы условия нападения на К как «сутенера».

Обращает внимание, что по указанному в приговоре номеру, которым якобы пользовался К (причем иному, который указывал сам К в первых показаниях), согласно детализации (т. 7 л.д. 130), он принадлежит с 2006 г. другому лицу, личность которого также не установлена, не допрошен и связь с К не определена. Принадлежность номера, которым пользовалась П, не подтверждена.

Доказательств, что телефонные соединения, зарегистрированные по указанным номерам, относятся к событиям, определенным приговором как нападение на К[redacted] и П[redacted] по делу не представлено. Как не представлено таких номеров и в случае с Б[redacted], принадлежность которому абонентского номера, зарегистрированного на другое лицо, и их относимость к событиям, не подтверждена.

При этом согласно представленной детализации за период с 21 по 22 февраля 2015 г., зафиксированы многочисленные, в том числе в день преступления (22 февраля в 1:56:38 и 4:40;04) взаимные телефонные соединения абонентского номеров с окончанием 8889 (якобы «рабочего») и абонентского номера с окончанием 2107 (указан в протоколах допроса К[redacted]). Исходя из выводов суда, Клишев звонил сам себе с разных абонентских номеров, одновременно находившихся у него в пользовании, что свидетельствует об абсурдности изложенной в приговоре версии суда.

К тому же близкий знакомый К[redacted] свидетель К[redacted] указал только один номер, которым пользовался К[redacted] – с последними цифрами 2107 (стр. 626-627 протокола). Другой номер ему не знаком. Сам К[redacted] давая пояснения в суде по поводу их телефонных соединений с П[redacted] не называл каких-либо иных номеров, которыми он в тот момент пользовался.

Указывает, что по делу заявлено два абонентских номера согласно приговору находившихся в пользовании К[redacted]:
- с последними цифрами 2107 (действительно зарегистрированный на К[redacted] и указываемый им с момента первых показаний);
- номер с последними цифрами 8889, определенный судом как «рабочий», и который К[redacted] не помнил.

При этом в первых показаниях К[redacted] однозначно указывал, что вызовы он принимает только на первый номер. Второй номер появился в допросах спустя год и в показаниях П[redacted] (т. 4 л.д. 59 оборот).

Также по делу заявлены два номера, которыми пользовалась П[redacted] один из них с последними цифрами 6627. Этот номер она указала в единственном допросе (т. 4 л.д. 59-60). На него ссылался во вторых показаниях К[redacted] (т. 4 л.д. 46). Однако сведения о принадлежности указанного номера П[redacted] не проверялись, детализация по нему не запрашивалась. В деле нет взаимных соединений абонентских номеров, приписанных по приговору К[redacted] и П[redacted]

Вопреки утверждениям К[redacted] заявленных в первых двух допросах, что это П[redacted] ему первоначально позвонила, попросив отвезти на определенные адреса (т. 4 л.д. 19, 46), а тем более утверждений П[redacted], отрицавшей свою причастность к сфере оказания интимных услуг, суд в приговоре делает совершенно иной вывод о том, что первоначально К[redacted] позвонили с номера, который используется для

оказания интимных услуг, и уже потом в 2 ч. 31 мин. К[redacted] перезванивает П[redacted] (стр. 100-101 приговора). Именно этим объясняется приезд «сутенера» К[redacted] с П[redacted] к д. [redacted] корп. [redacted] по ул. Тимме.

Второй, фигурирующий по делу номер П[redacted] (с последними цифрами 8120), появился в ходе судебного заседания при допросе гос.обвинителем и как бы имеет отношение к П[redacted] которой он не был известен, но был обнаружен стороной обвинения (стр. 1048 протокола с/з). Вместе с тем принадлежность этого номера П[redacted] не проверена, детализация отсутствует. Ни К[redacted] ни П[redacted] об этом номере ничего не говорят.

По мнению адвоката, протоколы опознания Шкаева К[redacted] (т. 4 л.д. 28-31) и П[redacted] (т. 4 л.д. 63-64) являются недопустимыми доказательствами, так как в обоих случаях статисты существенно отличаются от опознаваемого. Судом не принято во внимание, что у Шкаева чистая славянская внешность, а у статистов - монголоидная.

Судом установлено, что по эпизодам с нападением на Б[redacted] и на К[redacted] с П[redacted] заказ девушек осуществлялся через номер с последними цифрами 2583. Б[redacted] при этом звонок был около 2 ч. (стр. 88 приговора). Согласно детализации было три соединения между номерами с последними цифрами 7007 (как бы Б[redacted]) и 2583:
- в 02:09 (якобы принятие заказа, т. 4 л.д. 5);
- в 02:17 (якобы подтверждение заказа, т. 4 л.д. 5);
- в 02:26 (якобы звонил, что подъезжает, т. 4 л.д. 5).

Эти ж пояснения Б[redacted] повторил в суде (стр. 360 и 372 протокола).

Судом высказана иная трактовка событий. Так, суд указывает, что с номера 7007 (зарегистрированный на К[redacted]) (стр. 100 приговора) на номер К[redacted] 2107 поступил заказ, в результате которого К[redacted] начинает созваниваться с П[redacted]. Звонок К[redacted] принял 22 февраля 2015 г. в 02 ч. 25 мин. (стр. 101 приговора).

Однако адвокат полагает невозможным одновременное нахождение в ночь на 22 февраля 2015 г. телефонного аппарата с абонентским номером с последними цифрами 7007 (зарегистрирован на К[redacted]) и у Б[redacted] (как это следует из приговора по его эпизоду, и у неких неизвестных лиц «занимающихся организацией незаконной деятельности по оказанию интимных услуг» (стр. 100 приговора). Если телефон находился у Б[redacted] подъезжавшего к месту назначения с «заказом», куда он прибыл в 02 ч. 26 мин., то ему незачем было за минуту до этого, т.е. в 02 ч.25 мин. звонить и передавать какой-то «заказ» К[redacted] Тем более, что по детализации телефонов Б[redacted] никакого «заказа» тот не принимал.

Излагая в приговоре обоснование такой версии телефонных соединений с номерами, заявленными за К[redacted] в части имеющихся

нестыковок и для обоснования, суд стал указывать другой вариант начала событий по получению заказа. И по обстоятельствам начала (т.е. определения – кто первым позвонил, К[redacted] или «банда») соединений с номером 2583, который приписывается банде, указал, что звонок был принят К[redacted] вследствие переадресации звонившего, который фактически набрал номер[redacted] в 2 ч. 47 мин. И уже потом на ставший известным номер «банды» в [redacted] позвонил К[redacted]

При этом по приговору не выяснено – от кого К[redacted] принял заказ:
- от приписываемого Б[redacted] номера 7007 (зарегистрированного на К[redacted]) – входящий звонок с указанного номера принят 22 февраля в 02 ч. 25 мин. (стр. 101 приговора)№\;
- либо К[redacted] принял заказ сам от кого-то из банды, звонившего с телефона 2583 «вследствие переадресации звонившего, который фактически набрал номер [redacted]1»; но в таком случае П[redacted] уже давно находилась у К[redacted] в автомобиле, что в таком случае не связано с предполагаемым оказанием ею услуг интимного характера, поскольку, по версии суда, от П[redacted] на такое участие в исполнении заказа было получено согласие еще в 02 ч. 31 мин., (стр. 101 приговора), а заказ поступил позднее в 2 ч. 47 мин.

На указанное противоречие было обращено внимание и стороной обвинения (стр. 612 протокола).

Также адвокат полагает необоснованным суждение суда о том, что осужденные, в том числе и Шкаев, для вызова «сутенеров» Б[redacted] и К[redacted] под предлогом вызова девушек использовали абонентский номер с окончанием 2583.

Согласно детализации с указанным номером за 22 февраля 2015 г. было зафиксировано семь соединений:
- в 2:09:48 исходящий на номер 7007 (заявлен как рабочий Б[redacted];
- в 02:14:49 исходящий на номер с последними цифрами 1439 – неизвестный абонент;
- в 2:17:12 входящий от 7070 (заявлен как рабочий Б[redacted]);
- в 02:26:28 входящий с номера 7007 (Б[redacted]а);
- в 02:47:20 исходящий с номера 3731 – неизвестный абонент;
- в 02:54:01 – входящий с номера 2107 – К[redacted];
- после истечения времени событий с участием Б[redacted], К[redacted] и П[redacted] в 03:07:22 исходящий с номера 06040 – неизвестный абонент.

Все перечисленные соединения с телефона, отнесенного к осужденным, были совершены последовательно, один за другим. Доказательства, что неизвестные номера относятся к заказу интимных услуг, нет.

Указывает, что вывод суда о том, что «К[redacted]; ответил на телефонный звонок и привез девушку по указанному адресу, в связи с чем у участников группы имелись веские основания полагать о причастности К[redacted] к указанной незаконной деятельности»

противоречат исследованным доказательствам, поскольку между номером, которым пользовались подсудимые (2583) и номером К (2107) 22 февраля 2015 г. зафиксировано только одно соединение – в 02:54:01, которое является входящим от К

Обстоятельством, указывающим на то, что показания К не являются воспоминаниями о произошедших событиях, а искусственно формировались в интересах следствия для обвинения Шкаева в причастности к банде, служат и оговорки К в суде. Так, отвечая на вопросы обвинения, о чем он разговаривал со своим знакомым К при телефонном соединении в 2 ч. 25 мин., К ответил, что рассказывал о событиях нападения (стр. 600 протокола), тогда как судом установлено, что нападение было не ранее 2 ч. 54 мин.

О непричастности Шкаева помимо указанных несовпадений свидетельствуют и показания Б Ш К П В П, Сивкова, детализацией телефонных соединений по номерам Сивкова и его знакомых и родственников, а также перепиской в социальной сети, которые суд необоснованно отверг.

По эпизоду нападения на К адвокат обращает внимание, что в первоначальном заявлении потерпевшего (т. 4 л.д. 72) и его первых показаниях (т. 4 л.д. 81) нападение на него было в ночь с 21 на 22 февраля 2015 г. около 2 ч. 30 мин. Однако это время совпадало со временем нападения на Б, вследствие чего в дальнейшем произошла его корректировка, что ставит под сомнение в целом достоверность его показаний.

Так, в первых показаниях К сообщал, что в ночь с 21 на 22 февраля 2015 г. он частным образом осуществляя перевозку пассажиров на остановке у Автовокзала подобрал двух девушек возраста около 30 лет и отвез их до д. корп. по ул. Тимме. Девушки расплатились и ушли.

В последующем, вероятнее всего, под воздействием органа следствия, показания К кардинально изменились. Он стал указывать, что ему позвонили с номера с последними цифрами 0640, заказали привезти от автовокзала двух девушек к д. корп. по ул. Тимме. При этом называлась уже другая дата, которая стала привязываться под вымышленные телефонные соединения, о которых также ничего не говорилось в первых показаниях.

При этом в приговоре не указаны ни время, когда якобы был осуществлен заказ, ни абонентский номер, с которого осужденные якобы заказали девушек. По делу отсутствуют Объективные сведения связи между номером К, использовавшего номер с окончанием 8890 и некоей «диспетчерской», принимающей заказы на девушек.

В качестве такого номера судом указан номер 0640. Однако нет никаких доказательств об отнесении данного номера к «Диспетчерской» по приему и распределению заказов.

Суд в приговоре в качестве причастности того или иного номера, используемого потерпевшими в деятельности по организации проституции, ссылается на публикации в соответствующей газете, якобы подтверждающей, что данные номера относятся к «досугу». Однако указанного номера там нет, как нет и номера К[redacted]. Данный номер осужденные, вопреки выводам суда, не могли получить ни при каких условиях, поскольку Г[redacted] задолго до этих событий передавал вымышленные номера.

Не учтено, что по этому номеру (0640), который по мнению суда, связан с «досугом», за весь период с 20 февраля 2015 г. по 25 февраля 2016 г. нет ни одного соединения с номерами, заявленными потерпевшими – «сутенерами». В связи с этим отнесение названного номера к деятельности по организации проституции является ошибочным. О чем, по мнению адвоката, свидетельствуют многочисленные соединения между этим номером и номером К[redacted] явно не обусловленных заказом девушек.

Ссылаясь на детализации, адвокат обращает внимание, что до соединений между номером «диспетчерской» и К[redacted], нет ни одного входящего на номер диспетчерской, который можно было бы расценить как заказ.

Обращает внимание, что в ситуации с К[redacted] также как и в эпизодах с другими ранее указанными потерпевшими, в последующих показаниях К[redacted] появляется другой якобы находящийся в его пользовании номер - с последними цифрами 9749, зарегистрированный на некую Е[redacted] которая также не устанавливалась и не допрашивалась. Связи с К[redacted] не установлено.

То обстоятельство, что 23 февраля 2015 г. по данному номеру зарегистрированы соединения с номерами, находившимися в пользовании К[redacted] (7494) и У[redacted](0452), не подтверждает принадлежность этого номера К[redacted].

Судом не дано оценки тому, что в определенные моменты имеется одновременно «пересечение» времени соединений по двум указанным номерам в разных местах нахождения звонившего, чего не может быть если бы этими номерами пользовалось одно и тоже лицо.

Так, 22.02.2015 г. в 23:15:32 и в 23:16:19 по абонентским номерам Е[redacted] (9749) и К[redacted] (8890) одновременно производились переговоры, тогда как эти абоненты находились в разных местах -в районе ул. Октябрьская и у .[redacted] по пр. Ленинградскому. 23 февраля при телефонных переговорах в 03:21:26 пользователь номера 9749 находился в районе пересечения пр. Московский и ул. Галушина, а номер К[redacted] в 03:19:56 находился в районе ул. Октябрят. 23 февраля в 03:25 пользователь номера 9749 был в районе д.[redacted] по ул. Смольный Буян, а К[redacted] – в 03:26:03 был в районе ул. Стрелковая.

Указанные факты опровергают вывод с уда о наличии в пользовании

К[redacted] обоих заявленных номеров. О наличии у К[redacted] одного номера заявлял и свидетель К[redacted] (стр. 528 протокола).

Кроме того, на принятый судом номер как «диспетчерская» (0640) не поступало никаких звонков с номера, которым бы реально пользовались осужденные или с приписанного им номера.

Также адвокат обращает внимание, что в своих первых показаниях (т. 4 л.д. 81-82) К[redacted] описывая нападавших, указывал общие внешние признаки без индивидуальных примет или особенностей (возраст 25-30 лет, приблизительный рост от 170 до 180 см., и пр.). Судом в качестве участников нападения признаны Соколов, Шкаев, Сивков и Жексембаев. При этом они существенно отличаются друг от друга по росту и не попадают под описание К[redacted], чему судом не дано оценки.

В судебном заседании свидетель К[redacted] заявляла о том, что в 2 ч. 30 мин. 23 февраля Шкаев находился в клубе, лично видела. Её показания подтверждаются перепиской в соц.сети «ВКонтакте» (приложение к жалобе), которую суд необоснованно отказал приобщать к материалам.

Также, ссылаясь на показания К[redacted], адвокат утверждает об отсутствии нападения, насилия, угроз, вооруженности.

Полагает недоказанным вину Шкаева и по данному эпизоду.

По эпизоду нападения на Б[redacted] в ночь на 1 марта 2015 г. отмечает, что в отличие от других потерпевших Б[redacted] пользовался одним номером с последними цифрами 0037.

По приговору суд данный номер соединяет с номером [redacted]-14-07, делая вывод о принадлежности его к сфере «досуга» и опубликованному в соответствующей газете. Вместе с тем вышеперечисленный номер отсутствует в рекламе газеты, которая исследовалась в суде (т. 7 л.д. 29-30). Отсутствует и номер Б[redacted]

Относительно некоей переадресации сторона защиты в ходе судебного разбирательства обращала внимание на надуманность такого заявления. Так, защитой указывалось, что обвинитель высказывал свои доводы по анализу соединений номера 6175, используемого подсудимыми в телефоне «Самсунг» с соответствующим IMEI, утраченным Ф[redacted] и с которого 1 марта 2015 г. в 03:26:57 был исходящий звонок на номер [redacted]7, что, по мнению обвинения, свидетельствовало о заказе девушек. Давая пояснения о данном соединении, обвинение сообщала, что согласно этой детализации, данный вызов «был осуществлен на номер[redacted]-07 с которого идет переадресация на номер с последними цифрами 0037, принадлежащего Б[redacted] (стр. 1826 протокола). Однако это не соответствует действительности. В суде исследовали три распечатки детализаций: с номером 6175, по номеру Б[redacted] и по номеру IMEI. В них нет никакой переадресации. Нет такой и по звонку на номер Б[redacted], притом, что в случае переадресации об этом указывается в детализации

(например, соединения 26.02.2015 г. в 23:16:54 или 28.02.2015 г. в 05:19:55).

Применительно к обоснованию причастности Шкаева, Сивкова и неизвестных лиц из «банды М» к преступлению в отношении Б, именно необходимостью ассоциировать приезд потерпевшего к д. по ул. Стрелковая в ночь на 1 марта 2015 г. именно с заказом девушек и стала причиной многочисленного изменения показаний Б появления в разные периоды времени новых сведений и телефонов, использование надуманных «переадресаций» на какие-то неподтвержденные «агентства интимных услуг».

Приводя описание деяния в части действий Шкаева, адвокат отмечает наличие обстоятельств, опровергающих показания потерпевшего и свидетеля Т

Так, согласно показаниям Б от 1 марта 2015 г. (т. 4 л.д. 215), и от 2 марта 2015 г. (т. 4 л.д. 220), указывался только один номер, которым пользовался Б – с последними цифрами 9205. При этом детализация по указанному номеру не запрашивалась и по делу не представлена.

Позднее в допросах от 5 марта 2015 г. (т. 4 л.д. 225) и от 28 января 2016 г. (т. 4 л.д. 230-231) Б стал указывать другой номер – с последними цифрами 0037 и его роль стала интерпретироваться как водителя, доставившего девушку по вызову, и потерпевшего в нападении.

Анализируя первоначальные показания Б и Т, содержание которых приводится в дополнениях, адвокат считает, что обстоятельства происшествия с Б в ходе которых он получил повреждения, затем были подогнаны под вид действий, совершаемых в отношении сутенеров, знакомых с Г И в показаниях Б и Т, в последствии появилась девушка, которая пользовалась соответствующим номером телефона (3762 - т. 4 л.д. 230), детализация по которому сразу не запрашивалась. Появляются звонки из агентства, но пропадает звонок Т.

Вместе с тем исследованная детализация по номеру 0037 опровергает как первоначальные показания Б и Т так и последующие показания Б, где появляется девушка по имени «А».

Полагает недопустимыми доказательствами протоколы опознания Шкаева Б и Т (т. 5 л.д. 26-29, 30-33), поскольку при опознании потерпевшие руководствовались не образом преступника, отобразившимся в их памяти, а увиденным в Интернете изображением (т. 5 л.д. 3-7), которое в результате добросовестного заблуждения в личности Шкаева они отождествили с нападавшем, хотя приведенное ими в протоколах допроса описание лиц, совершивших нападение, не позволяет сопоставить с изображением Шкаева. При этом, приметы,

которые они назвали при опознании (например карие глаза) они могли увидеть только на цветном изображение в Интернете, а не в темном дворе и за короткий промежуток времени.

Также адвокат отмечает, что на исследованной в суде видеозаписи зафиксировано, что ни у какого кафе «Встреча» Б не останавливался, поскольку сразу же проехал к первому подъезду д. по ул. Стрелковая, и за время записи, которая зафиксировала весь период движения автомобиля по городу до приезда к д. по ул. Стрелковая, ни Т ни иное лицо в автомобиль не садились. Кроме того, выстрел из травматического пистолета «Оса» также сопровождается выбросом огня и дыма, но на видео зафиксировано только две вспышки, которые по словам Б, являются его выстрелами свето-шумовыми патронами. Таким образом, запись видеорегистратора Б скорее опровергает, чем подтверждает, его показания.

С учетом всех своих доводов адвокат полагает, что ни по одному из вмененных эпизодов вина Шкаева не нашла подтверждение, в связи с чем, просит приговор отменить и передать дело на новое рассмотрение.

Осужденный Сивков в апелляционных жалобах полагает приговор незаконным и необоснованным. Указывает, что инкриминируемых преступлений не совершал. Во время совершения преступлений 21, 23 февраля и 1 марта 2015 г. находился дома, что подтверждено показаниями свидетелей и иными объективными доказательствами. Лица, на основании показаний которых суд сделал вывод о виновности, заблуждаются относительно его личности. Жексембаева, Плугару, Шагина, Ф и Соколова ранее никогда не видел, в баре «Империя» никогда не работал и не посещал.

Просит приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение.

В дополнениях Сивков указывает, что никого из осужденных кроме Шкаева он не знал. Со Шкаевым вместе работали в 2011-2012 гг. и больше не встречались. Никаких связей с ними он не имел. Это подтверждается тем, что по делу не представлено ни одного факта общения по телефону, отсутствием переписки между ними в программах-мессенджерах или социальных сетях, хотя по делу, помимо части его переписки в сети «ВКонтаке», представлены такие же переписки Плугару, Шагина и Шкаева, а также других охранников клуба – заключившего соглашение о сотрудничестве Ф и свидетеля Г.

Настаивает на том, что в клубе «Империя» никогда не бывал, и тем более не работал. О том, что он якобы входил в число охранников путано и без каких-либо подробностей говорили только свидетели под псевдонимами «А», «Ж», «Т», которые либо ошиблись, принимая его за кого-то другого, либо намеренно оговорили.

При этом суд не оценил, что они его называли то охранником, то посетителем, что свидетельствует о недостоверности их показаний.

Полагает, что лица, на основании показаний которых суд сделал вывод о виновности в совершении инкриминируемых деяний, заблуждаются относительно его причастности. В протоколах опознания по фотографии использована не его фотография, а мутное и нечеткое изображение головы человека, который похож на него отдаленно.

Свидетели, которые действительно работали в клубе, и которые постоянно контактировали с охраной и посетителями (Р[redacted], Т[redacted], С[redacted], А[redacted] охранник Г[redacted], Ф[redacted]), его не знают ни по фамилии, ни в лицо, ни как посетителя, ни как охранника.

По делу не представлено ни одного соединения по совершенным им в тот период времени звонкам или сообщениям, которые были бы зафиксированы по месту нахождения клуба, хотя некоторые обстоятельства привязаны по телефонным звонкам к адресу нахождения клуба «Империя».

Указывает, что помимо участия в банде ему инкриминировались нападения в ночь на 22 февраля на Б[redacted], К[redacted] и П[redacted], в следующую ночь на 23 февраля – на К[redacted] а в ночь на 1 марта – на Б[redacted]. Вместе с тем в указанные даты он находился дома, что подтверждается показаниями свидетелей и объективными доказательствами.

Так была представлена переписка в социальной сети «ВКонтакте» с Б[redacted], Ш[redacted] К[redacted] Её содержание, описание уже совершенных и предполагаемых действий: встреча с сослуживцами, посещение ресторана «Зимний сад», обсуждение варианта выезда оттуда домой, приезд Ш[redacted] из соседнего г. Новодвинска к нему домой с ночевкой, посещение сестры и иные действия, подтверждается последующими телефонными соединениями с его телефона, а также телефонов указанных лиц, и иных свидетелей – П[redacted], В[redacted] П[redacted] которые были совершены во исполнение обсуждаемых в переписке планов.

Наличие родственных и дружеских связей не опровергает достоверность их показаний. В этой связи полагает необоснованными выводы суда о непринятии этой переписки по мотивам непредставления источника её появления.

Отмечает, что по делу была представлена лишь часть его переписки, изъятая в ООО «ВКонтакте» и только в части общения с Б[redacted], в связи с чем, полагает необоснованным отказ суда в запросе всей информации о его переписке в «ВКонтакте», в том числе и с другими лицами, при том, что данным фактом (отсутствие другой переписки) суд обосновывал свои выводы.

Высказывает несогласие с выводом суда об отсутствии у него в пользовании абонентского номера [redacted]-9920 и телефонного аппарата

«Люмия», с которого производились соединения по данной СИМ-карте (стр. 108 приговора). Так, в приговоре поставлено под сомнение, что он пользовался этим телефоном. Хотя все запросы, справки, рапорты и судебные разрешения на получение информации о его телефонных соединениях были даны на данный номер, принадлежащий именно ему. Об этом номере указывали и все свидетели. Данный телефон находится среди вещественных доказательств, хотя суд его отсутствием обосновывал непринятие во внимание его и перечисленных свидетелей показания.

Просит приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение.

Адвокат Постников Д.Н. в защиту Сивкова в апелляционной жалобе, не приводя конкретных доводов, полагает приговор незаконным и необоснованным. Просит приговор отменить и оправдать Сивкова по всем инкриминируемым составам.

Адвокат Армеев О.В. в апелляционной жалобе в защиту Сивкова также полагает приговор незаконным и необоснованным. Указывает, что по делу не представлено доказательств не только причастности Сивкова к банде, но и наличие такой банды. Суд не принял во внимание подтвержденные факты о том, что Сивков ранее не был знаком с Жексембаевым, Плугару, Шагиным, Ф[redacted] и Соколовым, в баре «Империя» не работал и его не посещал. По делу были представлены объективные доказательства, подтверждающие, что во время инкриминируемых нападений Сивков находился дома. Суд необоснованно принял во внимание противоречивые показания лиц, на основании которых было постановлено судебное решение. Указанные лица по тем или иным причинам заблуждаются относительно причастности Сивкова к событиям и действиям, совершенным в отношении потерпевших. При этом судом приняты во внимание ряд процессуальных документов и свидетельские показания, полученные с нарушениями закона.

Просит об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение.

Осужденный Шагин М.Н. в апелляционной жалобе указывает на незаконность и необоснованность приговора. Отмечает, что в ходе предварительного расследования не были приобщены ряд документов, имеющих значение для дела, а при принятии решения по делу судом неправильно применен уголовный закон. Просит отменить приговор и его оправдать.

В 4-х дополнениях от 25 и 26 декабря 2017 года Шагин настаивает на том, что в банде не состоял, участия не принимал, вымогательства в её составе у М[redacted] не совершал.

Приводя и анализируя признаки банды, отмечает, что таковых по

делу не установлено, его работа в клубе в качестве охранника не была связана с деятельностью, так называемой банды, никто из свидетелей не смог дать изобличающие показания, а показания свидетелей под псевдонимами голословны, носят обобщающий характер, являются предположением и не могут быть положены в основу приговора.

Утверждает, что обнаруженное у него оружие не имеет отношения к деятельности банды. Травматического оружия у него не было, а пневматический пистолет не обладает признаками огнестрельного оружия, о чем свидетельствуют приложенные им к дополнениям документы.

Указывает, что у М оказался случайно, по просьбе Плугару, в их разговор не вмешивался, угроз и требований передачи денег не высказывал, о чем пояснял сам потерпевший. О дате встречи Плугару с М ему известно не было, так как её (дату) определял сам потерпевший при первой встрече, что опровергает показания Ф.

Считает, что показания Ф о фигурирующих у него, Шагина, пистолетах, в приговоре приведены не полно, а выводы суда о его осведомленности о наличии у других травматических пистолетов, не основаны на исследованных доказательствах.

Оспаривая выводы суда о том, что он ввел в банду помимо двух указанных пистолетов, не являющихся огнестрельным оружием, многочисленные мобильные телефоны и сим-карты, Шагин отмечает, что при обыске, где проживали также и его родители, были изъяты три мобильных телефона, 2 коробки из-под телефона, три стартовых пакета оператора «ТЕЛЕ-2», 2 пакета «Билайн» и сим-карта «Мегафона». Все изъятые телефоны и сим-карты приобретались легально, ими пользовались как его родные, так и он сам. Кроме того по делу отсутствуют доказательства общения подсудимых между собой посредством мобильной связи, а показания Ф о том, что они якобы для этих целей использовали телефоны, не находящиеся в повседневном пользовании, являются оговором. Ф не смог назвать ни одного номера, по которому кто-либо с кем-либо из осужденных или он сам звонили друг другу.

Просит приговор отменить и его оправдать.

Адвокат Антипина Л.В. в защиту Шагина в жалобе, не приводя конкретных доводов, также просит об отмене приговора и оправдании Шагина.

В дополнениях адвокат Антипина Л.В., анализируя и ссылаясь на признаки банды, отмечает, что таких признаков по делу не установлено. По делу не установлено, что Шагин как участник банды подыскивал объекты нападений, участвовал в их планировании и подготовке, был осведомлен о наличии у других оружия.

Свидетели под псевдонимами «Ж», «В», «Д» по факту участия Шагина в банде высказались абстрактно, обобщенно, не смогли конкретизировать ни конкретные встречи, в которых он принимал участие, ни его роль, ни чем он был вооружен. Никто не смог пояснить, когда конкретно и что конкретно Шагин обсуждал с Соколовым и иными членами банды в клубе «Империя». Показания всех свидетелей под псевдонимами носят предположительный характер и не могли быть положены в основу обвинения. При этом свидетели «Т» и «А» лишь пояснили, что Шагин был из числа наиболее приближенных к Соколову охранников, что не доказывает факт участия в банде, а свидетель «И» вообще ничего не смог пояснить.

Показания Ф, касающиеся якобы участия Шагина в банде, созданной Соколовым, противоречивы, опровергаются иными доказательствами, в частности, показаниями потерпевшего Г, который Шагина в судебном заседании не опознал, пояснив, что его раньше никогда не видел, хотя Ф утверждал, что на встречу в кафе «Смак» с Г в марте 2014 года они приехали втроем - он, Соколов и Шагин, который оставался на улице и обыскал Г при входе. Г в судебном заседании четко пояснял, что обыскивал его незнакомый человек, Шагина в нем он не узнает.

Обнаружение у Шагина при обыске 19 января 2016 года в жилище пневматического и газового пистолетов также не является доказательством участия в банде. Появление этих пистолетов Шагин подробно и последовательно объяснял в ходе предварительного расследования и в судебном заседании. Его показания подтверждены показаниями родителей, необоснованно отвергнутых судом, поскольку они подтверждались показаниями свидетеля Г

Обращает внимание, что ни один из потерпевших Шагина не опознал, а вывод суда о приискании им в составе банды таких лиц как объектов нападений голословен. Факт нахождения Шагина в клубе «Империя» сам по себе доказательством его участия в банде не является, а его частое пребывание в клубе обусловлено работой в качестве охранника. Не установлено судом и никаких взаимоотношений, кроме рабочих, Шагина с членами так называемой банды.

Также адвокат считает необоснованным осуждение Шагина по эпизоду вымогательства у М

Приводя изложенные в приговоре обстоятельства преступления, выводы суда об оценке доводов стороны защиты, цитируя разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, полагает, что в действиях Шагина, как их установил суд, отсутствуют признаки вымогательства. В сказанной М фразе, что они могут решить любые проблемы, требований передачи денежных средств не содержалось, угроз в ней не было. М при этом сам уточнил, что слова Шагина он не

воспринимал как вымогательство, этих слов не испугался, то есть фраза не несла в себе какой-либо угрозы, не содержала предложений о совместной работе, не означала требований о передаче денег, не воспринималась как угроза. Роль Шагина свелась лишь к молчаливому присутствию. Показания Ф опровергаются тем, что на момент имевшего место якобы совместного обсуждения Соколовым, Ф и Плугару первой встречи Плугару и Ф с М 13 мая 2014 года, в ходе которого Ф по причине его нахождения 19 мая 2014 года в деревне с Соколовым для участия на встрече с М был заменен на Шагина, дата второй встречи (19 мая) еще известна не была, то есть Ф не мог знать о том, что будет ли он во время этой второй встречи находиться в деревне или нет.

С учетом своих доводов адвокат просит об отмене приговора и оправдании Шагина по инкриминируемым деяниям.

Осужденный Жексембаев в апелляционной жалобе указывает, что, оправдав его по ч. 2 ст. 209 УК РФ, суд необоснованно осудил по другим составам преступлений. При этом суд проигнорировал показания многочисленных свидетелей, подтвердивших его показания о том, что в клубе «Империя» он работал и бывал с сентября 2014 г. до середины января 2015 г. (Н, Р, А, З, Г, К, Л, Б, М), чьи показания в приговоре изложены неверно).

Отмечает, что в середине января 2015 г. у него началась учебная сессия и он прекратил работу в клубе, признанном местом сбора банды. Копия зачетной книжки приобщена к делу.

Указывает, что в приговоре не приведено доказательств привлечения его Соколовым к нападению на К в ночь на 23 февраля 2015 г.

Настаивает на своей непричастности к нападению на К, указывая, что оперативным сотрудником К еще в ходе следствия предлагалось стать засекреченным свидетелем и дать показания против остальных в обмен на послабления.

Показания К расценивает как недостоверные. Так, в своем заявлении К указывал, что нападение было в ночь на 22 февраля 2015 г. (т. 4 л.д. 72), неизвестные лица похитили 500 руб., их количество не указывал, об угрозах не сообщал.

В объяснениях, которые суд не дал огласить, К подробно описывал приметы. При допросе 16 июня 2015 г. (т. 4 л.д. 81) К следующим образом описал нападавших:

- № 1 – на вид 25-30 лет, рост 175-180, лицо худощавое, волосы черные, одет в спортивные штаны серого цвета, куртка болоньевая черного цвета, кепка темного цвета (требовал деньги);
- № 2 - на вид 25-30 лет, рост 170-175 см., среднего телосложения, одет в куртку черного цвета с капюшоном на голове, синие штаны (стоял с

правого бока);
- № 3 – на вид 25-30 лет, рост 170-175 см., худощавого телосложения, волосы светлые короткие, одет в спортивную одежду (стоял с левого бока);
- № 4 – на вид 25-30 лет, рост 170-175 см., во что одет и других примет не запомнил, стоял сзади и его не видел.

При этом указывает, что молодых людей под номера 1, 2, 3 сможет опознать.

По его мнению, на достоверность показаний К влияет и тот факт, что он сам по-сути мог быть привлечен к ответственности по ст. 241 УК РФ, о чем свидетельствуют имеющиеся в деле соответствующие процессуальные документы.

Обращает внимание, что суд (стр. 122 приговора), делая вывод о том, что Соколов, Шкаев, Сивков и Жексембаев заранее определили роли, место совершения преступления, не привел доказательств в подтверждение этих выводов.

В суде, вопреки доводам приговора (стр. 114-115), К 5 декабря 2016 г. указал на Шагина как лицо, совершившее в отношении него преступление. При этом рост Шагина 1 м. 60 см. и он никак не похож на С с ростом 1 м. 85 см.

Указывает, что в судебном заседании К утверждал, что ему позвонили девушки с номера с последними цифрами 0640 (т. 4 л.д. 124, 134). Суд в приговоре (стр. 118) посчитал неважным, кто звонил К для установления юридически значимых фактов, но при этом утверждает (стр. 122 приговора), что подсудимые посредством мобильного телефона заказали девушек, тем самым выманили К к д. корп. по ул. Тимме.

Отмечает, что обнаруженный в его машине телефон «Самсунг» при задержании 22 августа 2015 г. (т. 6 л.д. 126-129, 132-133), ему не принадлежит, был оставлен кем-то из пассажиров, у него была возможность избавиться от него при осведомленности, что с телефона осуществлялись звонки при совершении преступлений, чему суд не дал оценки. При этом считает абсурдным вывод суда о том, что сим-карта в этом телефоне была активирована в непосредственной близости от места жительства Шкаева.

В обоснование виновности суд сослался на показания свидетелей под псевдонимами «Ж», «В», «И» о его осведомленности о целях и задачах организованной группы. Однако не дано оценки наличию противоречий в их показаниях. Так, «И» утверждал, что он работал вместе с Плугару и Шагиным в 2014 г. и участвовал весной 2014 г. в конфликте с Г, что опровергается показаниями Ф «Ж» утверждал, что он был при нападении с начала 2014 г. по конец 2015 г., присутствовал на встрече в кафе у «Михал Михалыча», что было опровергнуто участниками встречи – свидетелями

Г[redacted] и Ф[redacted]. Показания «В[redacted]» неконкретны, его утверждения о том, что о «крышевании» коммерсантов ему известно с его и Соколова слов, ничем не подтверждаются. В связи с этим считает необоснованным отказ суда в рассекречивании данных об этих свидетелях, которые не заявляли о каких-либо угрозах.

По эпизоду с С[redacted] суд положил в основу обвинения показания потерпевшего С[redacted] и свидетеля М[redacted], не усмотрев в них существенных противоречий (стр. 148 приговора). Вместе с тем их показания в приговоре искажены.

Приводя содержание показаний потерпевшего С[redacted] в судебном заседании 26 декабря 2016 г., его ответы на вопросы участников процесса, осужденный обращает внимание, что потерпевший не заявлял о каких-либо угрозах, требованиях денег. Лишь после перерыва и оказанного обвинением на потерпевшего давления, последний стал говорить, что в первых допросах он просто забыл некоторые моменты и вспомнил об угрозах.

Показания М[redacted] также его не уличают.

Полагает, что обвинение сфальсифицировано в отместку за его отказ дать нужные следствию показания в отношении остальных участников.

Просит приговор отменить и уголовное дело прекратить за непричастностью.

В дополнениях Жексембаев обращает внимание, что показания свидетелей Б[redacted], Н[redacted], М[redacted] Р[redacted] А[redacted], Л[redacted] З[redacted], К[redacted], Г[redacted] С[redacted] подтвердивших, что он работал в клубе до середины января 2015 г. в приговоре искажены и изложены неправильно.

Повторно подвергает сомнению достоверность показаний К[redacted] по ранее приведенным причинам. Повторяет доводы о необоснованном отказе в оглашении объяснений К[redacted] его заинтересованности, в предвзятости суда, необоснованном отклонении доводов защиты, о ложности и недопустимости показания засекреченных свидетелей, о неконкретности их показаний, об отсутствии оснований для их засекречивания, все ранее приведенные доводы по эпизоду в отношении С[redacted], об оказании на него давления со стороны оперативных сотрудников и следствия.

Считает необоснованным приобщение к делу показаний свидетеля Н[redacted] поскольку он не допрашивался и не предупреждался об ответственности (стр. 28 приговора).

Повторяет просьбу об отмене приговора и прекращении уголовного преследования.

В еще одних дополнениях Жексембаев, не приводя конкретных доводов в части оспаривания тех или иных обстоятельств дела, ссылается на международные договоры РФ, Европейскую конвенцию по

защите прав и основных свобод, Конституцию РФ, УК и УПК РФ, констатирует нарушение своих прав, утверждает о своей невиновности и настаивает на отмене приговора.

В дополнениях от 9 января 2018 г. Жексембаев фактически повторяет ранее приведенные доводы, утверждает о фабрикации обвинения в отношении него, недоказанности вины, допущенных следствием и судом процессуальных нарушениях, в том числе отказ от рассекречивания подлинных данных о свидетелях под псевдонимами, предвзятости обвинения, неконкретности показаний потерпевших и свидетелей под псевдонимами, отсутствия доказательств его связи с другими так называемыми участниками банды и исполнителя конкретных преступлений. (Ходатайствует о рассекречивании данных свидетелей под псевдонимами).

Адвокат Каршенова В.А. в защиту Жексембаева в своей апелляционной жалобе приводит доводы, аналогичные приведенным осужденным в жалобе и дополнениях доводы. Обращает внимание на наличие многочисленных противоречий в показаниях засекреченных свидетелей, которые не устранены, и, вопреки требованиям закона, истолкованы не в пользу осужденного. Оспаривает вывод суда о том, что действия лиц, приходивших в кафе к С[redacted] в марте 2015 г. являлись продолжением ранее начатых Жексембаевым действий и охватывались единым умыслом.

Просит приговор отменить и прекратить уголовное преследование за непричастностью.

В дополнениях адвокат Армеев О.В. в защиту Сивкова Е.А. считает, что в ходе судебного разбирательства были допущены ограничения гарантированных УПК прав, что повлияло на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Согласно требованиям ст. 15, 243 УПК РФ суд не должен выступать на стороне защиты или обвинения, и обязан в равной степени создавать необходимые условия для исполнения сторонами своих функций по реализации предоставленных им законом прав, обеспечить состязательность и равноправие сторон.

Первоначально, в ходе судебного разбирательства до момента допроса потерпевшего Б[redacted] председательствующим был определен порядок, согласно которого исследованные в суде доказательства могли быть представлены для обозрения и постановки дополнительных вопросов допрашиваемому любой из участвующих сторон.

Стороны пользовались таким порядком неоднократно, представляя документы потерпевшему Л[redacted] (т. 28 стр. 242-243 протокола); потерпевшему У[redacted] (т. 28 стр. 290, 294 протокола); свидетелю Б[redacted] (т. 28 стр. 313 протокола); потерпевшему Б[redacted] (т. 28 стр.

370-373, 379); и самому потерпевшему Б (т. 28 стр. 421-422, 427 протокола). А потерпевшему Л те же документы, которые им уже обозревались в тот день, находящиеся в т. 3 на л.д. 140-143 и 147-150. государственным обвинителем были предъявлены дважды (т. 28 стр. 242-243 протокола). Чем обеспечивались предусмотренные законом равноправие сторон и состязательность.

Позже мнение суда относительно порядка исследования доказательств и ведение судебных допросов изменилось в сторону ограничения прав защиты. В удовлетворении ходатайства стороны защиты о повторном воспроизведении Б ранее исследованной видеозаписи событий, инкриминированных осужденным по обстоятельствам преступления в отношении Б, для постановки уточняющих вопросов в связи с несоответствием видеоряда и представленных по нему Б показаниям, что свидетельствовало о недостоверности показаний, судом было незаконно дважды отказано (т. 28 стр. 438-439 протокола). Притом, до этого сторона защиты просила, чтобы Б во время первого просмотра видеозаписи сразу давал комментарии не только на вопросы государственного обвинения, но и на вопросы защиты. Судом было заявлено, что *«стороне защиты будет предоставлена возможность задать потерпевшему Б уточняющие вопросы, касающиеся данной видеозаписи»* (т. 28 л.д. 215 оборотная сторона (стр. 430 протокола)), однако в реализации этого права стороне защиты позже было отказано. Тем самым был грубо нарушен принцип состязательности, и более того - судом были намеренно созданы препятствия для установления истины при наличии фактов явного лжесвидетельствования допрашиваемого. О чем было заявлено председательствующему непосредственно в судебном заседании.

В ходе исследования указанной записи видеорегистратора автомобиля представленной Б (т. 28 л. 215, стр. 429-430) и протокола ее осмотра (т. 28 л. 214, стр. 427), стало очевидно, что Б даются не соответствующие действительности показания, касающиеся определения принадлежности фигуры человека, запечатленного на видеозаписи первого и второго файла, а также относительно участия в событиях его сожительницы Т

При наличии таких противоречивых, указывающих на ложность показаний Б председательствующим были созданы препятствия для выяснения стороной защиты существенных обстоятельств, в том числе тех, которые позволили бы проверить достоверность показаний Б и Т Председательствующим прерывался допрос Б стороной защиты (том 28 л.д. 218 - стр. протокола 235), необоснованно неоднократно снимались вопросы стороны защиты (т. 28 л.д. 218, 219, стр. протокола 436 и 437).

При просмотре указанной видеозаписи, судом было запрещено стороне защиты задавать вопросы Б непосредственно в момент воспроизведения изображения по каждому конкретному значимому обстоятельству воспроизводимого сюжета (т. 28 стр. протокола 429-430). После чего, также дважды, было отказано стороне защиты в повторном предъявлении Б указанной видеозаписи для постановки соответствующих вопросов и получения комментариев по поводу выявленных несоответствий и прямых противоречий между показаниями в устной форме и зафиксированными на видео событиями. Тем самым сторона защиты была ограничена в своих правах.

Напротив, в судебном заседании 23 ноября 2016 г. стороной обвинения и судом (т. 28 стр. 85-87 протокола) допрашивалась свидетель Н по обстоятельствам, не имеющим никакого отношения к делу. В тоже время в схожих ситуациях суд снимал вопросы стороны защиты по надуманным основаниям (т. 31 стр. 1584 протокола).

Стороной защиты (адвокатом Мыльниковым О.В.) было заявлено ходатайство о представлении потерпевшему У общей фотографии сотрудников клуба «Рандеву», где запечатлены Соколов и У, которые, по пояснениям Соколова, оба ранее работали в данном клубе (т. 28 стр. 283-284, 298-299 протокола). Что подтверждало их предыдущее знакомство, и являлось доказательством того, что У не мог не узнать Соколова среди нападавших, если бы Соколов, которому это нападение инкриминировано приговором, действительно был среди участников. Доводы защиты были объективными, очевидными, и неоспоримыми, в связи с тем, что на фото действительно запечатлен Соколов, и сторона защита обоснованно указывала, что одновременно с Соколовым в рабочей обстановке клуба «Рандеву» запечатлен и У Тот факт, что на фото запечатлены именно У и Соколов, возможно было опровергнуть в ходе судебного заседания, а также выяснить, действительно ли данная фотография была сделана в клубе «Рандеву», путем постановки вопросов У Тем более, что У согласился, что ранее был охранником клуба «Рандеву», но, как он указал, другого.

Однако суд по надуманным основаниям, под предлогом, что фотография, представленная из личного фотоархива Соколова, должна тем не менее иметь некие «обязательные» реквизиты, включающие название какой-то организации (по-видимому той, где она была сделана), незаконно отказал в удовлетворении ходатайства. Чем ограничил права защиты на предоставление доказательств, свидетельствующего о более раннем профессиональном знакомстве У и Соколова, и установления имеющих существенное значение для дела обстоятельств.

Отказ в исследовании указанной фотографии позволил У ложно отвергать факт раннего знакомства с Соколовым и их совместной

работы, что повлияло на оценку достоверности его показаний относительно участников событий и действий каждого из них.

Кроме того, судом были созданы препятствия в выяснении конкретных обстоятельств нападений у потерпевших и свидетелей, в том числе под псевдонимами.

Так, свидетель «И[redacted]», как и другие, давал пространные объяснения относительно участия осужденных в неких криминальных встречах, без указания, где они проводились, когда и с кем (т. 28 стр. 156 протокола). Обвинением, а затем и судом указанные сведения использованы как подтверждение криминального характера общения осужденных между собой, и как одно из оснований создания банды. Однако обоснованный вопрос «Поясните, кто, куда и на какие встречи ездил?» был неправомерно снят судом (т. 28 стр. 160 протокола).

В судебном заседании 30 ноября 2016 г. также был необоснованно снят вопрос стороны защиты (адвоката Постникова Д.Н.) потерпевшему Б[redacted], предлагавший конкретизировать действия Сивкова, которые давали бы повод для его привлечения к уголовной ответственности по данному эпизоду (т. 28 стр. 374 протокола).

При этом ранее, определяя пределы полномочий стороны защиты в постановке вопросов, суд заявлял, что «*...фактические обстоятельства по уголовному делу не установлены, а лишь выясняются на основании представляемых сторонами доказательств»)* (т. 28 стр. 245 протокола). То есть судом было допущено прямое и намеренное ущемление прав стороны защиты, при декларировании соблюдения судом этих возможностей.

При отсутствии должного реагирования свидетели, в первую очередь те, которые допрашивались под псевдонимами, непосредственно в суде фактически заявляли об отказе в даче показаний, мотивируя отказ надуманными основаниями, что конкретизация обстоятельств, на чем настаивала сторона защиты, *«может их изобличить»*.

При допросе Г[redacted] он по требованию председательствующего изготовил к своим пояснениям рукописную схему расположения лиц, про которых давал показания, на лестничной площадке клуба «Империя» в момент первой заявленной встречи с осужденными (т. 28 стр. 55 протокола).

В ходе допроса в судебном заседании 23 ноября 2016 г. свидетеля под псевдонимом «И[redacted]», который назвал себя очевидцем событий, произошедших с Г[redacted], защитой было заявлено ходатайство о проведении аналогичной процедуры — отобразить на схеме расположение лиц, в том числе и самого свидетеля, в эпизоде, про который данный свидетель давал пояснение. Судом данное ходатайство было незаконно отклонено под надуманным предлогом, что свидетель *«описал общее расположение лиц»,* но не может пояснить *«каким образом каждый из них располагайся...»* (т. 28 стр. 157 протокола), даже

не выясняя у свидетеля возможность исполнения такой рукописной схемы. При этом свидетель под псевдонимом «И[redacted] устно в общих чертах позиционировал участников эпизода, но лишь относительно размеров площадки, входов и выходов с нее.

Тем самым сторона защиты была лишена возможности взаимно сверить показания Г[redacted] и свидетеля под псевдонимом «И[redacted]» на предмет их достоверности, и тем более правдивости самого свидетеля под псевдонимом «И[redacted]», как лица, позиционирующего себя очевидцем излагаемых событий.

Сторона защиты также заявляла несогласие с установленным судом порядком, когда у потерпевших и свидетелей стороной обвинения практически не выясняются конкретные обстоятельства событий, либо ставятся на разрешение наводящие вопросы, уже содержащие в себе нужные ответы, после чего заявляется ходатайство об оглашении показаний. Тем самым защита была лишена возможности проверить достоверность показаний свидетелей под псевдонимами, а принцип состязательности не соблюдался. Об этом сторона защиты высказывала неоднократные возражения (т. 28 стр. 165-166, т. 29 стр. 241 протокола).

Суд на данные возражения надлежащим образом не реагировал. Напротив, в ряде случаев самостоятельно допускал откровенное давление на допрашиваемых. Так, в ходе допроса потерпевшего Л[redacted] председательствующим вопрос - известно ли тому, занимались ли иные его знакомые таксисты «*перевозкой проституток*» - в целях получения нужного для обвинительного приговора ответа, засвидетельствовавшего бы причастность «знакомых таксистов» к организации деятельности проституции, задавался четырежды подряд, хотя Л[redacted] уже первоначально ответил, что не знает об этом (т. 28 стр. 254 протокола).

Председательствующим не пресекались наводящие вопросы стороны обвинения, а равно и допускались собственные вопросы, по уже выясненным обстоятельствам, ответы на которые имели заведомо обвинительный уклон и содержали безусловные высказывания о виновности осужденных.

Так, в заседании 21 ноября 2016 года председательствующим Г[redacted] был задан вопрос: «Каким образом Вы воспринимали описанные Вами действия Соколова и остальных охранников при событиях в клубе «Империя»? Каждый из них действовал самостоятельно или они действовали все вместе?» (т. 28 стр. 52 протокола) и получен соответствующий ответ. Практически аналогичный вопрос был задан стороной обвинения: «Как Вы воспринимали действия лиц, которые находились с Вами на лестничной площадке клуба «Империя», когда вы разговаривали с Соколовым? Они действовали согласованно либо по отдельности?» (т. 28 стр. 63 протокола), который не был снят председательствующим «как ранее исследованный».

Аналогичные наводящие вопросы, не предполагающие вариантов ответа, задавались свидетелю обвинения К в с/з 24 ноября (т. 28 стр. 214 протокола), потерпевшему Л в с/з 28 ноября (т. 28 стр. 231-232 протокола), потерпевшему У в с/з 29 ноября (т. 28 стр. 278 протокола), потерпевшему Б в с/з 30 ноября (т. 28 стр. 278 протокола).

Сторона защиты в ходе судебного разбирательства неоднократно заявляла возражения против постановки государственным обвинителем вопросов, направленных на получение от допрашиваемого лица предположений относительно наличия тех или иных обстоятельств.

Так, при допросе свидетеля Я в судебном заседании 22 ноября государственным обвинителем бы задан вопрос: «*Охрана клуба могла видеть, как Вам наносят удары?*», предполагавший высказывание допрашиваемым предположений. Однако судом он снят не был (т. 28 стр. 77 протокола).

В ходе допроса специалиста К государственным обвинителем был поставлен вопрос, требующий высказывания специалистом ответа, какой результат будет получен исходя из предполагаемых, но не случившихся в действительности и отсутствующих в материалах дела последствий, наступление которых не являлось очевидным: «*Согласно материалам дела и представленным Вами документам, пули, которые были извлечены из тела Соколова А.А., могли быть выстреляны из травматического оружия типа «ОСА». ...можете ли Вы сказать, в случае попадания таких пуль в жизненно-важные органы, например, в висок, в голову, способно ли данное ранение привести к смерти человека?*» (т. 31 л.д. 107). Несмотря на возражения стороны защиты о том, что данный вопрос задан в незаконной форме, суд отказался снять указанный вопрос, мотивируя неким *«регламентом»*.

Тогда же, когда сторона защиты задала вопрос о влиянии на возможность передвижения человека факторов болевой чувствительности, имея в виду нахождение Соколова на излечении после травмы, что исключало его участие в совершении преступлений, датированных февралем-мартом 2015 года, приведя соответствующие примеры такого болезненного состояния, суд снял этот вопрос, требуя уже *«задавать вопросы по существу рассматриваемого дела, непосредственно по тем обстоятельствам, которые подлежат выяснению, а в данном случае — по конкретным телесным повреждениям»* (т. 31 л.д. 108).

В начале судебного разбирательства суд, относительно способа, объема и порядка представления доказательств сторонам, установил, что защита также может *«ссылаться на исследованные в судебном заседании доказательства и представлять свои доказательства любым незапрещенным законом способом и в необходимом ей объеме»* (т. 28 стр. 125 протокола).

Однако на деле в ходе судебного процесса, суд вопреки закону и им же установленному порядку неоднократно ограничивал права защиты.

Так, допрашивая свидетеля А государственный обвинитель задает вопрос, ссылаясь на показания ранее допрошенного брата данного свидетеля (т. 28 стр. 122 протокола). Когда же адвокат Каршенова В.А. аналогичным образом задает вопрос со ссылкой на ранее полученные показания другого свидетеля, данный вопрос председательствующим был снят, с надуманной мотивировкой, что *«при постановке вопросов перед допрашиваемым свидетелем она не вправе комментировать показания иных свидетелей и давать им свою собственную оценку...»* (т. 28 стр. 127 протокола).

В ходе с/з 29 ноября 2016 г. было разрешено стороне обвинения исследовать объяснения У в т. 3 на л.д. 175 (т. 28 стр. 191-192 протокола).

В тоже время при поступлении аналогичных ходатайств защиты принимались противоположные решения.

Так, стороной защиты (адвокатом Васильевым О М) было заявлено ходатайство об исследовании объяснений Б в т. 3 на л.д. 206-207 (т. 28 стр. 380 протокола). В соответствии с положениями ст. 144 УПК РФ напрямую указано что *«полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств»*, в том числе принятые объяснения Объяснение, об исследовании которого ходатайствовала сторона защиты, было принято надлежащим процессуальным лицом с выполнением всех требований, предъявляемых к данному процессуальному действию, а его содержание было относимо к обстоятельствам, имеющим значение для дела, поскольку излагало существо событий, которые потом были инкриминированы осужденным.

Однако суд, нарушая требования закона, отказал в исследовании данного документа. При этом судом допущено грубое нарушение прав стороны защиты, поскольку при равнозначной ситуации ходатайство стороны обвинения удовлетворялось, чем судом были предоставлены незаконные преференции стороне обвинения. Более того, суд, отказывая в исследовании объяснения Б, сослался на заведомо недостоверную информацию о том, что якобы «*объяснение Б не содержит информации, имеющей значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию*», что указано в протоколе судебного заседания (т. 28 стр. 383 протокола). В действительности в объяснении указывается порядок происходивших событий, и более того - описываются приметы «нападавших», которые в последующем в составленных от лица Б протоколах допроса и опознаниях, претерпели существенные и радикальные изменения. Чем, по мнению стороны защиты, «подгонялись» под опознание конкретно Шкаева и Сивкова.

Доводы стороны защиты о том, что приметы в последующих «показаниях» Б были изменены именно с этой целью - опознания исключительно Сивкова и Шкаева, подтверждаются и тем, что как Б, так и К и П (инкриминированные события в отношении которых происходили в ту же ночь на 22 февраля 2015 года с разрывом менее чем 25 минут (стр. 15 и 16 приговора), заявлявших об участии в нападении на них большего числа лиц, более никто, в том числе и из числа других осужденных, для опознания не предъявлялся.

Аналогичным образом, и по таким же надуманным основаниям, судом было незаконно отказано стороне защиты в исследовании объяснения Б, супруги Б (т. 28 л.д. 192), также имеющим различия в изложенных в нем показаниях с последующими показаниями данного свидетеля.

При наличии явных оснований, исходящих из противоречий, которые были выявлены между показаниями К в суде и в данных им ранее письменных показаниях, суд также отказал в ходатайстве об исследовании объяснений К (т. 29 стр. 608-610 протокола). При этом К заявлял, что лучше помнил события ранее, а объяснения как раз самый первый документ, в котором были изложены его пояснения.

Судом по тем же незаконным основаниям было отказано в исследовании объяснения К находящегося в т. 4 на л.д. 72-74, несмотря на то, что ходатайство стороны защиты также было мотивировано ссылками на нормы процессуального кодекса и обстоятельства, которые свидетельствовали о необходимости исследования данного документа как первоисточника (т. 31 л.д. 141). При этом использовалась аналогичная незаконная, напрямую противоречащая положениям УПК РФ мотивировка, по которой судом было отказано в удовлетворении ходатайства и исследовании документа, а именно: судом указано *«поскольку объяснение К. не обладает признаками доказательства, предусмотренными уголовно процессуальным законом»* (т. 31 л.д. 142).

Суд, по разному мотивируя принимаемые решения по удовлетворению ходатайств государственного обвинителя и по отказу в удовлетворении ходатайств, заявляемых стороной защиты, допускал такое толкование норм УПК РФ, которое является кардинально противоположным правовому смыслу и фактическому толкованию закона. Так, в своих показаниях свидетель под псевдонимом «А в » пояснял в суде, что при проведении опознания по фотографии проводилось фотографирование процесса опознания и его результатов. Однако фототаблицы к протоколу опознания данным свидетелем Ф (т. 2 л.д. 170-173), (достоверность которого вызывает обоснованные сомнения) не представлены. Сторона защиты заявляла ходатайства об исключении протоколов опознаний лицами,

допрошенными и под псевдонимами, в том числе и этого. Однако суд отказал в их исключении, мотивируя тем, что требования ст. 166 и 193 УПК РФ не нарушены (т. 31 стр. 1748 протокола). Что явно противоречит нормам УПК РФ и указывает на незаконность действий суда. Так, согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ определен перечень документов, которые прилагаются к протоколу следственного действия, в котором указаны и фототаблицы.

В судебном заседании 21 ноября 2016 г. от стороны обвинения поступило ходатайство об исследовании в порядке ст. 285 УПК РФ протоколов опознания, составленных при участии потерпевшего Г[redacted] На что стороной защиты (адвокатом Васильевым О.М.) было заявлено мотивированное ходатайство о признании одного из документов - протокола предъявления лица для опознания от 3 марта 2016 г. (т. 2 л.д. 1-2), недопустимым доказательствам, по основаниям, которые указаны в протоколе судебного заседания (т.28 стр. 39-40 протокола судебного заседания).

Председательствующий отказал защитнику в признании указанного документа недопустимым, мотивируя тем, что указанный документ *«предметом исследования в суде не являлся, поэтому оценить его с точки зрения относимости и допустимости не представляется возможным»* (т. 28 стр. 41 протокола).

Согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами являются, в том числе вещественные доказательства, протоколы следственных действий и иные документы. Согласно требованиям ст. 274 УПК в судебном процессе стороны обвинения и защиты предоставляют доказательства. Согласно ст. 5 п.п. 45, 46, 47, ст. 15 УПК РФ суд не является стороной уголовного процесса. Вопреки этому судом самостоятельно, без заявления стороны обвинения и соответствующего ходатайства, были исследованы постановления о признании и приобщении вещественных доказательств, квитанции, сообщения и рапорты сотрудников правоохранительных органов, иные документы, которые заявлены как доказательства стороны обвинения в обвинительном заключении (т. 31 л.д. 127, 128, 130).

Более того, судом по ходатайству стороны обвинения (т. 28 стр. 225, 227, 292) и самостоятельно (т. 31 л.д. 130) неоднократно исследовались сообщения и рапорты сотрудников правоохранительных органов. В тоже время при поступлении аналогичного ходатайства стороны защиты об исследовании рапорта от 17 апреля 2016 г. в т. 8 на л.д. 40 и имеющего значение для дела, судом было отказано (т. 31 л.д. 140).

По смыслу приговора, решение суда о виновности Сивкова и других осужденных в инкриминированных им преступлениях сводится к указанию наличия некоей «банды», и вытекающих из этого действий в составе «банды», обозначенной единым умыслом в виде ***«навязывания... своего криминального покровительства»*** для ***«стабильного преступного дохода в течение длительного периода времени» «от лиц, занимающихся организацией занятия проституцией»*** (выдержки из приговора, стр. 4-5);

которая, по мнению суда, была создана на основе лиц, неофициально работавших охранниками клуба «Империя», расположенного на пр. Московском г. Архангельска; на использование кем-то из «банды» незарегистрированных СИМ-карт для вызова неких «сутенеров» с последующим на них нападением, путем заказа проституток по абонентским номерам, ставшим им известными либо от Г[redacted] либо из рекламной газеты «Северный Меркурий».

Соответственно, приговор построен именно на доводах о возникновении между осужденными отношений в ходе совместной работы осужденных в баре «Империя»; на заявлении потерпевшими о принадлежности именно им телефонных абонентских номеров, на которые как бы поступали «заказы» на доставку проституток; на показаниях потерпевших, которые представлены как сутенеры и проститутки, и взаимосвязанными с ними протоколами опознания отдельных осужденных.

Отдельной строкой в качестве доказательств, положенных в обоснования мнении о виновности Сивкова и других осужденных, проходят показания лиц, допрошенных под псевдонимами.

Сторона защиты в ходе судебного разбирательства неоднократно указывала на несостоятельность перечисленных выше доводов и представленных в их обоснование обстоятельств.

Сторона защиты обращала внимание суда на то, что в деле ничем конкретным не подтверждено возникновение у Сивкова излагаемого в приговоре совместного умысла, и то, каким образом, при отсутствии совместной работы в качестве охранника в клубе «Империя», он был допущен к коллективу охранников.

Сторона защиты обоснованно заявляла, что по делу не представлено безусловных доказательств о принадлежности абонентских номеров, детализации по которым заявлены как доказательства «заказа» девушек конкретным лицам, тем более из числа осужденных.

Также защита обращала внимание, что представленные по делу показания потерпевших и свидетелей, особенно под псевдонимами, противоречивы, практически состоят из общих фраз, без конкретики, их показания в ходе следствия неоднократно менялись, а в некоторой части содержали откровенную ложь. Заявляла, что при проведении опознаний были допущены нарушения, не позволяющие принимать эти процессуальные документы и вытекающие из них обстоятельства и показания как доказательства.

Кроме того, по ряду инкриминируемых Сивкову и другим преступлений, имеются явные подтасовки дат их совершения в целях придания правдоподобности участия в них именно Сивкова и других осужденных в качестве членов банды.

Согласно приговору, Сивков признан виновным в совершении разбойных нападений, в том числе на Б[redacted], на К[redacted] и П[redacted],

на К[redacted] и на Б[redacted]. В приговоре обстоятельства каждого из указанных эпизодов и мотивировка судебного решения изложены по раздельности.

При этом, по мнению обвинения и суда, преступления в отношении Б[redacted], а также К[redacted] и П[redacted] были совершены последовательно в одну и ту же ночь, с 21 на 22 февраля 2015 года. А эпизод, касающийся К[redacted] который первоначально по материалам дела также происходил в ту ночь, с 21 на 22 февраля 2015 года, в последующем был отнесен к другой дате, к 23 февраля 2015 г.

Сопоставление сведений, которые по перечисленным событиям предоставляли допрошенные лица в разные периоды расследования, последовательность появления в этих сведениях, и в целом в материалах дела, новых обстоятельств, которых раньше не существовало, по мнению адвоката, указывает на надуманность как общего обвинения осужденных в совершении данных преступлений, так и инкриминирование этих эпизодов непосредственно Сивкову. В виду физической невозможности исполнения Сивковым инкриминированных ему по данным эпизодам действий.

Как указано в приговоре, судом изначально было определено в качестве мотива совершения указанных преступлений то, что поскольку в течение продолжительного периода времени никто из лиц, связанных с организацией занятия проституцией в г. Архангельске, не выполнил требований о ежемесячной выплате банде денежных средств, Соколов не позднее 22 февраля 2015 года принял решение продолжить совершать вооружённые нападения на указанных лиц, чтобы принудить их выполнить ранее предъявленные требования, и, таким образом, получить контроль над вышеназванной незаконной деятельностью.

Приводя изложенное в приговоре описание преступных деяний, адвокат отмечает, что первоначально, согласно имеющимся в деле документам, было заявлено, что в эту ночь (с 21 на 22 февраля 2015 года), было совершено еще одно преступление. Согласно первоначальным показаниям К[redacted] и его заявлению (т. 4 л.д. 72, 81), в отношении него преступление было совершено также в ночь с 21 на 22 февраля 2015 г. и в тот же период времени – около 2 ч. 30 мин. (согласно его привязки к телефонным звонкам). Однако это время совпало со временем нападения на Б[redacted], заявление от которого было принято 24 апреля 2015 года.

После чего дата нападения на К[redacted] преднамеренно подверглась изменению в процессуальных документах, с созданием искусственного обоснования такого изменения и редактированием описания тех событий, которые ранее излагались в показаниях К[redacted]. После чего в измененном виде была определена и в приговоре.

Изменение первоначальных дат, наряду с иными изменяющимися сведениями по делу, обязывают критически относиться к показаниям

Б[redacted], К[redacted] с П[redacted], К[redacted], а отдельно и Б[redacted], ставить под сомнение преподнесенные ими обстоятельства совершения в отношении них преступлений. И в первую очередь - в виду наличия огромного количества противоречий по существенным моментам в описании событий, которые имеются в показаниях, изложенных в разных протоколах их неоднократных допросов, которые в совокупности также противоречат и их же показаниям в суде. При этом, чем большее время прошло с момента событий, о которых давали пояснения допрашиваемые, тем более значимыми новыми событиями и подробностями их показания в дальнейшем обрастали.

Так, показания Б[redacted] которые были даны им 05.05.2016 г. (т. 4 л.д. 3-4), то есть - по прошествии более года с момента событий, в обстоятельствах, имеющих значение для дела, существенно отличаются от первоначальных показаний от 26.04.2015 г. (т. 3 л.д. 219-222). Само заявление в правоохранительные органы от Б[redacted] по событиям ночи на 22 февраля 2015 года также поступило только по истечению двух месяцев, 24 апреля 2015 года, что также подтверждает сомнительность представленных им описаний событий.

Еще позднее — только 09.06.2015 года — поступило заявление от К[redacted] по событиям за ту же дату - 22 февраля 2015 года. Повторные показания К[redacted], изложенные спустя почти год после описываемых событий в протоколе от 26.01.2016 г. (т. 4 л.д. 45-48) разительно отличаются в обстоятельствах (т. 4 л.д. 18-21).

Но именно те показания Б[redacted] и К[redacted], которые составлены спустя более длительное время от начала событий, и которые существенно отличаются по описанию событий от первоначальных, судом необоснованно положены в основу приговора.

Так, заявление К[redacted] по событиям 22 февраля 2015 г. поступило 9 июня 2015 г. по прошествии более 4-х месяцев, то есть еще позднее чем заявление Б[redacted], датированное 24 апреля 2015 г. За указанный период К[redacted], равно как и Б[redacted], подрабатывая в качестве таксистов, перевезли много клиентов, зрительные образы которых ими никак не систематизировались, однако в новых показаниях появились новые описания нападавших.

Также как и в случае с Б[redacted], до момента судебного разбирательства К[redacted] был допрошен дважды: 11 июня 2015 года и 26 января 2016 года, то есть оба раза по истечении длительного периода времени после произошедших событий в феврале 2015 года. При этом в основу приговора по данному эпизоду судом также были положены именно более поздние повторные показания К[redacted], полученные в январе 2016 года.

Более того, самые первые показания К[redacted] в объяснении (т. 4 л.д. 7) еще в меньшей степени указывали на причастность Сивкова и Шкаева, и содержали совершенно другое описание нападавших. Однако

суд, нарушая права стороны защиты, отказал в ходатайстве об исследовании данного документа (т. 29 стр. 610 протокола). При этом сторона защиты обосновывала свое ходатайство пояснениями самого К заявлявшего, что ранее он лучше помнил события.

Суд не учел, что по прошествии продолжительного времени описание К имевших место событий обросло иными, ранее не упоминавшимися подробностями, что позволяет считать их недостоверными.

В ходе судебного разбирательства, помимо непосредственного допроса К были исследованы и его письменные показания, составленные на этапе предварительного расследования. Первоначальные его показания, зафиксированные в протоколе допроса от 16 июня 2015 года (т. 4 л.д. 81), разительно отличаются от последующих сведений, внесенных в протоколы допроса, составленные от его имени, и от его показаний в суде.

Очевидно, что в первоначальных показаниях К излагал события более достоверно, которые в последующем, в интересах обвинения были видоизменены. Что и было использовано судом для постановления обвинительного приговора. Выявленные противоречия не могли быть обойдены вниманием суда первой инстанции, однако этого не произошло.

Первоначальные показания К о том, что он, частным образом осуществляя перевозку пассажиров, в ночь с 21 на 22 февраля 2015 года на остановке общественного транспорта у Автовокзала подобрал пассажиров - двух девушек возраста около 30 лет, которые попросили его отвезти до д. корп. по ул. Тимме, и по приезду на адрес девушки расплатились и ушли, в последующем видоизменились радикально. По-новому, это уже ему позвонили с абонентского номера -0640, и заказали от автовокзала привезти двух девушек к дому корп. по ул. Тимме.

При этом самое существенное — изменилась дата события.

В первоначальных показаниях от 16 июня 2015 года (т. 4 л.д. 81) и заявлении (т. 4 л.д. 72) К указывал, что преступление было совершено в ночь с 21 на 22 февраля 2015 года. Однако это время совпало со временем, которое заявлено как время совершения преступления в отношении Б, от которого заявление было принято чуть раньше, 24 апреля 2015 года. Очевидно, что одни и те же «нападавшие» не могли одновременно находиться и возле д. корп. по ул. Северодвинская (место нападения на Б) и возле дома корп. по ул. Тимме (место нападения на К, расположенных на достаточном отдалении друг от друга, в разных районах г. Архангельска. Очевидно, что именно по этой причине дата нападения на К подверглась изменению в нужную обвинению сторону. И стала привязываться в ассоциативном порядке под вымышленные основания

телефонных соединений, о которых К[redacted] в первоначальных показаниях и не указывал.

Одинаковый порядок появления и у Б[redacted], и у К[redacted] и у К[redacted], измененных показаний по событиям, произошедшим в одну ночь, а тем более появление новых подробностей, и иных по содержанию показаний, в той части, в которой стала указываться причастность Сивкова и Шкаева, дает основание считать, что эти изменения были инициированы самим органом расследования.

Мотивировка суда о том, что разница в описании одних и тех же событий одним и тем же лицом обусловлена «чувством страха, которое он испытал в связи с совершенным на него нападением» необоснованна. Первоначальные показания давались непосредственно сотрудникам полиции, Сивков и Шкаев на тот момент уже были задержаны. То есть сам факт обращения в органы полиции указывает на отсутствие опасений за свою дальнейшую судьбу в случае огласки обстоятельств, о которых сообщали потерпевшие. При этом все они в ходе судебного разбирательства утверждали, что лучше помнили события именно в момент дачи первоначальных показаний.

О недостоверности и надуманности показаний Б[redacted], К[redacted] и П[redacted], а также К[redacted], положенных в основу приговора по данным эпизодам, также свидетельствуют сведения по детализации телефонных соединений по абонентским номерам, которые заявлены по приговору как находившиеся в пользовании указанных лиц.

Кроме того, представленные по делу детализации телефонных соединений также свидетельствуют о надуманности выдвинутой в отношении осужденных версии, что преступления совершены именно ими по причине «*навязывания... своего криминального покровительства*» для получения «*стабильного преступного дохода в течение длительного периода времени*» «*от лиц, занимающихся организацией занятия проституцией*» (стр. 4-5 приговора), для чего использовался заявленный в приговоре способ: вызовы сутенеров по телефонам, связываемых с предоставлением интимных услуг (в приговоре также используется термин «досуг»). Этими же сведениями подтверждается алиби Сивкова, его непричастность к инкриминированным преступлениям.

Так, согласно первоначальным показаниям Б[redacted] (т. 3 л.д. 219-222), он подрабатывал на своем автомобиле в такси «Максим», принимая заказы и от постоянных клиентов на свой номер [redacted] 7079. 22 февраля 2015 г. около 2 ч. Подвозил двух девушек, у дома подош8ли пятеро, потребовали деньги.

Спустя полгода показания Б[redacted] изменились: появился новый номер [redacted]007, который Б[redacted]н как бы использует в работе; ночью у него в машине катаются и распивают две девушки; в 2 ч. 09 мин. на вышеуказанный номер поступил заказ на доставку именно двух девушек с номера [redacted]-2583; его пассажирки были согласны

предоставить услуги интимного характера; в 2 ч. 17 мин. Б сам перезвонил и заявил о возможности выполнить заказ; в 2 ч. 26 мин. он еще раз перезвонил по данному номеру, сказав, что подъезжает.

Тем самым появились новые показания, которые стали указывать на некий единый умысел событий, связанных с организацией занятия проституцией. Привязка делается через некие абонентские номера как бы находившиеся в пользовании потерпевших, которые бездоказательно обозначены как телефоны некоего агентства по предоставлению интимных услуг или «досуга».

При этом по делу не представлено доказательств, действительно подтверждающих нахождение в собственности или пользовании Б телефона с абонентским номером -7007.

Согласно детализации (т. 7 л.д. 130), номер зарегистрирован с 18.04.2012 г. на некоего К личность которого не устанавливалась, он не допрашивался и его связь с Б не подтверждена, что ставит под сомнение использование Б указанного номера.

Согласно представленной по указанному номеру детализации состоящей из 1390 записей, за период с 20 по 26 февраля 2015 года, нет ни одного соединения с абонентским номером 7426. которым пользовалась Б супруга потерпевшего. Сама Б, отвечая на вопросы в судебном заседании, уверенно заявляла о наличии у её мужа только одного телефонного номера, именно 7079 (т. 28, л.д. 178 оборотная сторона (стр. 356 протокола)). Очевидно, что такая ситуация, когда бы за полных семь дней, при совершении порядка 200 телефонных соединений в сутки, супруги ни разу друг другу не позвонили, является неправдоподобной. И возможна только при условии, что абонентский номер -7007 в действительности не принадлежит Б, и никогда им, в том числе 22 февраля 2015 г. не использовался. Что также опровергает принадлежность и использование номера -7007 (зарегистрирован на К) Б.

То, что в действительности Б не владел и не пользовался абонентским номером -7007 (зарегистрирован на К) косвенно подтверждаются и тем, что сведения о лице, размещавшим в 2014 и в 2015 годах многократные объявления с таким номером (в сокращенной форме - -70-07) в рекламной газете «Северный меркурий», как телефон некоего агентства по предоставлению интимных услуг («досуга»), по делу отсутствуют (не предоставлены). Сам Б не смог дать пояснений как по поводу того, кем размещался указанный абонентский номер в рекламной газете «Северный меркурий». так и о том, откуда и каким образом он сам стал обладателем данного абонентского номера, какова продолжительность времени пользования.

Более того, одновременное позиционирование самим судом в приговоре указанного номера -7007 (зарегистрирован на К) и как

принадлежащего и находящегося в ведении некоего неизвестного агентства по предоставлению интимных услуг, и как принадлежащего и находящегося в непосредственном пользовании Б, указывает на недостоверность этих доводов и показаний самого Б

Показания Б и доводы суда опровергаются также и показаниями свидетеля К, который также занимался частным извозом и неофициально оказывал услуги такси, постоянно посещал кафе «Дружба» и знаком со многими таксистами, и ему знаком абонентский номер 70-07, который согласно приговору определен как короткий номер от -7007 (зарегистрирован на К). Согласно показаниям К — «*это номер вызова такси*» (т. 29, л.д. 64 оборотная сторона (стр. протокола 628)), но никак не агентства по предоставлению интимных услуг.

По делу не установлены и не допрошены лица, которые находились с Б в машине, сам он не смог пояснить каких-либо сведений о них. Все это свидетельствует о надуманности показаний Б относительно описываемых событий в части участия в них неких девушек и его самого в качестве «сутенера», как возможного объекта единого умысла нападавших.

Приведенная в приговоре фраза, что «Б фактически принял заказ», подтверждающая, по мнению суда, причастность Б к организации проституции, не основана на достоверных доказательствах.

Аналогичного рода противоречия имеются по эпизоду с К и П. Согласно первоначальным показаниям К от 11 июня 2015 года (т. 4 л.д. 18-21) он, также, как и остальные потерпевшие водители, неофициально работал качестве такси на своем автомобиле в такси «Максим», принимая заказы на свой абонентский номер 2107. В указанную ночь на 22 февраля 2015 года он перевозил клиентов по городу; в 2 часа 30 минут получил заказ от своей знакомой по имени Э (П), отвезти ее от дома по ул. 40 лет Великой Победы на ул. Тимме к дому корп., около 3 часов 00 минут он с Э подъехал к указанному дому, Э расплатилась за поездку; после чего он вышел покурить на улицу и на него и Э напали пятеро неизвестных.

Однако в тексте более позднего допроса К который был составлен 26 января 2016 года, то есть спустя почти год после описываемых событий, появились обстоятельства, значительно изменившие первоначальное содержание и первоначальный объем ранее описанных им событий (т. 4 л.д. 45-48). Так в новом допросе записано, что К при работе на такси пользовался каким-то другим телефоном, притом номер он сейчас уже не помнит; что именно на этот номер и позвонила Э, занимающаяся проституцией, с просьбой отвезти к дому корп. по ул. Тимме: также изменился адрес, откуда К забрал Э и он стал вполовину ближе к конечной точке

маршрута (ул. Тимме к дому [ ] корп. [ ]), чем ранее, тем самым сократился временной разрыв между вызовом и доставкой «заказа».

Еще позже, 11 февраля 2016 года (т.е. также спустя год после описываемых событий), составлен протокол допроса П[ ] (т. 4 л.д. 59-60), признанной потерпевшей по указанному эпизоду. Содержание которого, несмотря на утверждение суда об *«аналогичности показаний»*, отличается от показаний К[ ] в том числе и описываемым числом нападавших. При этом со слов П[ ] указан и её номер телефона ([ ]6627) и «бывший» [ ]-8889 в сокращенном написании) абонентский номер К[ ]

Сам факт знакомства П[ ] с К[ ] и совершение ими взаимных звонков друг другу в день событий (22.02.2015 г.), необоснованно использованы в приговоре в качестве подтверждения некоей договоренности о доставлении П[ ] в качестве проститутки «клиенту», чем, по мнению суда, и были созданы условия нападения на К[ ] именно как на «сутенера», и именно по событиям, которые ранее имелись в отношении Г[ ].

Согласно сведениям провайдера, указанный номер, которым якобы пользовался К[ ] зарегистрирован с 19.07.2006 г. на некоего О[ ] личность которого не установлена, не допрашивался и связь с К[ ] не определена. В последующем указанный номер как-то теряется в показаниях К[ ] и в приговоре.

Доказательств, что телефонные соединения по указанному номеру относятся к событиям, которые определены в приговоре как нападение на К[ ] и П[ ] по делу не представлено. Как не было представлено таких доказательств и в случае с Б[ ], принадлежность которому абонентского номера, зарегистрированного на К[ ], и их относимость к событиям не подтверждена.

При этом согласно представленной детализации за период с 21.02.2015 г. по 22 февраля 2015 г. зафиксированы многочисленные, в том числе в день преступления - 22 февраля 2015 г. в 01:56:38 часов, 04:40:04 часов, взаимные телефонные соединения абонентского номера [ ] 8889 (некоего «рабочего») и абонентского номера [ ]2107 (указан в протоколах допроса К[ ]). Тем самым, если следовать версии приговора, К[ ] звонил сам себе с разных абонентских номеров, одновременно находившихся в его пользовании, что является неправдоподобным. Данное несоответствие, безусловно, указывает на недостоверность представленной в приговоре версии событий, которая необоснованно принята судом для признания Сивкова виновным в совершении нападения на К[ ]

К тому же, допрошенный по делу К[ ], близкий знакомый К[ ], указал только на один абонентский номер, которым пользовался К[ ] - [ ] 2107 (т. 29 л.д. 63-64, стр. протокола 626-627). А тот же абонентский номер[ ]-8889 (некий «рабочий») ему не

знаком (т. 29 л.д. 64 оборотная сторона, стр. протокола 628). Более того, давая в суде пояснения относительно телефонных переговоров (звонков или иных соединений) с П К не называл ни одного иного своего абонентского номера, которым бы он в то время пользовался, кроме 2107.

По делу заявлено два абонентских номера, по приговору – находившихся в пользовании К
- -2107, который действительно зарегистрирован на К и назывался им с момента дачи первых показаний; в первых показаниях (от 11.06.2015 года) К однозначно указывал на то, что вызовы он принимает именно на этот номер (т. 4 л.д. 19);
- *«номер9 который я забыл»* (т. 4 л.д. 46), как это было указано в последующих (от 26.01.2016 года) показаниях К спустя год, и который судом был определен как некий «рабочий» -8889. Согласно представленных сведений данный абонентский номер зарегистрирован на некоего О (не установлен, не допрошен). Этот как бы «рабочий номер», точнее некий сокращенный вариант — 88- 89, впервые по делу появился только 11.02.2016 года в показаниях от лица П (т. 4 л.д. 59 оборотная сторона).

Также по делу заявлено два абонентских номера, находившихся по приговору в пользовании П
- -6627, который она указала в единственном допросе (т. 4 л.д. 59-60); на этот номер также ссылался в своих вторых показаниях К (т. 4 л.д. 46); сведения о принадлежности номера именно П детализация, не запрашивались.

По делу не имеется взаимных соединений абонентских номеров, приписанных К (что -2107, что -8889)) и абонентского номера, приписанного П(-6627).

Вопреки утверждениям К содержащихся в двух протоколах его д опросов, что это П ему первоначально позвонила, попросив отвезти на определенный адрес (т. 4 л.д. 19, 46), а тем более утверждений П, отрицающей свою причастность к лицам, оказывающим интимные услуги, суд в приговоре высказывает свое, иное мнение. Так, по мнению суда, первоначально К позвонили с номера, который используется для оказания интимных у слуг, и уже потом в 2 ч. 31 мин. К перезвонил П (стр. 100-101 приговора). Именно с этим связывается приезд «сутенера» К с П по адресу: ул. Тимме корп. .

Полагает абсурдными выводы суда, когда номер 911-554-707 (зарегистрирован на К) в одном случае заявлен используемым как абонентский номер предполагаемого «Досуга», т.е. некоей диспетчерской, принимающей и распределяющей заказы, с которого поступает заказ К (в ситуации с К), а с другой стороны этот же номер приписывается пользованием исключительно Б (по эпизоду в

отношении него, стр. 88 приговора, абзацы 4 и 5). Притом, что номер записан на К неустановленного и недопрошенного.

Еще невероятнее эта версия суда выглядит, если совместить два как бы разрозненных в приговоре обстоятельства за 22 февраля 2015 года, связанных с абонентским номером -2583, который по приговору определен как тот номер, с которого осуществлялись «заказы» девушек в феврале-марте 2015 года:

- осужденным инкриминировано, что Б на приписанный ему приговором номер (зарегистрирован на К) *«около 02 часов, позвонил незнакомый мужчина... заказать девушек»* (стр. 88 приговора):

- детализация по абонентскому номеру 2583 содержит три соединения с номером 7007 (зарегистрирован на К):

= в 02:09 (по версии суда Б принят заказ, т. 4 л.д. 5);

= в 02:17 (якобы подтвердил, что заказ будет исполнен, т. 4 л.д. 5);

= и 02:26 (как бы Б звонил, что подъезжает, т. 5 л.д. 5).

Эти же пояснения Б повторил в суде (т. 28 л.д. 180,стр. 360 протокола и л.д. 186 оборотная сторона, стр. 372 протокола);

Суд, описывая в приговоре обстоятельства преступления в отношении К и высказывая свою, независимую от исследованных доказательств версию произошедшего, заявляет, что с номера 70-07 (короткий номер 007 (зарегистрирован на К)(стр. 100 приговора), на номер К -2107 поступил заказ, в результате которого К начинает созваниваться с П. И по приговору К *«входящий звонок с указанного номера ... принял 22 февраля 2015 года в 02 часа 25 минут»* (стр. 101 приговора, второй абзац).

Вместе с тем, очевидно, что одновременное нахождение в ночь на 22 февраля 2015 г. телефонного аппарата с абонентским номером 7007 (зарегистрирован на К) и у Б (как это следует из приговора по его эпизоду) и у неких неизвестных лиц, «занимающихся организацией незаконной деятельности по оказанию интимных услуг (стр. 100 приговора), т.е. в каком-то агентстве невозможно.

Очевидно, что Б, если все же данный телефон находился именно у него, подъезжавшему к месту назначения с заказом, куда он прибыл почти в 2 ч. 26 мин., незачем было за минуту до этого, т.е. в 2 ч. 25 мин., звонить и передавать какой-то заказ К Тем более, что по детализации телефонов Б, никакого заказа сам Б тоже не принимал.

В ходе судебного заседания с подачи государственного обвинителя был назван еще один абонентский номер, который как бы имеет отношение к П - -8120, о котором ранее никому не было известно самой П, но который стал «известен» государственному обвинителю уже в ходе судебного процесса *(«Вопрос* (обвинителя к

П[redacted]): *Вам известен телефонный номер* [redacted]*-8120?*», т. 30 стр. 1048 протокола).

Однако, доказательства принадлежности указанного номера именно П[redacted] по делу также нет. Детализация соединений по данному абонентскому номеру также не запрашивалась.

Более того, К[redacted] в своих показаниях (от 26.01.2016 года) утверждал, что ему знаком только один номер П[redacted] - [redacted]-6627. И именно через этот номер он связывался с П[redacted] (т. 4 л.д. 46), к тому же по своему старому номеру, который он не помнит. А П[redacted] в свою очередь также утверждала, что использовала в тот момент номер[redacted] 6627, и с этого «своего» номера связывалась с К[redacted].

Излагая в приговоре обоснование своей версии телефонных соединений с абонентскими номерами, заявленными за К[redacted], в части имеющихся явных нестыковок, и в целях их как-то обосновать, суд стал указывать еще и другой вариант начала событий по получению «заказа». И при описании исследования соединений с абонентским номером [redacted]2583, который приписывается «банде», на предмет - кто же первым позвонил, К[redacted] или «банда», указал: «*...по информации операторов сотовой связи указанный звонок был* ***принят*** *К*[redacted] ***вследствие переадресации звонившего,*** *который фактически набрал номер* [redacted]*-31...*» в 2 часа 47 минут.

При этом по приговору остался не разрешенным вопрос — так от кого Клишев принял «заказ»: либо от приписываемого Б[redacted] номера [redacted]-7007 (зарегистрирован на К[redacted]): «<*входящий звонок с указанного номера ...* ***принял 22 февраля 2015 года в 02 часа 25минут»*** (стр. 101 приговора, второй абзац), либо по другому, когда суд через три абзаца страницы 101 приговора решил, что К[redacted] принял «заказ» сам, от кого-то из «банды», звонившего с телефона [redacted] 2583 *«вследствие переадресации звонившего, который фактически набрал номер* [redacted]*31...*», т.е. «заказ» поступил в 2 часа 47 минут.

Но в таком случае П[redacted] уже давно находилась у К[redacted] в автомобиле, и в таком случае ее нахождение в машине никак не связано с предполагаемым оказанием ею интимных услуг, поскольку по версии суда, согласие от П[redacted] на такое ее участие в исполнении «заказа» было получено еще в 02 часа 31 минуту, что также следует из приговора (стр. 101 приговора, четвертый абзац), а «заказ» поступил позднее, в 2 часа 47 минут.

На эти противоречия было обращено внимание даже государственного обвинителя. А именно на то, что согласно такой версии складывается неправдоподобная ситуация, когда еще до того, как К[redacted] поступил «заказ», ему позвонила П[redacted] и попросила отвезти ее на адрес к «заказчику» (т. 29 л.д. 56 оборотная сторона, стр. протокола 612).

Следует отметить, что приговором необоснованно берется во внимание выдвинутая обвинением версия, что именно осужденные, в том числе при участии Сивкова, для вызова «сутенеров» Б[redacted]а и К[redacted] под предлогом вызова девушек использовали абонентский номер 960-001-2583.

Согласно детализации по указанному номеру за 22 февраля 2015 года зафиксировано семь соединений:

а) в 02:09:48 исходящий на [redacted]7007 (заявлен как рабочий Б[redacted]);

б) в 02:14:49 исходящий на [redacted]-1439 – неизвестный абонент;

в) в 02:17:12 входящий от [redacted]-7007 (заявлен как рабочий Б[redacted]);

г) в 02:26:28 входящий от [redacted]-7007 (заявлен как рабочий Б[redacted]);

д) в 02:47:20 исходящий на [redacted]3731 – неизвестный абонент;

е) в 02:54:01 входящий от [redacted]-2107 – К[redacted];

- уже после истечения времени событий с Б[redacted] К[redacted] и П[redacted] – в 03:07:22 исходящий на [redacted]-06-40 – неизвестный абонент.

Других соединений за 22 февраля 2015 г. по указанному номеру, используемому бандой, нет.

Все перечисленные семь соединений абонентского номера [redacted] 2583, отнесенного по приговору к действиям осужденных, были совершены последовательно, один за другим, и между ними нет других соединений.

В деле нет неоспоримых доказательств того, что звонки с указанного абонентского номера, совершенные на неизвестные абонентские номера (в 02:14:49 часа (б - [redacted] 1439) и 02:47:20 часа (д - [redacted]3731)) относятся к заказу интимных услуг и вызову девушек, во исполнение которого в свою очередь мог быть передан заказ К[redacted] для чего тот стал бы забирать П[redacted] из дома (или другого указанного им места).

По делу не представлено доказательств, что с указанных номеров неизвестных абонентов ((б) и (д)) на абонентские номера, которыми по приговору пользовался К[redacted] или П[redacted] (любыми из заявленных), им в указанный период передавался заказ о подвозе девушек клиенту.

Как следует из детализации по абонентскому номеру [redacted]-2107, заявленному в допросе принадлежащим К[redacted] на момент соединения с неизвестным абонентом в 02:47:20 часа (исходящий на [redacted]-3731 (д)) пользователь номера [redacted]-2107 (К[redacted]) находился уже на полпути от места жительства П[redacted] к месту, которое определено местом преступления. Следовательно, вопреки мнению суда, поездка П[redacted] на автомашине К[redacted] ни как не была связана с предоставлением ею интимных услуг.

Тем самым очевидно, что К[redacted] и П[redacted] дают недостоверные показания в части оснований возникновения событий и участия в них Сивкова и Шкаева. А судом указанные обстоятельства безосновательно интерпретируются во взаимосвязи с некоей «бандой» и событиями, имевшими место задолго до этого с Г[redacted]

Указание в приговоре, что «именно К[redacted] ответил на их телефонный звонок и привез девушку по указанному адресу, у участников группы имелись веские основания полагать, что он *(К[redacted].)* имеет непосредственное отношение к указанной незаконной деятельности» (стр. 112 приговора, первый абзац), противоречит исследованным самим же судом доказательствам. Поскольку:

- между абонентским номером [redacted]**-2583** (которым, по мнению суда, пользовались осужденные), и абонентским номером [redacted]**-2107** (который заявлен **в** допросе К[redacted]), за 22 февраля 2015 года зафиксировано только одно соединение - в 02:54:01 (е), которое является входящим. То есть это не «заказчик» звонил и передавал «заказ», **а** звонили уже «заказчику», каким-то образом узнав и этот номер и то, что требуются девушки, что совершенно невероятно.

Это также указывает на обвинительный характер приговора и его незаконность.

Обстоятельством, указывающим на то, что показания К[redacted] не являются воспоминаниями о произошедших событиях, а искусственно формировались в интересах достижения цели по обвинению Сивкова и Шкаева в причастности к некоей «банде», служат и оговорки К[redacted] в суде. Так, на вопросы государственного обвинителя, о чем он разговаривал с К[redacted] (знакомый К[redacted]) при телефонном соединении в 02 часа 25 минут 22 февраля 2015 года, К[redacted] ответил, что «*я рассказывал ему, что на меня напали, рассказывал об обстоятельствах произошедшего*» (т. 29 л.д. 50 оборотная сторона, стр. протокола 600). Притом, что по приговору, время совершения инкриминированного преступления, отнесенного к К[redacted], определено периодом не ранее 02 часов 54 минут 22.02.2015 года. Соответственно на момент разговора с Кононовым нападения на К[redacted] еще не было.

Помимо указанных выше взаимных неразрешимых противоречий по эпизодам, относящимся к Б[redacted] и К[redacted] с П[redacted], причастность Сивкова опровергается и иными доказательствами, представленными по делу, в том числе детализацией телефонных соединений по абонентским номерам Сивкова и его знакомых и родственников, а также перепиской в социальной сети «ВКонтакте».

Сивков изначально утверждал, что в ночь на 22 февраля 2015 года он как минимум до 2 часов 08 минут находился в ресторане «Зимний сад», расположенном в д. [redacted] по пр. Троицкому в г. Архангельске (на перекрестке с ул. Поморская, напротив д. [redacted] по пр. Троицком), где установлена базовая станция сотового оператора «Теле 2»). Там Сивков находился на встрече

со своими коллегами по причине отъезда В. в другой город на постоянное место жительства.

То обстоятельство, что эта встреча действительно происходила в указанном заведении, и что в ней участвовал Сивков, помимо показаний самого Сивкова, в которых он ссылался на перечень взаимосвязанных телефонных соединений (т. 26, л.д. 40), подтверждается показаниями допрошенных в суде В, Б, П, Ш, П, К, Б, П, Ш и П в указанный предпраздничный вечер перемещались по увеселительным заведениям, выпивали спиртное. И очевидно, что их показания могут иметь различия в оценке каких-то деталей произошедшего. Однако, вопреки мнению суда, это не опровергает их показаний о том, что в определенный период с 00 ч. 22 февраля 2015 года до 2 ч. 08 мин. в разное время и по разным причинам они подъезжали и находились в месте расположения ресторана «Зимний сад», и там видели Сивкова.

П, отдыхавший в другом заведении, несколько раз созванивался с Сивковым и около ноля часов приехал в «Зимний сад» встретиться с Сивковым.

Б, также отдыхавший в другом месте, после 1 ч. 45 мин. приехал в «Зимний сад» по ранее имевшейся между ними договоренности, которая подтверждается перепиской в сети «ВКонтакте», представленной Б (т. 25 л.д. 49-53, т. 8 л.д. 5-8). Сивков просил по возможности отправить его домой.

Нахождение перечисленных лиц в указанное время в зоне действия базовых станции, расположенных возле ресторана «Зимний сад» подтверждается запрошенными следствием и самим судом детализациями телефонных соединений, часть из которых хранится в вещественных доказательствах, а часть - в материал дела (в томе 25 по телефону Б л.д. 207, 208; по телефону В – л.д. 207, 208, по телефону Е – л.д. 207, 209, по телефону В – л.д. 207, 210, по телефону П (зарегистрирован на мать, П – л.д. 216, 217-218).

Доводы суда, под разными мотивировками ссылающегося на небольшие взаимные неточности между показаниями перечисленных свидетелей, а также заявления о том, что данными свидетелями совершались какие-то сомнительные с точки зрения самого суда действия (например, совершение в отдельные моменты и переговоров, и ведение переписки), не опровергает указанного обстоятельства – нахождение перечисленных лиц в указанное время в зоне действия базовых станций, расположенных возле ресторана «Зимний сад», в то время когда там был Сивков.

То, что указанные свидетели до момента их приезда (в разное время, после ноля часов, но до 02 часов 08 минут 22 февраля 2015 года) в ресторан «Зимний сад» находились в других местах, также ни как не могут

опровергнуть факт нахождения все это время Сивкова в указанном заведении, подтвержденный детализаций его соединений.

То, что суд подвергает сомнению им самим же запрошенные, полученные и исследованные данные, свидетельствует лишь об обвинительном уклоне судебного следствия и приговора. *Полагаю, что суд апелляционной инстанции имеет возможность самостоятельно исследовать документы, подтверждающие очевидные обстоятельства, и приводить в апелляционной жалобе перечень нескольких десятков телефонных соединений оснований не имеется.*

Тем не менее следует обратить внимание, что согласно представленных из ООО «Т2 Мобайл» сведений, по абонентскому номеру [redacted]-7245, которым пользовался Е[redacted], с которым Сивков вместе отдыхал в ресторане «Зимний сад», зафиксировано соединение: 22 февраля 2015 года в 02:08:09 часов, когда Е[redacted] находился в районе базовой станции AR0054, установленной пр. Троицкий д. [redacted]. ТЦ «Гранд Плаза», что подтверждает его приезд в ресторан «Зимний сад».

Кроме того, согласно представленных сведений по абонентскому номеру [redacted]-3399, который зарегистрирован на Б[redacted] зафиксированы соединения за 22 февраля 2015 года, в том числе, исходящий звонок в 01:51:35 на абонентский номер ([redacted]00-00 (такси «Снежок», т. 7 л.д. 28), когда Б[redacted] находился в районе базовой станции, установленной на пр. Троицкий д. [redacted] что подтверждает пояснения Сивкова и Б[redacted] относительно отсутствия у Б[redacted] возможности вывоза Сивкова из ресторана, вызов Б[redacted] такси для проезда к Сивкову в ресторан, и объясняет причину последующего вызова Ш[redacted] для отвоза Сивкова домой.

Аналогичным образом суд под надуманным предлогом оспаривает очевидные обстоятельства, подтверждающие доводы Сивкова и Ш[redacted], подкрепленные показаниями того же Б[redacted], В[redacted] и П[redacted], что Ш[redacted] и П[redacted] забирали Сивкова от ресторана «Зимний сад» не позднее 2 ч. 08 мин. (когда Ш[redacted] последний раз звонила на телефон Сивкова и сообщила, что подъезжает и увезет Сивкова домой – пр. Ленинградский, д.[redacted] корп. [redacted]. Поскольку эти обстоятельства подтверждены последовательностью указанных Сивковым, П[redacted] и Ш[redacted] в прениях телефонных соединений, привязанных к определенным базовым станциям, которые суд также исследовал.

Передвижения Сивкова в автомобиле от ресторана «Зимний сад» до дома, также прослеживается взаимными телефонными соединениями с В[redacted] Что указано и в приговоре (стр. 104-105 приговора). Однако и это судом также ставится под сомнение под надуманным предлогом, что В[redacted] *«не **привел** убедительных мотивов, зачем он дважды звонил Сивкову ночью сообщить о повреждении входной двери»* (стр. 105 приговора). Видимо суд

посчитал, что таким образом указанные телефонные соединения, подтвержденные официальным документом, перестанут существовать, и тем самым подтверждать сам факт нахождения в момент соединений Сивкова сначала у д. по пр. Троицкий, где рядом расположен ресторан, а затем, **в 02 часа 15 минут** — у д. по пр. Ленинградский, по пути следования Сивкова домой.

Факт приезда Сивкова к В вечером 21.02.2015 г. для совместного перемещения в ресторан «Зимний сад», о чем говорил и Сивков в своих показаниях, подтверждается и детализацией с телефона В где указаны звонки, принятые базовой станцией на пр. Дзержинского , по адресу места проживания В (на тот период), что В подтвердил в ходе своего допроса в суде (т. 30 л.д. 164), и детализацией с телефона Сивкова, когда после приезда домой к В была вызвана машина такси, что также подтверждено В в своих показаниях (т. 30 л.д. 164).

Показания В о том, что он, находясь в ресторане «Зимний сад», вызывал себе в 1 час 43 минуты такси по номеру -92-19 для переезда домой, подтверждается и детализацией его телефонных звонков, и последующим последовательным изменением места нахождения принимающих его звонки базовых станций (т. 25 л.д. 216).

При этом, то обстоятельство, что у В была действительно повреждена входная дверь в квартиру, о чем он ночью и сообщал Сивкову, подтверждается тем, что В раньше Сивкова приехавший к себе домой на ул. Дзержинского (поскольку это ближе от ресторана «Зимний сад»), звонил в полицию по телефонам экстренных служб «112» и «102» в 2:05 и в 2:06 часа соответственно согласно представленной по делу детализации (т. 25 л.д. 210). О чем В достоверно пояснил суду (т. 30 л.д. 166).

Суд в том числе поставил под сомнение нахождение вместе Ш и П, чем также же оспаривал факт нахождения Сивкова в ресторане и последующего переезда в период с 2:08 до примерно 2 часов 30 минут к себе домой. Суд мотивировал это тем, что в определенное время (а это было в 01 час 22 минуты, т.е. задолго до отъезда Сивкова из ресторана) соединение телефона П было зарегистрировано базовой станцией, расположенной на другом берегу реки Северная Двина, напротив места расположения стоявшего на воде дебаркадера, в котором размещается клуб «Пеликан».

Используемый в России стандарт GSM-900/1800 имеет дальность покрытия до 30 км. Указанная информация широко и объективно распространена в научных трудах в сети Интернет, и доступна для суда первой инстанции, не обладавшего специальными познаниями в области радиоэлектроники и сотовой связи. Тем не менее, вопреки объективным общераспространенным сведениям суд позволил самостоятельно

определить, что прием телефонного сигнала телефона П, находившейся в баре „Пеликан», невозможен. Из чего суд сделал опрометчивый вывод, что П находилась в другом месте, нежели Ш.

Более того, после исследования мест расположения базовых станций, указание судом в приговоре, что это не принимающие базовые станции, а именно П и Ш находились в разных местах (стр. 105 приговора), является откровенным передергиванием фактов.

И уж тем более никакими мотивировками суда не может быть оспорены показания Сивкова, Ш и П, что около 2 часов 30 минут они приехали к дому Сивкова, где тот ушел в свою квартиру, и не выходил из дома как минимум до отъезда Ш и П около 2 часов 45 минут от дома Сивкова. Поскольку никаких достоверных и безусловных доказательств, опровергающих указанное, по делу не представлено. Не основанное на доказательствах мнение суда само по себе доказательством не является.

Очевидно, что уже до этого времени, то есть до 2 часов 45 минут, произошли все заявленные по приговору, и указанные выше, вызовы с телефонных аппаратов, которые судом отнесены к некой «банде М», а лица, которые признаны судом «сутенерами» и «проститутками» вопреки их утверждениям о непричастности к такого рода деятельности, уже двигались, а в случае с Б - уже и приехали на место, где по приговору было совершено преступление. Время поступления звонков между телефонами, которые согласно приговору заявлены в качестве обстоятельств совершения преступлений данной ночи, подробно проанализированы выше. Очевидно, что Сивков не причастен к указанным преступлениям, и незаконно осужден.

Является совершенно надуманным оспаривание судом первой инстанции факта принадлежности СИМ-карты с абонентским номером -9920 Сивкову, регистрации номера на его имя и пользования именно Сивковым этим номером. Причем суд в ходе судебного следствия не высказывал сомнений в указанных фактах. Более того, по делу в соответствии с неоднократными рапортами, справками и процессуальными решениями сотрудников полиции (т. 3 л.д.15; т. 7 л.д. 84, т. 7 л.д. 88, 89) и на основании судебного решения (т. 7 л.д. 86) неоднократно было заявлено и подтверждено, что данный абонентский номер находится в пользовании Сивкова.

Очевидно, что если эти документы, а также наличие многочисленных и постоянных соединений данного абонентского номера именно с перечисленными свидетелями из числа знакомых Сивкова, а также с телефонами родственников Сивкова (сестрой К её мужем К, детализация которого – -2006, судом также запрашивалась, т. 25 л.д. 207, 212-213) для суда первой инстанции не

являются «объективными данными» того, что Сивков в указанное обвинением время пользовался данным абонентским номером, и они, по мнению суда, не содержатся в материалах дела, то имеются все основания полагать приговор незаконным и несправедливым.

Более того, суд в приговоре опровергает наличие в пользовании Сивкова и телефонного аппарата «Люмия» IMEI [redacted]. с которого производились соединения по данной СИМ-карте с номером [redacted]-9920 (стр. 108 приговора), в детализации соединений по которой определено, что карта использовалась в телефонном аппарате именно с указанным IMEI. Приводя заведомо неправильную трактовку, что СИМ-карта с номером [redacted]-9920 стояла в телефоне, который у Сивкова не обнаружен, и тем оспаривая нахождение Сивкова в тех местах, которые зарегистрированы по базовым станциям данной СИМ-карты, т.е. в ресторане «Зимний сад» при излагаемых Сивковым и свидетелями обстоятельствах.

Факт приобретения данного телефона в феврале 2015 года, взамен разбитого, подтвержден Ш[redacted] в показаниях суду (т. 30 стр. 1308 протокола). В материалах дела отсутствует акт личного досмотра Сивкова и изъятия указанного телефона. Притом, что при задержании личный досмотр проводится в обязательном порядке. Тем не менее вышеуказанный телефонный аппарат с СИМ-картой был после заключения Сивкова под стражу передан в СИЗО, где и хранился до выдачи родственникам после вынесения приговора.

Очевидно, что, если бы на данном телефоне содержалась хоть какая-то информация, свидетельствующая о причастности Сивкова к банде, охранникам клуба «Империя», и инкриминируемым преступлениям, или иные значимые обстоятельства, то они нашли бы отражение в материалах дела. Но в деле такие сведения отсутствуют. Соответственно, сторона защиты не имеет возможности представить доказательства, которые бы подтверждали отсутствие этого «отсутствия».

Очевидно, что председательствующий, который рассматривал заявления Сивкова о выдаче телефона «Люмия» и СИМ-карты его сестре К[redacted] направленные еще до постановления приговора, и давал разрешение на выдачу из СИЗО этих вещей, не мог не знать о наличии такого телефона, именно с таким IMEI [redacted] и такой СИМ-картой, поскольку в заявлениях все эти сведения указывались. Наличие этих обстоятельств подтверждается документами переписки Сивкова с судом и администрацией СИЗО (представлены с жалобой на 4 листах).

Однако судом были искажены и использованы в приговоре заведомо недостоверные сведения о том, что суду неизвестно о наличии и пользовании Сивковым телефонным аппаратом «Люмия» с IMEI [redacted] и СИМ-картой. Чем в приговоре опровергаются показания Сивкова, и ставятся под сомнение показания свидетелей Б[redacted] П[redacted],

В[redacted], Ш[redacted], К[redacted]. Судом были созданы условия для искажения реальных событий и опровержения, под вымышленным предлогом, представленных в защиту Сивкова доказательств, для вынесения именно обвинительного приговора.

Доводы о непричастности Сивкова к инкриминированным преступлениям, которые по приговору определены датами 22 и 23 февраля, а также 1 марта 2015 года, подтверждаются содержанием переговоров Сивкова в соцсети «ВКонтакте» с Ш[redacted], Б[redacted] и К[redacted], распечатки которых представлены в деле. Очевидно, что указанные переговоры отражали реальную суть событий, и никаких оснований для их оценки как специально подготовленные, по делу не имеется, доказательств такого не представлено ни в ходе предварительного следствия, ни в суде.

То, что Сивков в ночь на 23 февраля 2015 г., когда по приговору произошло преступление в отношении К[redacted], находился у себя дома с Ш[redacted], подтверждено Ш[redacted]. Показания Ш[redacted] по делу никакими безусловными доказательствами не опровергнуты. Напротив, это обстоятельство было подтверждено П[redacted], звонившей вечером того дня (23.02.2015г.) Ш[redacted], подтверждено К[redacted], которая переписывалась в сети «ВКонтакте» с Сивковым, и подтверждено Б[redacted], который также получил эти сведения в ходе переписки в сети «ВКонтакте», что в свою очередь взаимно подтверждается зарегистрированными в детализациях телефонными переговорами с Сивковым.

То, что Ш[redacted] одновременно с общением в чате сети «ВКонтакте» звонила Сивкову и по телефону по каким-то вопросам, требующим, в отличие от чата, получения немедленного ответа с обсуждением, является обычным действием. У лиц, живущих в современном мире и использующих для общения такого рода мессенджеры, указанный порядок действий не вызывает сомнений и недоумений. Очевидно, что неприятие судом указанной формы общения носит безусловно надуманный характер.

Подтверждением переезда Ш[redacted] домой к Сивкову вечером 22 февраля 2015 года является детализации их телефонных соединений, представленная по делу, и исследованная в суде, которая совпадает с порядком и содержанием их переписки в чате «ВКонтакте».

То обстоятельство, что Сивков всю последующую неделю с 24 по 27 февраля 2015 года работал, также как работал в субботу 28 февраля 2015 года, подтверждается детализацией его телефонных соединений. Перечисленные соединения подтверждают показания Сивкова, К[redacted], Ш[redacted] и Б[redacted], а также бывшего руководителя Сивкова - П[redacted] (т. 30 л.д. 1087) относительно того, что 28 февраля 2015 года у Сивкова была рабочая суббота, и он выезжал по работе в соседний

город Северодвинск, а также показания Сивкова, К[redacted] и Б[redacted], наряду с их перепиской «ВКонтакте» об усталости Сивкова и засыпании дома прямо в одежде, что в свою очередь опровергает выводы приговора и относительно причастности Сивкова к нападению на Б[redacted].

Представленные по делу доказательства и их объективный анализ указывают на непричастность Сивкова и к нападению на К[redacted]

Так, согласно приговору *«в ночь на 23 февраля 2015 года Соколов, Шкаев, Сивков и Жексембаев ... проследовали во двор д. [redacted] корп. [redacted] по ул. Тимме в г. Архангельске, где набрали еще один известный им абонентский номер, используемый для вызова девушек, занимающихся проституцией... Около 02 часов 30 минут туда с двумя девушками подъехал незнакомый им К[redacted]...»*.

В приговоре, при этом, не указаны ни время, когда был якобы осуществлен «заказ», ни абонентский номер, с которого осужденные заказали девушек, ни тем более данные *«еще одного»* абонентского номера, на который этот заказ был передан. Суд в приговоре необоснованно оперирует надуманными обстоятельствами, которые по делу остались или не подтвержденными или вовсе неизвестными.

Определяя виновность Сивкова и иных осужденных в данном инкриминированном преступлении, суд обосновывает это следующим.

Приговор исходит из того, что описываемые в приговоре действия в отношении К[redacted] совершены во взаимосвязи с Г[redacted] и остальными действиями. Однако никаких доказательств тому по делу не представлено.

Очевидно, что вызов «сутенера» тем способом, который суд предположил, но не описал в приговоре (т.е. — *«набрали еще один известный им абонентский номер»)* никак не предполагал за собой ни приезда какого-либо лица (в том числе и К[redacted]), имеющего знакомство с Г[redacted] (чем была бы обусловлена цель вызова, как воздействия на знакомых Г[redacted] «сутенеров»), ни само исполнение «заказа». И тем более не имеется оснований отождествлять обычного «таксиста», на чем сам К[redacted] настаивал, всего лишь оказывающего услуги по перевозке граждан, с лицом *«занимающимся организацией занятия проституцией»*.

Как уже отмечалось, в первоначальных показаниях К[redacted] указывается, что никаких телефонных звонков о заказе проституток не имелось вообще. Он, занимаясь частным извозом, в ночь на 22 февраля 2015 г. на остановке общественного транспорта у Автовокзала подобрал пассажиров - двух девушек возраста около 30 лет, которые попросили его отвезти до д. [redacted] корп. [redacted] по ул. Тимме. И по приезду на адрес девушки расплатились и ушли.

В последующем эти показания видоизменились на то, что ему позвонили с абонентского номера [redacted]0640, и заказали от

автовокзала привезти двух проституток к дому [ ] корп. [ ] по ул. Тимме. И произошло это, по новым показаниям, уже не 22, а 23 февраля 2015 года.

Суд, в качестве обоснования наличия некоего «заказа» приводит сложную цепочку рассуждений, при этом отрицая объективные сведения об отсутствии взаимной связи между телефоном К[ ], действительно использовавшего абонентский номер [ ] 8890 (на него и зарегистрирован), телефонов, пользование которыми приписано «банде», и некоей «диспетчерской», принимающей заказы на услуги проституток.

Как следует из приговора и тех обстоятельств, которые исследовались судом в ходе судебных заседаний, в качестве номера таковой «диспетчерской» суд усмотрел номер [ ]-0640. Поскольку именно телефонные соединения с указанным номером, имевшими место 23 февраля 2015 года, в приговоре стали ассоциироваться с местом и временем инкриминированного события - приезд К[ ] к д. [ ] корп. [ ] по ул. Тимме около 2 часов 30 минут именно 23 февраля 2015 года. Однако данные доводы ничем не подтверждены.

Так по делу не представлено доказательств, что абонентский номер 911-[ ]0640 действительно относится к какой-то «диспетчерской» по приему и распределению заказов на услуги проституток. По делу не представлено ни одного доказательства, которое бы подтверждало, чтобы то или иное лицо, находясь в определенном месте, с использованием этого абонентского номера принимало заказы и направляло на них девушек, документально уличенных в проституции.

Суд в приговоре неоднократно и бездоказательно в качестве причастности абонентских номеров, использование которых причислялось потерпевшим, к деятельности по организации занятия проституцией, ссылался на публикации рубрики «18+» газеты «Северный Меркурий», якобы подтверждающей, что данные номера относятся именно к организации так называемого «Досуга».

Однако абонентского номера [ ]-0640 среди опубликованных в газете телефонных номеров нет. Равно как нет там и абонентского номера, который зарегистрирован непосредственно на К[ ]

При этом, ни номер телефона К[ ], ни номер телефона [ ] 0640 в качестве номеров, которые используются для вызова проституток, осужденные, вопреки мнению суда, не могли получить ни при каких условиях. Поскольку Г[ ] задолго до исследуемых событий передавал кому-то из «банды» лишь выдуманные им самим номера телефонов (т. 28 л.д. 26 оборотная сторона, стр. 52 протокола судебного заседания). Соответственно, применительно к К[ ], суд использует в приговоре надуманное утверждение, *«набрали еще один известный им абонентский номер»*.

Если следовать логике суда, то телефонные соединения данного абонентского номера [ ]0640, признаваемого по приговору неким

«агентством интимных услуг», своеобразной «диспетчерской», могли касаться только одного - переговоров по предоставлению услуг проституток. Однако согласно детализации по абонентскому номеру [redacted]-0640, представленной за год, за период времени с 20.02.2015 года по 25.02.2016 года, из 30740 соединений нет ни одного, который зарегистрирован с абонентскими номерами, используемыми другими заявленными по делу потерпевшими - «сутенерами».

Из более чем 30 тысяч телефонных соединений, за целый год ни один звонок (подразумевается по сути приговора - «заказ») не был выполнен с участием телефонов, причисленных Г[redacted], Л[redacted], У[redacted], Б[redacted] К[redacted] Б[redacted], согласно приговору являвшихся сутенерами и принимавших активное участие в организации и предоставлении услуг интимного характера, с использованием чуть ли не постоянного контингента проституток, базирующихся в кафе «Дружба».

Соответственно, довод суда об отнесении указанного абонентского номера [redacted]0640 к деятельности по организации проституции, к какой-то «диспетчерской» по приему и распределению заказов на услуги проституток, опровергается. Соответственно не имеется никакого подтверждения, что какое-либо соединение телефонов, пользование которыми приписано «банде», с этим номером, связано именно с «заказом» девушек.

С другой стороны, за тот же период между указанным номером якобы *«агентства интимных услуг»* и абонентским номером К[redacted] ([redacted]-8890) зарегистрировано 3 867 соединений. Сторона защиты, анализируя в прениях предоставленную по делу детализацию данных телефонных соединений, обоснованно и мотивированно, с предоставлением ссылок на конкретное время совершения таких соединении, указывала, что:

- за сутки 21 февраля 2015 г. между этими абонентами было зарегистрировано 42 соединения, из которых 32 звонка были в дневное время в период с 8 до 22 ч.;
- за сутки 22 февраля 2015 г. между этими абонентами было 38 соединений, из которых 23 звонка были в дневное время с 8 до 22 часов;
- за сутки 23 февраля 2015 г., в том числе и в ночь, заявленную как дата совершения преступления, между этими абонентами зарегистрировано 42 соединения, из которых 22 звонка были в дневное время.

Большое количество соединений свидетельствует о том, что это не было связано с заказом девушек, а было лишь свидетельством работы диспетчерской такси.

О несостоятельности этой версии (что абонентский номер [redacted]0640 является неким *«агентством интимных услуг»,* и с него К[redacted] 23 февраля 2015 года принял «заказ»), в том числе и относительно даты 23 февраля 2015 года необходимо отметить и следующее:

- 23 февраля 2015 года в ближайшее время до первого соединения номера [redacted] 0640 с номером К[redacted] которое в приговоре (стр. 114, 117) заявлено временем 02 часа 21 минута, нет ни одного телефонного соединения на номер этого «агентства», который мог быть звонком заказчика. По детализации предыдущий по времени входящий звонок состоялся еще в 1 час 57 минут (продолжительностью всего 24 секунды), более чем за 20 минут до звонка К[redacted] с номера [redacted]-0640. А за 10 минут до него (т.е. в 1 час 47 минут) был еще один. И ни каких других соединений, в том числе такого, за счет которого надлежало предупредить «исполнительниц заказа», чтобы они зимой выходили на уличную остановку к автовокзалу, где их будет ждать автомобиль К[redacted], нет. Также как нет и какого-либо звонка какому-то «заказчику», о том, что «заказ» будет исполнен;
- как заявлено в приговоре (стр. 114, 117), далее в ту же ночь К[redacted] в 2 часа 27 минут перезвонил на указанное «агентство», якобы сообщив, что он прибывает по назначенному адресу. Однако, и в этом случае в детализации так называемого «агентства» ([redacted]-0640) нет какого-либо обратного звонка «заказчику», с уведомлением о том, что «заказ» будет исполнен и автомобиль подъезжает.

Очевидно, что ни заявленные в приговоре девушки, ни некие «заказчики» не могли все это время ночью зимой находиться на улице, одни - в ожидании какого- либо вызова, вторые - в ожидании, будет ли «заказ» кем-то исполнен. Поскольку, как уже отмечено, никаких телефонных переговоров, свидетельствующих о последовательном информировании заинтересованных девушек и заинтересованных «заказчиков», не имеется.

При этом и в ночь на 22 февраля 2015 г., то есть ту дату, которая ранее заявлялась как дата совершения преступления, на абонентский номер К[redacted] также были входящие звонки с номера так называемого «агентства» ([redacted]-0640), в том числе в период с 2 до 3 часов ночи. Это обстоятельство подтверждает мнение стороны защиты о причинах изменения в деле даты заявленного в отношении К[redacted] преступления, с 22 на 23 февраля 2015 года — совпадение со временем, заявленным как совершение преступления в отношении Б[redacted].

Вопреки первоначальным показаниям К[redacted], в его последующих пояснениях, также как и в повторных показаниях Б[redacted], К[redacted], появляется еще один абонентский номер, который якобы находился в пользовании: [redacted]-9749. Что, по мнению обвинения, а затем и суда, должно подтверждать дату случившегося с К[redacted] события именно как 23 февраля 2015 года. Однако данный номер зарегистрирован на постороннего человека – Е[redacted] [redacted] [redacted] г. р., никакого отношения к К[redacted] не имеющую и которая по делу не допрашивалась. Тем самым относимость номера к К[redacted] и достоверность его показаний в этой части, ничем не подтверждена.

То обстоятельство, что 23 февраля 2015 г. по данному номеру зарегистрированы соединения с номерами, которые заявлены как находившиеся в пользовании К[redacted] ([redacted]-8031) и У[redacted] ([redacted]-0452), не подтверждает принадлежность этого «нового» номера К[redacted].

Соответственно, изложенная в приговоре мотивировка «у суда не вызывает сомнений и достоверность показаний потерпевшего о времени совершения преступления, поскольку исходя из описанной хронологии состоявшихся после хищения телефонных разговоров сначала с К[redacted], а затем и с У[redacted] такие события имели место только в ночь на 23 февраля 2015 года» (стр. 118 приговора) является надуманной, противоречащей исследованным самим же судом доказательствам.

Напротив, помимо того, что этот номер ([redacted]-9749) зарегистрирован не на К[redacted] а на некую Е[redacted] по делу имеются неопровержимые обстоятельства, отвергающие выводы суда. Так в определенные моменты имеется «пересечение» времени совершения телефонных соединений по двум указанным номерам ([redacted]8890 – К[redacted] и [redacted]-9749 – Е[redacted]) в разных местах нахождения звонившего одновременно. Чего не могло быть в случае если бы этими номерами пользовалось одно лицо, о чем утверждает суд:

- так на 22 февраля 2015 г. в 23:15:32 и в 23:16:19 на номера Е[redacted] и К[redacted] одновременно производились телефонные переговоры, в то время как эти абоненты находились в разных местах (в районе д. [redacted] корп. [redacted] по ул. Октябрьская и д. [redacted] по пр. Ленинградский соответственно;

- на 23 февраля 2015 г. при телефонных переговорах в 03:21:26 пользователь номера Е[redacted] ([redacted]-9749) находился в районе пересечения пр. Московский и ул. Галушина, а номер К[redacted] в 03:19:56 находился в районе д. [redacted] по ул. Октябрят;

- на 23 февраля 2015 г. при переговорах в 03:25:00 пользователь номера Е[redacted] находился в районе д. [redacted] по ул. Смольный Буян, а абонентский номер К[redacted] в 03:26:03 находился в районе д. [redacted] по ул. Стрелковая.

Все это указывает на то, что эти два абонентских номера не могли находиться одновременно у одного и того же пользователя, коим судом заявлен К[redacted].

Кроме того, К[redacted], в обоснование изменения даты событий, указал, что после событий он звонил К[redacted] и У[redacted], чтобы их предупредить об опасности случившегося. Вопреки заявлению К[redacted] которое в том числе использовано в приговоре как подтверждение достоверности его показаний, и соответствия даты 23 февраля 2015 года дню событий, это не соответствует действительности.

По обоим соединениям обладатель номера [redacted]-9749 (Е[redacted]) не являлся инициатором звонков, которые по версии приговора были сделаны

чтобы «предупредить» о случившемся. Напротив, соединения на номер -9749 (Е) были **входящими** соответственно от К и У что опровергает довод, что К хотел поделиться информацией о произошедшем с целью предостережения своих знакомых, и по сути входящие звонки от К (в 03 ч. 25 мин.) и У (в 03 ч. 38 мин.) на телефон -9749 (Е) не связаны и не могли быть связаны с каким-либо преступлением 23 февраля 2015 года.

Более того, в ходе допроса К в суде убедительно назвал только один номер -8890 как номер, которым пользовался К. Про другой номер ему ничего не известно (т. 29 стр. 528 протокола).

Согласно приговору, Сивков, Шкаев и неизвестные участники банды 1 марта 2015 года проследовали в заранее подысканное удобное место для совершения преступления в отношении Б, расположенное у д. 4 по ул. Стрелковая, откуда используя один из абонентских номеров кто-то из них, или все вместе, связались с Б вызвали его под предлогом заказа «*девушки*», занимающейся проституцией, после чего 1 марта 2015 года около 03 часов 30 минут, когда Б подъехал к д. по ул. Стрелковая в Ломоносовском округе города Архангельска и привез туда «*девушку*», напали на Б

По делу доказательства причастности Сивкова, а также Шкаева к событиям, касающимся Б, построены на показаниях последнего и Т Однако имеются обстоятельства, которые опровергают показания и Б и Т и ставят под сомнение причастность именно осужденных к обстоятельствам совершения в отношении Б противоправных действий в том объеме, который изложен в приговоре, повлекших зафиксированные в медицинских документах телесные повреждения.

Так, согласно показаниям Б от 01.03.2015 (т. 4 л.д. 215) и от
02.03.2015 г. (т. 4 л.д. 220), им указан только один абонентский номер, которым Б пользовался в исследуемый период - 9205. При этом детализация по указанному абонентскому номеру по делу не представлена. По всей видимости, сведения, которые могли содержаться в данной детализации, очевидно, опровергали причастность Сивкова, Шкаева и «банды М» к преступлению.

Позже в протоколах допроса от 05.03.2015 г. (т. 4 л.д. 225) и от 28.01.2016 г. (т.4 л.д. 230-231) стал указываться еще один абонентский номер -0037, как находившийся в его пользовании в исследуемый период.

А также по-другому стали интерпретироваться события произошедшего: уже как доставление Б проститутки по вызову и нападение на него уже нескольких лиц.

При этом, согласно первоначальным показаниям Б от 1 марта 2015 г. (т. 4 л.д. 215-218) он 1 марта 2015 года:
- около 3 ч. 30 мин. подъехал на своем автомобиле к д. по ул. Стрелковая, кафе «Встреча» (дом, где расположено кафе находится на ул. Стрелковая напротив дома во дворе которого произошел инцидент) чтобы забрать свою сожительницу Т;
- Т ему перед этим позвонила с номера -2008 и попросила забрать из этого кафе;
- после звонка Т ему позвонили с номера -6175 и мужчина заказал такси, услуги которого частным образом оказывал Б к д. по ул. Стрелковая, что и явилось основанием прибытия в указанный адрес;
- после звонка он заехал к кафе за Т, которая села на переднее пассажирское сиденье;
- в 3 ч. 37 мин. он подъехал к подъезду д. по ул. Стрелковая, где стоял молодой человек;
- вышел из машины, после чего к нему подошли еще двое с левой и один с правой стороны;
- один из подошедших потребовал деньги, держа в руках травматический пистолет «Оса», и в этой время он заметил Т которая оказалась на улице возле него;
- Т приказали вернуться в машину и она села на левое заднее пассажирское сиденье;
- под видом передачи кошелька он достало из перчаточного ящика травматический пистолет, но один из людей это заметил и выстрелил в него травматическими патронами, он в ответ дважды выстрелил свето-шумовыми патронам и, после чего люди убежали.

При этом в заявлении Б указывал только про одного человека (т. 4 л.д. 190).

Т 2 марта 2015 года дала первоначально сопоставимые показания (т. 4 л.д. 232-235), пояснив, что 28 февраля 2015 года в 23:30 она пришла в кафе «Встреча» и уже 1 марта 2015 года в 3 ч. 20 мин. позвонила Б

Тем самым была представлена простая последовательность действий: в 3:20 Т находясь в кафе, просит забрать её, в 3:37 (спустя 17 минут) Б был уже возле д. по ул. Стрелковая – за эти 17 минут он успел доехать до места назначения, забрать Т и получить заказ на услуги такси.

В дальнейшем обстоятельства происшествия, случившегося с Б стали последовательно «подгоняться» под ситуацию, создающую видимость совершения преступлении в отношении сутенеров, знакомых с Г В результате чего в показаниях Б от 28.01.2016 года в его автомобиле вместе с ним и его сожительницей

Т[redacted], «появилась» проститутка по имени А[redacted], которая пользовалась абонентским номером [redacted]-3762 (т. 4 л.д. 230 оборотная сторона), детализация по которому по делу опять же не запрашивалась. При этом до этого момента Б[redacted] допрашивался неоднократно, 01.03.2015 года (сразу после событий), 02.03.2015 г., 05.03.2015 г., 08.07.2015 г. И только спустя более чем полгода, в пятом по счету протоколе его допроса, сведения об указанной «А[redacted]» появляются в показаниях Б[redacted].

Сообразно с этим меняется и другое содержание показаний Б[redacted] в которых появляются звонки из агентства, занимающегося приемом и распределением заказов на услуги проституток, но пропадает звонок Т[redacted], а именно:

- перед совершением на него нападения Б[redacted] на телефон позвонили с агентства на его номер [redacted]-0037 и сказали номер телефона «заказчика»;
- он в кафе «Дружба», которое расположено в другом муниципальном округе г.Архангельска, на пересечении пр. Обводный канал и ул. Комсомольская, на расстоянии не менее 3 км от д. [redacted] по ул. Стрелковая, забрал проститутку по имени А[redacted]
- подъезжая, он звонил на телефон заказчика, сообщил, что привез проститутку;
- ему ответил мужской голос, что ждет на крыльце подъезда.

По мнению адвоката, такой порядок появления первоначальных показаний и их последующее радикальное изменение, объясняется теми функциями, которые на Б[redacted] и Т[redacted] были изначально возложены сотрудниками, расследовавшими дела - посредством привлечения Сивкова и Шкаева по данному инкриминированному эпизоду сформировать их причастность к «банде М[redacted]».

Очевидно, что в ходе следствия и затем в приговоре показания Б[redacted] и Т[redacted] используются как взаимно подтверждающие друг друга. Учитывая, что только эти двое представляют доказательства участия Сивкова и Шкаева в нападении и, судом в ходе процесса предпринимались все возможные, в том числе и незаконные, меры для придания показаниям этих лиц максимальной правдоподобности, и действия по пресечению любых попыток установить истину по делу. О чем свидетельствуют ограничения, установленные председательствующим для стороны защиты в постановке соответствующих вопросов и надлежащим образом исследовании материалов дела. Не говоря о своеобразной, вопреки реальным событиям, оценки судом иных исследованных доказательств, касающихся предполагаемых действий Б[redacted] и Т[redacted] в первую очередь - видеозаписи, объективно и последовательно зафиксировавшей часть произошедшего.

Очевидно, что помимо функции взаимного подтверждения показаний

Б и Т, на Т изначально была возложена функция как бы «случайного обнаружения» фотографии Шкаева в соцсети «ВКонтакте», как самого первого основания для определения причастности Шкаева к событиям, относящимся к Б Представленный в деле способ и порядок выхода Т на личную страницу Шкаева и обнаружения там его фотографии, в том виде, как он представлен в ее показаниях суду (т. 29 л.д. 187), является весьма сомнительным. Так Т поясняла, что обнаружила изображение Шкаева в сети «ВКонтакте», когда просматривала странички на своем смартфоне (т. 29 л.д. 194), о чем рассказала Б И таким сомнительным образом произошло «случайное» обнаружение именно Шкаева из миллионов пользователей данной соцсети. При этом суд трижды снял вопрос защиты, каким образом Б, в свою очередь, сам нашел ту же страницу уже на компьютере для того чтобы распечатать изображение, которое якобы нашла Т Сам Б в «ВКонтакте» не зарегистрирован, каким он образом смог зайти в соцсеть и найти ту страницу, которая содержит фото Шкаева без личной регистрации, суд выяснить не разрешил.

Очевидно, что для позиционирования Б в качестве «сутенера» и придания случившемуся с ним происшествию взаимосвязи с событиями, касающимися Г необходимо было, чтобы Б приехал на ул. Стрелковую к дому где и была произведена им видеозапись на видеорегистратор и где он, объективно, получил телесные повреждения, исполняя «заказ» по доставлению проститутки, а не по заказу «такси». То есть для обвинения в данном преступлении именно «банды М в лице Сивкова и Шкаева, нужно было, чтобы в автомобиле Б туда прибыла и некая проститутка.

Очевидно, что первоначально эта роль отводилась именно Т которая в последующем, по каким-то причинам, вероятно морально-нравственным, отказалась даже формально причислять себя к представительницам сферы интимных услуг.

В виду этого, спустя долгий отрезок времени после произошедших событий, и нескольких первоначальных допросов Б в последующем в его машине при следовании к д. по ул. Стрелковая «появилась» отдельная проститутка по имени Ал, телефон которой Б был убедительно известен, и был воспроизведен (либо по памяти, либо по каким-то записям) в протоколе допроса. При этом А как непосредственного участника и очевидца событий, никто не искал, и по делу она оказалась не допрошена, детализация телефона не истребовалась.

Высказываясь об исключительной достоверности и непротиворечивости как отдельно, так и взаимно, показаний Б и Т, суд не обратил внимания на то, что:

- за время всего повествования в суде (показания в т. 29 на л.д. 186-200) Т[redacted] самостоятельно ни разу не упомянула о наличии в салоне автомобиля у подъехавшего Б[redacted] какой-либо проститутки;
- про наличие проститутки в автомобиле Б[redacted] нет указания и в письменных показаниях Т[redacted] (том 4 л.д. 233-235), на что обратила внимание и государственный обвинитель (т. 29 л.д. 189 оборотная сторона, стр. 878 протокола);
- и только позже, на дополнительный, наводящий вопрос обвинителя Т[redacted] сказала, что на заднем сидении в салоне сидела девушка, которую она не знает. При этом сказано было лишь то, что «О*на сидела в машине, не выходила*» (т. 29 л.д. 186 оборотная сторона, стр. протокола 872).

На основании судебного постановления была получена детализация телефонных переговоров на номер [redacted]-0037 Б[redacted] (т. 5 л.д. 56). Находится в отдельном конверте – т. 3 л.д. 201.

Представленная детализация опровергает как первоначальные показания Б[redacted], а равно с ним и показания Таничевой, так и последние показания Б[redacted] где в числе очевидцев представлена «А[redacted]».

Так, согласно представленной детализации:
- за 28.02.2015 г., как и за весь представленный период, нет ни одного телефонного соединения с абонентским номером [redacted]-3762, которым, согласно показаниям Б[redacted] пользовалась проститутка по имени «А[redacted]». Что опровергает какую-то информированность Б[redacted] о том, что проститутка «А[redacted]» в эту ночь работает, свободна и ее можно будет привлечь для исполнения «заказа», а соответственно и факт обращения Б[redacted] к ней;
- в ночь с 28 февраля на 1 марта 2015 года зарегистрировано только два телефонных звонка Б[redacted] и Т[redacted] (абонентский номер[redacted] [redacted]-2008) друг другу.

Из них одно исходящее на телефон Т[redacted] 28.02.2015 года еще в 23 часа 40 минут, когда Б[redacted] находился в другом районе от места преступления.

Второй звонок в 01 час 40 минут 01.03.2015 г., также исходящий от Б[redacted] когда тот находился в районе д. [redacted] по Набережной Северной Двины, т.е. в другом районе от места происшествия. Других соединений на абонентский номер [redacted]2008 Т[redacted] 01.03.2015 не имеется. В том числе того звонка, в 3 часа 20 минут, о котором говорила Т[redacted] содержавшего бы просьбу забрать ее из кафе.

Тем самым детализация опровергает утверждения Б[redacted] и Т[redacted], что она позвонила Б[redacted] из кафе и просила её забрать, а все имеющиеся соединения были задолго до времени происшествия (по приговору не позднее 03 часов 30 минут).

В отличие от трех предыдущих потерпевших Б[redacted], К[redacted] и К[redacted] соединения с абонентским номером, который приговор

связывает с действиями осужденных, совершались с номером, который действительно зарегистрирован на Б[redacted]- [redacted]0037.

Но в приговоре суд ассоциирует указанный телефон с абонентским номером 47-14- 07, заявляя, что это тот, *«который размещен в рекламе агентств интимных услуг»* (стр. 125 приговора, 1 и 2 строки), при этом связывая номер Б[redacted] ([redacted]-0037) и этот номер [redacted]-14-07) некой «переадресацией» между ними. То есть, согласно приговору, «заказ» на доставление проститутки был получен не напрямую Б[redacted], а как бы ретранслирован ему от «агентства интимных услуг» по звонку от номера[redacted]-14-07.

В материалах дела представлены только две страницы газеты «Северный Меркурий», содержание которых обвинение и затем приговор связывают с предоставлением интимных услуг, называя перечисленные там номера, номерами «досуга», или «агентств интимных услуг» Поскольку предполагает, что именно по этим номерам в 2014 году и в феврале-марте 2015 года можно было заказать девушку, и именно эти номера из газеты нападавшие, в данном случае, осужденные, использовали для вызова «сутенеров», в роли которых определены Б[redacted] К[redacted] К[redacted] и Б[redacted]

В представленных суду материалах изображения страниц газеты находятся в т. 7 л.д. 29-30 (за 23.08.2014 г. фото 3 и 4) и л.д. 31-32 (фото 6 и 7) в рубрике «Знакомства 18+». При этом, вопреки выводам суда номера [redacted]-14-07 там нет. Нет там и номера телефона Б[redacted].

Что касается некоей «переадресации», то сторона защиты еще в ходе судебного разбирательства обращала внимание на надуманность такого заявления (т. 31 л.д. 198- 199). Так, стороной защиты указывалось, что государственный обвинитель, высказывал свои доводы по анализу соединений абонентского номера [redacted]-6175, который, по мнению обвинения, использовался осужденными в телефонном аппарате «Самсунг» с IMEI-[redacted] утраченном Ф[redacted] и с которого 1 марта 2015 года в 03:26:57 был зафиксирован исходящий звонок на номер [redacted] 14-07. Что, по мнению обвинения, с которым необоснованно согласился суд, свидетельствовало о «заказе» девушки.

Давая пояснения о данном телефонном соединении, обвинитель сообщила, что согласно этой детализации, данный вызов в 03:26:57 «***был осуществлен на номер*** *[redacted]-14-07,* ***с которого*** *идет переадресация на номер [redacted]-0037,* ***принадлежащий Б***[redacted]» (т. 31 л.д. 163 оборотная сторона, стр. 1826 протокола). Очевидно, что это не правда. По делу было представлено три распечатки детализаций, касающихся оценки данного обстоятельства:

- отдельно по номеру [redacted]-6175 (по приговору использовался нападавшими);

- отдельно по IMEI- (по приговору, телефонный аппарат, в котором стояла СИМ-карта вышеуказанного номера, используемая нападавшими);
- отдельно по номеру 0037 Б

В представленных по делу детализациях и по номеру -6175 и по IMEI- -* нет никакой переадресации.

Также как нет переадресации по звонку, зарегистрированному в 03: 26:57 по номеру -0037 (Б), притом, что в случае действительно наличия переадресации об этом указывается в детализации (к примеру соединения 26.02.2015 г. в 23:16:54 или 28.02.2015 г. в 05:19:55).

Очевидно, что заявленная «переадресация» при отсутствии таковой в действительности, неправомерно используется в приговоре как способ обосновать «нужные» телефонные соединения как бы звонками в «агентства интимных услуг».

Именно необходимость ассоциировать приезд Б к д. по ул. Стрелковая в ночь на 1 марта 2015 года с предварительным заказом девушки стала причиной многочисленных изменений последующих показаний Б появление в разные периоды расследования новых сведений и телефонов, использование надуманных переадресаций на какие-то неподтвержденные агентства интимных услуг.

Следует обратить внимание, что по показаниям Б после инцидента он вместе с Т проехал к городскому травмпункту. Туда же подъехал его знакомый Г, которому Б после инцидента позвонил по телефону и рассказал о случившемся.

Т отчасти вторит показаниям Б Но при этом, на окончании своего допроса в суде, сообщает, что девушку они высадили именно у травматологии, где её забрал приехавший знакомый Б (т. 29 л.д. 199).

Однако допрошенный в судебном заседании Г опроверг и показания Б относительно цели приезда последнего к дому по ул. Стрелковая, и показания Т относительно проститутки. Так, согласно показаниям свидетеля Г, прибывшего непосредственно после событий в травматологию, где Б потом оказали первую помощь, Б ему рассказал, что подвозил пассажира, и у дома по ул. Стрелковая на него напали (т. 2, л.д. 64). Эти же показания Г подтвердил и в судебном заседании, пояснив, что *«он* (тут - Б) *мне позвонил,* ***сообщил, что отвозил пассажира по адресу:*** *улица Стрелковая, дом и у него хотели деньги отобрать»* (т. 28 л.д. 48 оборотная сторона, стр. 96 протокола). При этом Г не подтвердил не только присутствие возле травматологии проститутки, но также и самой Т

Еще более на недостоверность показаний Б и Т указывает содержание записи видеорегистратора автомобиля

Б[redacted]. Её содержание зафиксировано в протоколе осмотра (т. 4 л.д. 245-246). Данная запись состоит из двух файлов. На первом запечатлено движение автомобиля, в котором находился видеорегистратор (из промежуточной точки, место расположение которой проезжал автомобиль на начало записи первого файла) по улицам г. Архангельска. При этом автомобиль совершает несколько последовательных поворотов, без каких-либо промежуточных остановок, и останавливается только в одном месте – во дворе д.[redacted] по ул. Стрелковая у первого подъезда. После чего переел автомобилем проходит мужчина. Потом действия фиксируются на втором файле. Запись при э том ведется непрерывно.

В ходе исследования видеозаписи с участием Б[redacted] (т. 28 л.д. 215, стр. 429-430 протокола) и протокола её осмотра видно, что после остановки автомобиля во дворе дома (в 3 ч. 36 мин. 48 сек.) запечатлено передвижение человека перед автомобилем слева – направо. Как указано в протоколе осмотра (т. 4 л.д. 245) «При обозрении файла … На записи видно, как в 03:37:34 перед автомобилем проходит человек…» И этот человек был запечатлен именно в конце данной записи (первого файла), закончившейся спустя 2 секунды по таймеру.

После чего, уже на другом файле видеозаписи, в ее начале, запечатлено, как спустя 15 секунд (по таймеру видеозаписи) после прохода перед автомобилем первого человека, к автомобилю спереди от дальнего конца дома, вдоль которого стоял автомобиль, подошел еще один человек. Как изложено в протоколе осмотра (т. 4 л.д. 245 оборотная сторона) «***При обозрении файла MOV 1279... На записи видно, как в 03.37.49 01.03.2015 к автомобилю со стороны второго подъезда дома проходит человек...».*** Очевидно, и это запечатлено на видеозаписи и зафиксировано в протоколе ее осмотра, что это разные люди, первый из которых проходил перед автомобилем, будучи обращенным к автомобилю левым боком, справа налево, а второй двигался лицом навстречу автомобилю от противоположного конца дома («со стороны ***второго подъезда»).***

Очевидно, что и в том, и в другом случае, по отношении к Б[redacted] так как он себя позиционировал, эти оба человека подходили справа.

При этом, сразу же после просмотра первого файла, и до просмотра второго файла, государственным обвинителем по содержанию первого фала был задан вопрос: ***«В конце видеозаписи виден силуэт человека, подходящего к автомобилю. Поясните, кому принадлежит данный силуэт?».*** На что Б[redacted] чётко ответил: ***«Запечатлен четвертый молодой человек, который подошел ко мне справа»*** (т. 28 л. 215 оборотная сторона, стр. 430 протокола).

После чего по протоколу судебного заседания ***«аналогичным образом воспроизводится второй файл MOV1279...»*** (т. 28 л. 215 оборотная сторона, стр. 430 протокола), на котором, как указано выше, зафиксирован подход

другого человека от дальнего конца дома. Который был прокомментирован Б[redacted] как: ***«Виден силуэт четвертого молодого человека, подошедшего ко мне справа».***

Тем самым два разных человека, запечатленные передвигавшимися из разных мест на видеозаписи первого и второго файла, Б[redacted] названы как один и тот же ***«четвертый молодой человек»***, что явно противоречит исследованным доказательствам.

При этом, после окончания видеозаписей Б[redacted] уже стал указывать на того ***«четвертого молодого человека»***, который запечатлен на первом файле, что это на самом деле сама Т[redacted] (т. 28 л.д. 216, стр. 431 протокола), которая, по словам Б[redacted], таким образом после выхода из кафе «Встреча» села к нему в машину. При этом Б[redacted] даже не заботило, что автомобиль остановился не у кафе «Встреча» (которое, как уже указывалось выше, находится на той же улице, но напротив дома [redacted] то есть с другой стороны дома, во дворе которого остановился Б[redacted] и напротив другого конца здания), а у первого подъезда дома, никуда не заезжая и нигде до этого не останавливаясь.

В ходе дальнейшего допроса Б[redacted] на вопрос адвоката: «В ***судебном заседании воспроизводилось два видеофайла. На каком из видео запечатлен момент, когда Т[redacted] проскочит и села в автомобиль?».*** Б[redacted] ответил «В ***конце первого видеофайла»*** (т. 28 л. 218 оборотная сторона, стр. 436 протокола). И в окончании судебного допроса продолжал утверждать, что запечатленный в конце первой видеозаписи человек, безошибочно ранее отнесенный самим Б[redacted] к мужскому поле и названный ***молодой человек»*** - это и есть Т[redacted] (т. 28 л.д. 225, стр. 449 протокола).

В тоже время Т[redacted] после просмотра видеозаписи категорически заявляла, что по силуэту прошедшего перед автомобилем человека она ничего не помнит, не помнит, где сама находилась и не видела, как этот человек проходил. Себя в этом силуэте не узнала (т. 29 л.д. 197, стр. 894 протокола).

Очевидно, что показания Б[redacted] являются ложными, представлены с целью каким-то образом обосновать имеющиеся критические противоречия между его предыдущими показаниями и тем, что объективно запечатлено на записи.

Поскольку очевидно, что Б[redacted] до этого момента подъехал именно к конкретному месту - подъезду № 1 (т. 4 л.д. 202) - указанного дома, но не к кафе «Встреча». И в указанном месте не могла находиться, и даже по пояснениям Б[redacted], не находилась Т[redacted]. Более того, зафиксированный на видеозаписи мужчина передвигался справа налево, что не соответствует порядку посадки пассажира «Т[redacted] указанному Б[redacted] ***(«...на переднее сидение, рядом со мной..»,*** т. 28 л. 218, стр. 435 протокола), а напротив, скорее указывает, что проходивший до этого первоначально именно вышел из автомобиля, то есть являлся до этого

пассажиром, которого привез Б на видеозаписи видно, что в действительности на проходящем человеке была одета мужская одежда — короткая куртка и брюки.

Более того, первоначально, после просмотра видеофайлов в суде, Б указывал, что для посадки Т он останавливался у кафе «Встреча», «*...Т у ресторана «Встреча» в темноте села, она прыгнула в машину и я сразу продолжил движение*» (т. 28 л. 216, стр. 431 протокола). Что не соответствует действительности, поскольку по непрерывному сюжету записи и непрерывному таймеру записи ни каких остановок записи, остановок или даже замедления автомобиля с выключением фар головного света автомобиля так, чтобы Т могла незаметно для глаза «проскочить», зафиксировано не было.

При наличии таких противоречивых, явно указывающих на их ложность, показаний Б, председательствующим были намеренно созданы препятствия для выяснения стороной защиты существенных обстоятельств, в том числе тех, которые позволили бы опровергнуть ложные показаний Б и Т Так председательствующий прерывал допрос Б стороной защиты (том 28 л.д. 218, стр. протокола 235), необоснованно неоднократно снимал вопросы стороны защиты (т. 28 л.д. 218 оборотная сторона, стр. протокола 436; л.д. 219, стр. протокола 437).

При просмотре видеофайлов, судом было запрещено стороне защиты непосредственно в момент воспроизведения изображения задавать вопросы Б по существу запечатленного на видеозаписи, по каждому конкретному значимому обстоятельству (т. 28 л.д. 215, стр. протокола 429-430). После чего также было дважды отказано стороне защиты в повторном предъявлении Б указанной видеозаписи для постановки соответствующих вопросов и комментариев по поводу выявленных несоответствий и прямых противоречий между показаниями и зафиксированными обстоятельствами.

Необходимо обратить внимание на то, что в разных показаниях Б менялось количество нападавших. По тексту его письменных показаний в инциденте всегда участвовало четверо. Но на очной ставке со Шкаевым (т. 5 л.д. 45-46) он указывал о трех.

Тем самым, анализируя объективное содержание видеозаписи в совокупности с показаниями Г сторона защиты настаивает на том, что зафиксированный на видео мужчина, проходивший перед капотом автомобиля справа налево, являлся пассажиром, которого привез Б. После чего к машине подошел другой человек, с которым у Б и возник конфликт, закончившийся стрельбой.

Сторона защиты настаивает на том, что показания Б и Т являются ложными. И обоснованно полагает, что выявленные и указанные выше несоответствия и противоречия в показаниях Б и Т, сведениях о детализации телефонных звонков, видеозаписи, как ранее в показаниях по другим эпизодам Б

К[redacted], П[redacted] К[redacted], возникли только по причине, что указанные лица давали выдуманные пояснения, направленные на то, чтобы привязать невзаимосвязанные происшествия к действиям именно «банды М[redacted]», и конкретно Сивкова и Шкаева.

Одинаковый порядок появления у Б[redacted], К[redacted] и отчасти К[redacted], измененных показаний по произошедшим в одну и ту же ночь событиям, одинаковый порядок появления новых показаний у Б[redacted] и Т[redacted] а тем более появление новых подробностей, и иных по содержанию показаний именно в той части, что указывала на причастность к событиям Сивкова и Шкаева, дает основание считать, что эти изменения инициированы самим органом, производившим расследование, о предвзятости сотрудников которого осужденные заявляли неоднократно, в том числе в ходе судебного разбирательства.

Взаимосвязь выявленных противоречий между показаниями Б[redacted], Т[redacted], свидетеля Г[redacted] и представленными в объективных документах и видеофайлах сведениями, и тот порядок, в силу которого эти противоречия возникли, указывает на то, что представленные суду по эпизоду в отношении Б[redacted] обстоятельства являются не более чем оперативной комбинацией.

При этом суд необъективно и необоснованно отвергает доводы, представленные Сивковым в свою защиту. Суд, оспаривает состоявшуюся переписку в соцсети «ВКонтакте» между Сивковым и Ш[redacted] Сивковым и К[redacted] ссылаясь на сведения, предоставленные оператором сотовой связи и некую *«интенсивность соединений»* по абонентскому номеру [redacted]5446, СИМ-карта которого была установлена в планшете Сивкова, (стр. 106-107 приговора).

Однако анализ данной информации, тем более в сопоставлении с другими документальными сведениями, указывает на недостоверность сведений, содержащихся на момент их представления в суде по делу на электронном носителе (компакт-диск, т. 25, л.д. 180), заявленном как поступивший из ПАО «Вымпелком» по запросу на детализацию интернет-соединений по абонентскому номеру [redacted]5446, который использовался Сивковым в его планшете.

Согласно первого экземпляра сопроводительной за подписью менеджера Р[redacted] в суд направлялись и бумажный носитель с соединениями технических каналов связи (настройки и обновления программного обеспечения), и компакт-диск с информацией об интернет-соединениях (т. 25, л.д. 176). Но **31 января 2017** года в суд поступил только бумажный носитель без компакт-диска, и без конверта (то есть нарочным из Архангельского филиала ПАО «Вымпелком»). В суде стороне защиты было заявлено, что поступила только бумажная распечатка, а диска приложено не было.

Однако на следующий день 1 февраля 2017 года с другим экземпляром того же сопроводительного письма, но подписанного уже

специалистом по документообороту К[redacted] также нарочным поступил компакт-диск, и еще одна копия бумажной распечатки.

При этом представленный на диске файл, содержащий информацию о детализации интернет-соединений, создан 1 февраля 2017 года, то есть в тот момент, когда требуемые материалы, согласно первого сопроводительного письма, уже должны были находиться в суде.

В связи с этим представленная детализация была предметом тщательного изучения и выяснилось наличие многочисленных нестыковок.

Так, в представленной с сопроводительным письмом на СД-диске детализации указано, что:

- 09.02.2015 г. в 16:19 осуществлялось 3G соединение, когда абонент находился в районе базовой станции и, расположенной в центре г. Архангельска по ул. Холмогорская [redacted] корп. [redacted]
- но уже через 7 минут в 16:26 указывается следующее соединение при котором абонент находится в районе действия базовой станции в Приморском районе Северодвинской птицефабрики, то есть за пределами г. Архангельска на расстоянии более 15 км от прошлого места расположения;
- 12 февраля 2015 г. в 21:36 осуществлялось соединение когда абонент находился в районе базовой станции в Приморском районе Северодвинской птицефабрики;
- уже через минуту в 21:37 указывается соединение, при котором абонент находится в районе действия базовой станции в г. Архангельске по вышеуказанной ул. Холмогорская;
- 13.02.2015 г. по детализации интернет-соединений зафиксировано 37 записей по соединениям, совершенным в период с 14:49 часов (с последней записи указанным временем) по 14:51 часов (по первую запись указанным временем), когда абонент находился в районе действия базовой станции, расположенной в г. Архангельске, по ул. Холмогорская [redacted] корп. [redacted]
- однако в информации о звонках (в данном случае - технические соединения абонента [redacted]5446 со служебным номером провайдера [redacted]1111), представленной с тем же сопроводительным письмом на **бумажном носителе** (т. 25 л.д. 177 или 179), зафиксированы три соединения, зарегистрированные в тот же день в 14:50:06 часов, 14:50:08 часов и 14:50:10 часов (то есть как раз в период заявленных выше интернет-соединений), при которых этот же абонент одновременно находился в районе действия базовой станции, расположенной в г. Северодвинске, по ул. Капитана Воронина [redacted] корп. [redacted] То есть **одновременно** находился в разных городах Архангельской области, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии, что является невозможным.

В информации о звонках (также технические соединения абонента [redacted]-5456 со служебным номером провайдера [redacted]-1111),

представленной с тем же сопроводительным письмом на бумажном носителе, зафиксировано последнее соединение (по запрошенному периоду с 1 февраля по 1 апреля 2015 года), зарегистрированное в 09:04:46 14 марта 2015 года. То есть согласно сведениям на бумажном носителе, поступившим из ПАО «Вымпелком» в г. Санкт-Петербурге, СИМ-карта Сивкова, используемая только для интернет-соединений работала в сети до 14 марта 2015 года включительно;

- в тоже время детализация интернет-соединений (по тому же периоду времени, но представленная на компакт-диске днем позже и уже из подразделений ПАО «Вымпелком» в г. Архангельске) закончилась соединением 28 февраля 2015 года.

На эти противоречия, указывающие на недостоверность представленных сведений обращала внимание сторона защиты.

Тем самым на компакт-диске оказались отсутствующими сведения именно о совершенной, представленной по делу и исследованной в судебном заседании переписке в соцсети «ВКонтакте», состоявшейся между Сивковым и его сестрой К[redacted] с 10:12 по 11:44 часов 28.02.2015 года (т. 8 л.д. 15-16); переписке между ними же с 10:30 по 11:41 часов 1 марта 2015 года (т. 8 л.д. 17-20); переписке, состоявшейся между Сивковым и Б[redacted] с 14:39 по 11:41 часов 1 марта 2015 года (т. 8 л.д. 7-8). То есть именно те сведения, на которые ссылалась сторона защиты. Чем не преминул воспользоваться суд при постановлении приговора, и что стало основанием для очернения в приговоре показаний свидетелей защиты.

При этом, противоречия между представленными на компакт-диске сведениями с другими доказательствами было очевидным, что послужило основанием обращения государственного обвинителя с ходатайством о получении в ООО «ВКонтакте» дополнительной информации, которая была запрошена (т. 26 л.д. 95, 94). Но в дальнейшем суд незаконно, используя отказ гособвинителя от исполнения запроса по уже удовлетворенному ходатайству, не стал представлять к материалам дела уже запрошенную им же информацию.

По делу имеются и другие обстоятельства, которые могут свидетельствовать о фабриковании доказательств и надуманности постановленного приговора. В ряду которых стоят многочисленные нарушения, допущенные при производстве опознаний, как с предъявлением живых лиц, так и по фотографиям.

Согласно приговору, в совершении преступления в отношении Б[redacted] обвинены Сивков и Шкаев, и именно им инкриминировано исполнение данного преступления. Одним из немногих доказательств, на которые ссылается приговор в подтверждение указанной позиции о виновности Сивкова, является проведенное в ходе предварительного расследования опознание.

Сторона защиты мотивированно оспаривала законность и объективность проведенных по делу опознаний Сивкова и Шкаева.

Указание в приговоре, что *«описание потерпевшим только общих признаков внешности троих из пяти нападавших, в числе которых находился Сивков (их пола, возраста, роста, телосложения, одежды, обуви), без каких-либо явных отличительных черт,* предусмотренным законом препятствием *предъявления Сивкова на опознание не являлось»* (стр. 89 приговора), прямо противоречит требованию закона.

Статьей 193 УПК РФ определен порядок производства опознания лица или предмета. В соответствии с требованиями части второй указанной статьи, до проведения опознания лица или предмета, опознающие предварительно допрашиваются «о *приметах и особенностях, по которым они могут его опознать».* Тем самым уголовно-процессуальный закон безусловно требует предварительно выяснить и занести в протокол допроса опознающего описание отличительных свойств и особенностей опознаваемого лица или предмета, которые позволяют идентифицировать данное конкретное лицо или предмет в ряду подобных, обладающих общими признаками.

В нарушение требований закона Б[redacted] не был предварительно допрошен «о приметах и особенностях», присущих исключительно Сивкову Егору Александровичу, [redacted] г. рожд., и в допросе Б[redacted] нет сведений об индивидуальных особенностях, которые выделяли бы Сивкова из числа других лиц с подобными общефизическими и анатомическими признаками.

Так, в допросе Б[redacted] от 26 апреля 2015 г. (т. 3 л.д. 220) первые двое были определены как:

- лица, имеющие в руках пистолеты типа «Оса» и «ПМ», соответственно Сивков исключался из их числа, т.к. владение или пользование пистолетов ему не приписывалось ни в данном эпизоде, ни в других. В отношении других причастных лиц Б[redacted] указаны исключительно общие признаки, не по отдельности самого Сивкова, а всех «троих» сразу:

- остальных разглядел плохо, помню, что все они были примерно одного роста 175-180 см., одного возраста 25-30 лет, все были худощаво-спортивного телосложения и одеты были в темную одежду, на ногах у всех кроссовки.

Очевидно, что помимо прямого указания в допросе о том, что «остальных троих я разглядел плохо», Б[redacted] были представлены лишь общие признаки, которые не позволяют идентифицировать конкретного человека, в том числе и Сивкова.

Однако в протоколе опознания от той же даты 26.04.2015 г. (т. 3 л.д. 235-238) Б[redacted] уже стал указывать на Сивкова как на лицо, которое он опознал:

- «*по чертам лица, по губам, впалым щекам, худощавому лицу, темным волосам»;* Указав, что опознанный «*присутствовал в группе лиц состоящей из 5 человек, которые отнимали у меня деньги, данный молодой человек не давал мне отойти, он вместе с другими окружил меня. Именно он вместе ...с другими молодыми людьми обыскивал мою машину*»; то есть опять же Б[redacted] не было дано никакой конкретизации действий лица, в котором усмотрен Сивков, и тем более не имелось совпадения с теми приметами, которые ранее описывал Б[redacted].

Тем самым, выказываясь в приговоре о некоей *«степени детализации»*, суд противоречит объективным обстоятельствам, исследованным по делу. Соответственно, указание Б[redacted] на Сивкова, как на участника событий и произведенных в отношении потерпевшего действий, является свидетельством ошибочности Б[redacted] в своих предположениях относительно Сивкова, если не преднамеренным оговором.

Необходимо обратить внимание, что суд, излагая в приговоре мнение относительно проведенных с участием Б[redacted] опознаний, указывает, что *«внешность и приметы Шкаева потерпевший описал подробно»* (стр. 89 приговора, 5 абзац). Но не указывает в них фамилию Сивкова, и соответственно не связывает свои доводы с личностью Сивкова. Суд, на заявления стороны защиты о незаконности опознания Сивкова, не дает по этому поводу никаких суждений, опровергавших бы доводы защиты, чем фактически признал необъективность опознания Сивкова, однако несмотря на заявленное стороной защиты ходатайство об исключении данного опознания из числа доказательств, не принял законного решения о его исключении.

Ссылаясь на решения Конституционного Суда РФ, адвокат полагает нарушенным право Сивкова на защиту.

Указывает, что в соответствии с требованиями п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ с момента фактического задержания предусматривается обязательное участие защитника и Сивков имел право на оказание ему квалифицированной юридической помощи.

Согласно рапортам, представленным в т. 3 на л.д. 223 и т. 5 на л.д. 34, Сивков был фактически задержан в ходе обыска в его жилище 26.04.2015 года, после чего доставлен в здание ОП № 3 УМВД России по г. Архангельску. Однако в нарушение требований уголовно-процессуального закона защитник в производстве опознания не участвовал (т. 3, л.д. 235- 238).

Своеобразное жонглирование судом в приговоре термином «момент фактического задержания», правовое понятие которого изложено в пункте 15 ст. 5 УПК РФ, может свидетельствовать либо о недостаточной подготовленности суда к определению сути такого правового обстоятельства, либо о намеренном игнорировании судом требований закона в части обеспечения прав защиты.

То обстоятельство, что, как указано в приговоре, *«ни от кого из них* (Сивкова и Шкаева) *замечаний и возражений не поступило»*, как раз и свидетельствует именно о том, что Сивков, не обладающий юридическими познаниями, был лишен права воспользоваться услугами защитника и получить при производстве опознаний квалифицированную юридическую помощь.

Нарушения процессуального закона, аналогичные тем, которые имели место в случае с Б, были допущены при производстве опознаний подсудимых К и П Сторона защиты мотивированно оспаривала законность и объективность указанных следственных действий. И вопреки утверждению суда, проведенная процедура опознания не стала более законной от того, что суд решил не усмотреть нарушений.

Так в нарушение требований части второй статья 193 УПК РФ и вопреки мнению суда К и П не были предварительно, надлежащим образом допрошены *«о приметах и особенностях»* присущих исключительно Сивкову Егору Александровичу, г.р. и в их допросах нет сведений об индивидуальных особенностях, которые выделяли бы Сивкова из числа других лиц с подобными общефизическими и анатомическими признаками.

В допросе К от 11.06.2015 г. (т. 4, л.д. 18-21) указаны общие признаки: примерные возраст (25 лет), рост (175-180 см), телосложение (спортивное), этническая группа (европейского типа), лоб (среднего размера), глаза (средней ширины), нос (прямой среднего размера), губы (тонкие), щеки (среднего размера), скулы не выступают, волосы (короткие темные), уши (среднего размера). А также представлено частичное общее описание верхней одежды (темные спортивные брюки, темная куртка без капюшона, без шапки). Описание не имеет указания на конкретные индивидуальные приметы либо особенности, позволяющие отличить и идентифицировать именно Сивкова от любых иных лиц, имеющих схожий возраст, рост, телосложение, средние размеры лба, глаз, носа, щек, скул, ушей. Тем самым в допросе были определены лишь общие признаки.

При этом в качестве признаков, по которым произведено опознание Сивкова от 15.07.2015 г. (т. 4 л.д. 33-36), конкретные приметы К не указаны. В протоколе лишь имеется запись о том, что опознание было проведено «по чертам лица», что не позволяет идентифицировать Сивкова. И даже согласно показаниям, которые К дал в ходе очной ставки с Сивковым (т. 4 л.д. 41) К не смог конкретизировать действия, лишь указал, что он стоял рядом и тем самым не позволял убежать.

П в показаниях от 11.02.2016 г. (т. 4 л.д. 59-60) указала на наличие общих признаков внешности человека, действия которого приписываются Сивкову: приблизительный возраст (около 25 лет), приблизительный рост (средний, около 170-180 см), телосложение (среднее),

«немного оттопыренные уши», которые в общем она сама же определила, как «*лицо обыкновенного человека европейского типа».*

В показаниях указаны такие же общие приметы еще троих человек, а также заявлено, что видела еще одного мужчину «*...у дома № [redacted] корп. [redacted] по ул. Тимме, ... которого из-за темноты невозможно было разглядеть».* При этом, несмотря на то, что «*саму* машину *видно не было»*, в протокол допроса занесено *«...он там стоял рядом с* машиной*, на которой они приехали».* Приезжали ли на чем-то перечисляемые лица, а если приезжали — то на чем именно, П[redacted] видеть не могла и не видела, поскольку по ее же показаниям, на момент прибытия ее и К[redacted] к указанному дому, данные лица уже находились там и ожидали. То есть она рассказывает о событиях, которые плохо и неотчетливо представляет, то есть сообщает о событиях, которых не было в действительности.

При этом на опознание П[redacted] и К[redacted] были представлены только двое: Шкаев и Сивков. И спустя год после описываемых событий П[redacted] 24.02.2016 г. опознала одного из нападавших в Шкаеве по неким *«чертам лица»,* без конкретных примет и особенностей, которые позволяли идентифицировать как нападавшего именно Шкаева (т. 4 л.д. 63-64). И в тот же день, 24.02.2016 г. было проведено опознание Сивкова, которого П[redacted] также *«по чертам лица, форме ушей»,* каким-то образом опознала как еще одного из нападавших. При этом конкретные приметы и особенности *«черт лица»,* позволявшие бы индивидуально выделить Сивкова из числа иных лиц мужского пола, идентифицировать именно его, не описаны. А заявленная *«форма ушей»,* которой в действительности обладает Сивков, не совпадает и прямо противоречит описанным ранее П[redacted] признакам: *«немного оттопыренные уши».* При этом К[redacted] в первоначальном допросе, описывая приметы лица «2» (действия которого в последующем приписаны Сивкову), напротив, в качестве примет указывал, что *«уши не оттопырены»* (т. 4 л.д. 19).

Ошибочное указание суда на то, что якобы «*адвокаты сочли нарушенным право Сивкова и Шкаева на защиту, что, по их мнению, выразилось в отсутствии защитников, несмотря на их доставление для участия в данных следственных действиях сотрудниками полиции сразу после обысков в их жилище»* (стр. 99 приговора), свидетельствует об использовании судом в качестве обвинительных любых доводов, даже если они не соответствуют исследованным доказательствам, и намерении опровергнуть любые доводы защиты, даже те, которые в действительности защитой не выдвигались. Поскольку фактическое задержание Сивкова и Шкаева было произведено 26 апреля 2015 г. (т. 5 л.д. 34, т. 3 л.д. 223), а протоколы опознания их К[redacted] составлены 15 июля 2015 г. (т. 4 л.д. 33, 28) при участии адвокатов. И сторона защиты не заявляла ходатайство об исключении данных протоколов из числа доказательств.

П[redacted] в суде утверждала, что фамилии Сивкова и Шкаева ей стали известны лишь в момент опознания, которое, как уже указывалось, проводилось 24 февраля 2016 г. (т. 30 л.д. 26 оборотная сторона - 27). Что не соответствует действительности, поскольку еще ранее, на момент ее допроса, то есть 11.02.2016 года, она была признана потерпевшей. И в фабуле постановления о признании потерпевшей (т. т. 4 л.д. 57-58) в безапелляционной форме указаны фамилии и Сивкова и Шкаева как преступников: «*в один из дней февраля 2015 года Шкаев П.П., Сивков Е.А. и другие неустановленные следствием лица...*».

Ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства П[redacted] не смогла конкретизировать действия лица, в котором она опознала Сивкова. В судебном заседании было сказано, что наблюдала она это лицо не более 2 минут (т. 30 л.д. 27), а в протоколе допроса действиям этого лица была отведена всего одна фраза: *«...еще один молодой человек (назову под № 4) прошел мимо меня и подошел к Ю[redacted]...»* (т. 4 л.д. 60). Не могла назвать ни расстояние, с какого она наблюдала данное лицо, ни место, где оно располагалось, ни с какой стороны оно подошло (т. 30 л.д. 27). Но при этом указала, что все нападавшие подошли спереди, где уже стоял вышедший из машины К[redacted] тем самым опровергая свои же высказывания, что № 4 проходил мимо нее (т. 30 л.д. 27 оборотная сторона, стр. 1056 протокола).

По мнению адвоката, заявленное в суде высказывание П[redacted] *«...могу сказать, что заранее Сивкова я не видела, фотографию его мне не показывали и К[redacted] мне ничего не говорил...»* (т. 30, л.д. 24), еще до предварительного об этом вопроса, и еще при отсутствии высказывания на тот момент сомнений в достоверности опознания, было отрепетировано заранее, и как раз свидетельствует о постановочном характере произведенного по делу опознания, представленного в исследованном документе (т. 4 л.д. 65-66).

При этом в ходе судебного заседания Сивкова в лицо она не узнала, хотя с 26 февраля 2016 года, когда был составлен протокол опознания, ничего в личности Сивкова не изменилось, а П[redacted] якобы «опознала» ранее Сивкова именно по *«чертам лица и форме ушей»,* без какого-либо конкретного описания внешности и тем более — не конкретизируя — а какие же действия Сивковым выполнялись в этом случае.

Более того, в ходе допроса в судебном заседании, П[redacted] не указала на Сивкова как на лицо, не то, что раньше совершившее в отношении нее преступление, но и вообще — как на ранее встречавшееся. Завуалировано пояснив, что *«Сивкова я не помню»* (т. 30, л.д. 29 оборотная сторона, стр. 1058 протокола).

Аналогичным образом, по мнению защиты, допущены подтасовки и при формировании сведений для проведения опознания Киселевым, и проведения самой процедуры опознания.

Потерпевший К[redacted] в своих показаниях от 16.06.2015 г. (т. 4 л.д. 81-82) для всех четверых нападавших указывает общие внешние признаки, не содержащие индивидуальных примет или особенностей:
- № 1 приблизительный возраст 25-30 лет, приблизительный рост 175-180 см., строение лица худощавое, тон волос черные;
- №2 приблизительный возраст 25-30 лет, рост 170-175 см., телосложение среднее;
- № 3 возраст 25-30 лет, рост тот же, телосложение худощавое, волосы светлые;
- № 4 тот же возраст, тот же рост.

Тем не менее, по этим приметам были опознаны Шкаев и Сивков. В последующем под № 2 – Соколов, а под № 4 – Жексембаев, который вообще не вписывался в первоначальные описания, поскольку был самый высокий – 190 см. (т. 29 л.д. 6, стр. 512 протокола) и азиатской внешности. Для чего К[redacted] был спустя полгода передопрошен, и уже стал описывать внешние признаки № 4, про которого говорил первоначально, что вообще не помнит, тот стоял позади К[redacted], и К[redacted] его не видел. При этом Сивков представлен как № 3, который осматривал салон автомобиля. Т.е. Сивков, который в действительности по росту выше Шкаева (опознанного как № 1) и значительно выше Соколова (опознанного как № 2), но в первоначальных описаниях наоборот представлено, что № 1 (указано по опознанию на Шкаева) самый высокий, а № 3 (указано на Сивкова) и № 2 (указано на Соколова) одинакового роста. Так же получается, что опознанный как № 4 Жексембаев (190 см ростом), одного роста не только с Сивковым, но и с Соколовым. Что совершенно противоречит реальности. При этом у Сивкова не светлые волосы.

О том, что в качестве приметы, использованной для опознания К[redacted] Сивкова, было названо наличие капюшона, подтвердил в своих показаниях и участвовавший в процедуре в качестве статиста Б[redacted] допрошенный в судебном заседании (т. 31 л.д. 72 оборотная сторона, стр. 1644 протокола)). Однако в первоначальных описаниях К[redacted] никого капюшона не указывалось.

Следует отметить, что свидетель Б[redacted] который совместно с Б[redacted] участвовал в производстве опознаний Сивкова потерпевшими К[redacted] и К[redacted] указывал, что один раз опознание проводилось в положении стоя (свидетель Б[redacted] по этому поводу не смог дать исчерпывающие показания в виду запамятывания (т. 31 л.д. 74). При этом Б[redacted] определял свой рост как 170, а Б[redacted] как 183 см (т. 31 л.д. 73). Учитывая описания, которые давал К[redacted] по росту среди нападавших (170-175 см) из опознаваемых под такое описание подходил только статист Б[redacted]

Следует обратить особое внимание на то, что К[redacted] который ранее «безоговорочно» опознал Сивкова, в судебном заседании не смог его узнать и указать как на участника событий. При этом К[redacted] несмотря

на исключительно наводящие вопросы государственного обвинителя и прямое указание на Сивкова, как на объект, который интересует обвинение, заявлял, что «*остальных молодых людей я не знаю и не видел*» (т. 28 л.д. 239).

Доводы, которыми суд обосновывает достоверность опознаний, носят надуманный характер, и являются непоследовательными по сути.

Так, суд первоначально оправдывая ситуацию, при которой К в суде не смог указать и назвать ранее им запомнившегося до степени возможности безошибочного опознания Сивкова (стр. 114 приговора), видит причину в том, что «до начала судебного разбирательства прошло очень много времени (стр. 115 приговора».

Далее суд указывает, что «в соответствие с требованиями ч. 2 ст. 193 УПК РФ потерпевший К был предварительно допрошен … и о внешности лиц. Он достаточно подробно описал их приметы, исходя из его индивидуальных особенностей восприятия и памяти (стр. 115 приговора». При этом, не придавая значение, что все так называемое подробное описание свелось к перечислению общих признаков.

А в дальнейшем суд в приговоре указал, что, по его мнению, «*способность воспроизвести увиденное зависит не только от давности событий, но и от иных факторов и условий, а также от индивидуальных особенностей личности» (стр. 6 приговора).*

Тем самым, по логике суда, по событиям, случившимся 23 февраля 2015 года, первоначально К на момент допроса 16 июня 2015 года мог указать только про «худощавость» и тон волос двоих неизвестных, на момент опознания Шкаева и Сивкова 15 июля 2015 года так сильно «вспомнил» их остальные приметы, что смог отличить от схожих статистов, если следовать доводам того же суда, ссылающегося на показания понятого В и личное восприятие судом внешности статистов Б и Б (стр. 116 приговора). А на момент следующего допроса от 26 января 2016 года, то есть спустя почти год, К смог «вспомнить» уже не только третьего, но и даже четвертого, про которого ранее говорил, что его вообще не видел (т. 4 л.д. 107). Но при этом к судебному заседанию, состоявшемуся 5.12.2016 года, К смог вновь «забыть» как выгладит Сивков.

При этом, последовательно воплощая обвинительный уклон, как судебного разбирательства, так и вынесения приговора, суд не принял во внимание, что К наряду с заранее предполагаемым «узнаванием» в суде Соколова, Шкаева и Жексембаева, указал на Шагина, как на участника событий, поскольку К ранее предъявляли для «опознания» именно четверых лиц, которые должны являться виновными. Хотя внешне, и лицом и по комплекции, Сивков (худощавого телосложения, высокий) и Шагин (коренастый, невысокий) сильно различаются, что заметно невооруженным глазом.

А на такое фундаментальное противоречие, что невысокий, коренастый и широкоплечий Соколов, опознанный как № 3, и опознанный как № 4 Жексембаев, с рождения имеющий явную азиатскую внешность и обладавший на момент событий ростом 190 см (т. 29 л.д. 6 оборотная сторона, стр. протокола 512), ранее оба описывались К как лица одного роста 170-175 см, и без иных различий, суд тем более не обратил внимание. И суд не стал сомневаться в достоверности тех показаний К, которые использованы в приговоре для обоснования признания вины осужденных.

Причём, на вопросы защитников, К в судебном заседании не смог пояснить, кто из «узнанных» им в суде Соколов, Шкаев, Жексембаев и Шагин был им описан в допросе под номерами 1, 2, 3 или 4 (т. 29 л.д. 2, стр. протокола 503-504). В последующем уже в суде стал заявлять, что во время описываемых событий сначала к нему подошел Шкаев и попросил деньги, а Соколов никаких действий не совершал. При этом стал указывать, что под № 3 был Соколов. В то же время в протоколе допроса указывается, что именно № 3 осматривал его автомобиль. А в ходе опознания Сивкова указывал, что именно Сивков занимался осмотром автомобиля. При этом, как указано выше, Соколов настолько отличается от Сивкова, что невозможно их перепутать внешне.

Более того, в последующем в суде К пояснил, что внешность лиц, которых он указывал под номерами 1-4 он «*сейчас не помнит*» (т. 29 л.д. 8, оборотная сторона). Тем самым очевидно, что указание К на Соколова, Шкаева, Жексембаева, Шагина и затем на Сивкова, как на лиц, причастных к исследуемым событиям, и их повторное «узнавание» в суде носит предположительный характер, и не отвечает принципам объективности и достоверности, но незаконно использовалось судом в ходе процесса, и заложено в приговор в качестве некого подтверждения достоверности проведенных в ходе следствия опознаний.

Аналогичным образом допущены подтасовки при формировании сведений для проведения опознания Б и Т и проведения самой процедуры опознания.

В допросе Б от 01.03.2015 г. (т. 4 л.д. 215-218) при описании лица, действия которого приписываются Сивкову, указаны общие признаки: примерный возраст (20-25 лет), рост (170-175 см), телосложение (худощавое), этническая группа (славянская внешность), окружность лица (овальное), общая форма носа (острый), общий тип телосложения (худощавый). А также представлено частичное описание верхней одежды (болоньевая куртка до пояса с капюшоном, темные спортивные штаны, темные кроссовки). Тем самым в допросе были определены лишь общие признаки, которые по одному и в совокупности не позволяют идентифицировать конкретного человека, в том числе и Сивкова, описание не имеет указания на конкретные индивидуальные приметы либо особенности, позволяющие его отличить.

При этом, в качестве признаков, по которым произведено опознание от 26.04.2015 г. (т. 5 л.д. 37-40), конкретные приметы Б опять же не указаны, записаны наименование органов лица, нос (без конкретики), скулы (без конкретики), а также признаки, которые ранее не указывали (острый подбородок, маленькие губы), и которые также не позволяют идентифицировать Сивкова ни по отдельности, ни в совокупности с иными указанными в ряду лиц, имеющих похожие общие признаки внешности.

К тому же в ходе очной ставки Б никаких конкретных действий Сивкову не приписывается, кроме того, что именно он стоял возле подъезда, к нему подъехал Б, на его просьбу Б вышел из машины.

Допрошенная в качестве свидетеля Т, в показаниях от 02.03.2015 г. (т. 4 л.д. 233-235) указала на наличие общих признаков внешности человека, действия которого приписываются Сивкову: приблизительный возраст (около 20-25 лет), приблизительный рост (около 170-175 см), телосложение (худощавое), *«внешность славянская»*, лицо (овальное), нос (средних размеров), губы (средние). Таким образом, опознание также было проведено с нарушением указанных выше требований уголовно-процессуального закона.

В то же время, в соответствии с требованиями п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ с момента фактического задержания предусматривается обязательное участие защитника и Сивков имел право на оказание ему квалифицированной юридической помощи. Согласно рапортам, представленных в т. 3 л.д. 223 и в т. 5 на л.д. 34 Сивков был фактически задержан в ходе обыска в его жилище 26.04.2015 года, после чего доставлен в здание ОП № УМВД России по г. Архангельску. Однако в нарушение требований уголовно-процессуального закона защитник в производстве опознания не участвовал (т. 5 л.д. 41 44), и был допущен к Сивкову только с момента производства очной ставки с Т и Б (т. 5 л.д. 50-51 и 52-53 соответственно).

Перечисленные недостатки протоколов допроса и опознания, прямое нарушение требований УПК РФ при производстве указанных следственных действий, подтверждают мнение стороны защиты о постановочном характере опознаний. Когда тем или иным способом Б, а равно Б и Т были поставлены в условия заведомо необоснованно указать при опознании именно на Сивкова, а также именно на Шкаева среди других лиц. Причина, по которой суд в приговоре игнорирует правовое содержание термина «момент фактического задержания», изложенного в пункте 15 ст. 5 УПК РФ, безусловно указывает на незаконность постановленного приговора.

Имеются и другие обстоятельства, подтверждающие недостоверность опознаний, и наличие подтасовок, как при опознаниях, так и при допросах иных лиц по делу, в первую очередь свидетелей, допрошенных под псевдонимами.

В представленных по делу фототаблицах к опознанию осужденных свидетелем под псевдонимом «А[redacted]» в качестве опознающего везде был внесен некий «Т[redacted]», под данными которого по делу допрошен свидетель с указанным псевдонимом. Однако какой-либо «Т[redacted]» ни в каких опознаниях не участвовал, и у следователя естественно не имелось повода для опечатки при изготовлении фототаблиц к протоколу опознаний свидетелем под псевдонимом «А[redacted]».

Согласно протоколу предъявления для опознания фотографии от 28.12.2015 г. (т. 2 л.д. 170-172) свидетелю под псевдонимом «А[redacted]» представлялась фотография Ф[redacted] заявленного по приговору в качестве соисполнителя первых эпизодов «банды М[redacted]» одним из доказательств виновности осужденных.

Согласно справке к протоколу опознания, Ф[redacted] отображен на фото № 3 (т. 2 л.д. 173).

Однако согласно протоколу свидетель «А[redacted]» опознал Ф[redacted] в изображении на фото № 6.

При этом при допросах в ходе расследования и в суде свидетель «А[redacted]» ссылался на свою осведомленность ввиду того, что сам являлся охранником клуба и знал Ф[redacted] и других опознанных им лиц как таких же охранников.

При опознании 18 января 2016 г. с потерпевшим М[redacted] (т. 3 л.д. 79-81), то же лицо, которое в справке т. 2 л.д. 173 было обозначено на фотографии № 3 как Ф[redacted] внесено в указанный протокол также под № 3. Но в справке к протоколу указано, что Ф[redacted] является совершенно другое лицо, изображенное на фото № 6 (т. 3 л.д. 82).

При этом следователем в справке указано, что другие фото, в т.ч. и под № 3, т.е. та, которая ранее была изображением Ф[redacted] (т. 2 л.д. 173) к делу не имеет отношения.

М[redacted] на данном следственном действии опознал Ф[redacted] на фото № 6.

На следующий день 19.01.2016 г. проводилось опознание потерпевшим Г[redacted] (т. 1 л.д. 241-245), в ходе которого Г[redacted] то же лицо, (которое в справке т. 2 л.д. 173 было обозначено на фото № 3 как Ф[redacted]), внесено в протокол опознания также под № 3.

Но в справке к протоколу указано, что Ф[redacted] является совершенно другое лицо, которое изображено на фото № 6 (т. 1 л.д. 245). При этом следователем в справке указано, что другие фото данного протокола опознания, в т.ч. и под № 3, то есть та, которая ранее была изображением Ф[redacted] (т. 2 л.д. 173) к делу отношения не имеет. Г[redacted] опознал Ф[redacted] именно на фото № 6.

При опознании уже 12.05.2016 г., спустя почти 4 месяца, произведенным потерпевшим Л[redacted] (т. 3 л.д. 147-151), то же лицо

(которое в справке т. 2 л.д. 173 было обозначено на фото № 3 как Ф[redacted]) внесено в указанный протокол под № 3, вместе с фото № 2, которая в этот раз по справке следователя несет изображение Ф[redacted] (т. 3 л.д. 151_. Л[redacted] опознал Ф[redacted] именно на фото № 2. В тоже время следователем в справке указано, что другие фото, в том числе та, которая ранее была «Ф[redacted]» (т. 2 л.д. 173), к делу отношения не имеет.

Таким образом, по делу были представлены или опознаны совершенно различные три фото с изображением на них различных людей, но представленных именно как Ф[redacted] (свидетелем «А[redacted]» – фото № 3, ему же под № 3, М[redacted] Г[redacted] и Л[redacted] как Ф[redacted] на фото № 6).

При этом в материалах дела (т. 25 л.д. 105) имеется светокопия страницы паспорта Ф[redacted] с его фотографией. При сравнении можно определить внешнее сходство с той фотографией, изображение которой было опознано как Ф[redacted] М[redacted], Г[redacted] и Л[redacted]

Очевидно, что показания свидетеля «А[redacted]», опознавшего Ф[redacted] в совершенно постороннем человеке (т. 2 л.д. 171), но при этом утверждавшего, что знает всех осужденных, общался с ними, в том числе и с Ф[redacted], и за счет чего ему стали известны обстоятельства криминальной жизни осужденных, не являются достоверными.

Очевидно, что представление на опознание в качестве Ф[redacted] трех различных фотографий, все из которых, пусть в разной степени, обладают отличиями от фотографии Ф[redacted] в паспорте, давало основание провести тщательное разбирательство этих несоответствий, которые суд не устранил.

В судебном заседании сторона защиты трижды ходатайствовала о предъявлении свидетелю Г[redacted] который в 2012-2014 годах был охранником в клубе Империя» и прекрасно знает в лицо Ф[redacted] фототаблицу из т. 3 на л.д. 149 к протоколу опознания, чтобы Г[redacted] мог указать — действительно ли среди фотографий лиц, представленных на опознание, и в том числе одного опознанного как «Ф[redacted]», есть фотография с изображением Ф[redacted] На период ходатайства данный документ уже исследовался в судебном заседании от 28.11.2016 года и дважды предъявлялся для обозрения Л[redacted] (т. 28 л.д. 122, стр. протокола 243 и 251- 252). При аналогичных ситуациях судом давалось разрешение стороне обвинения на неоднократное предъявление для обозрения допрашиваемым лицам различных, в том числе составленных без их участия, протоколов процессуальных и следственных действий (к примеру, Т[redacted] - т. 29 л.д. 191 оборотная сторона, стр. протокола 882).

Однако суд, грубо нарушая процессуальные права стороны защиты и принципы равноправия сторон, трижды отказал в предъявлении указанного

документа свидетелю Г (т. 29 л.д. 165, 165 оборотная сторона и 166 оборотная сторона).

Сентенция суда о том, что «*утверждение защитника Армеева о принадлежности фотоизображения, по которому «А» опознал Ф, другому лицу, является голословной и опровергается не только показаниями «А», подтвердившего суду результаты опознания, но и самого Ф*..» (стр. 36 приговора), является профанацией исчерпывающих и мотивированных доводов, которые приводила со ссылкой на конкретные документы дела сторона защиты (т. 31 л.д. 192-193, стр. 1884-1885 протокола). И которые, по-видимому, суд первой инстанции не удосужился проверить или оценить надлежащим образом. Тогда бы суд сопоставил изложенное в приговоре с тем, что в суде свидетелю «А» не предъявлялись перечисленные документы на обозрение, в виду отсутствия самого «А» в зале суда, допрашиваемого в условиях отсутствия визуального контакта, а был только тезисно зачитан текст протокола. Что отражено и в протоколе судебного заседания (т. 29 л.д. 243). Вопросы о соответствии Ф изображению на фотографии свидетелю никем не задавались.

При этом суд высказал еще одно суждение, что «…ошибочное указание в справке следователя к фототаблице протокола опознания на другую фотографию, как на фотографию Ф, является технической опечаткой, не влияющей на допустимость и достоверность оспариваемого доказательства» (стр. 36 приговора). Как указано и приведено, в протоколе опознания находятся две фотографии, которые явно не Ф, одна из которых опознана свидетелем. Но на другой фотографии безусловно изображено лицо подросткового возраста. По мнению суда, именно этот подросток и является Ф При этом свидетель под роспись называет именно это лицо Ф что и зафиксировано в присутствии понятых.

Для суда апелляционной инстанции не составит затруднений сопоставить между собой фотографии с изображениями лиц, которые заявлены как «Ф», не только между собой, но и тем более с изображением фотографии Ф представленной в суд копии паспорта (т. 25 л.л. 105). Полагаю, что суд согласится с очевидностью того факта, что фотография подростка, который заявлен как «Ф», значительно отличается от изображения Ф на фотографии в паспорте.

При этом следует обратить внимание, что на период расследования «компетентные» органы как минимум обладали возможностью представить хотя бы ту фотографию Ф из Формы № 1 ПО, которая более близка по времени (паспорт выдан г.) к событиям 2012-2014 годов, в которых тот же Ф и участвовал.

Более того, по делу представлен файл, поименованный «» с

видеозаписью от 13.06.2014 года, запись которого осмотрена и приобщена к делу (т. 2 л.д. 18-20), сделаны скриншоты запечатленных субъектов, и они идентифицированы. Там на фотографии № 1 (т. 2 л.д. 21), сделанной с кадра по времени 17:40:51, изображен Ф[redacted] Личность Ф[redacted], запечатленная на данном скриншоте, безусловно не соответствует личности, изображенной на той фотографии, на которую свидетель «А[redacted]» указал как на «Ф[redacted]». Что нашло подтверждение и в других материалах дела. Более того, данный протокол опознания Ф[redacted] представлен в деле без фототаблицы, фиксирующей процесс опознания, в то время как все остальные подобные протоколы, выполненные от имени свидетеля под псевдонимом «А[redacted]», фототаблицы проведения опознания имеют. Что также подтверждает постановочный характер указанных следственных действий.

Возвращаясь к оценке показаний свидетеля под псевдонимом «А[redacted]», который 27.12.2016 г. в судебном заседании был допрошен по ходатайству обвинения. На первоначальные вопросы суда свидетель сразу заявил, что знаком со всеми подсудимыми, в том числе и с Сивковым, назвав его «Е[redacted]», фамилию которого, тем не менее, свидетель не знает. Пояснил, что знакомство с подсудимыми произошло в период с 2011 по 2014 год, не одновременно, потому, что часто посещал клуб «Империя», где все остальные подсудимые были охранниками.

При этом, согласно исследованным в суде письменным показаниям, составленным от имени свидетеля под псевдонимом «А[redacted]» (т. 2 л.д. 107-110) данный свидетель в утвердительной форме тоже относил Сивкова к числу охранников клуба «Империя». И свое информативное знакомство с Сивковым, равно как и с остальными охранниками, соотносил, в том числе со своей работой в данном клубе, и также — в качестве охранника, тем самым обосновывая полноту своих «познаний» в причастности осужденных к неким неназванным преступлениям и криминальным группировкам.

В судебном заседании, свидетель под псевдонимом «А[redacted]» уклонился от ответа на вопрос государственного обвинителя, почему он раньше указывал на Сивкова, как на охранника клуба «Империя», а в судебном заседании отказался от данного утверждения, поясняя, что Сивков охранником не работал (т 29 л.д. 243 оборотная сторона, стр. протокола 986). Очевидно, что допрашиваясь практически последним (за исключением свидетеля под псевдонимом «Т[redacted]») из числа «секретных» свидетелей, и в связи с фактическим опровержением на тот момент в суде причастности Сивкова к работе охраны клуба «Империя», голословные показания свидетеля под псевдонимом «А[redacted]» были вынужденно скорректированы в интересах «достоверности» обвинения. Подтверждением тому является и то обстоятельство, что на просьбу защиты конкретизировать, когда он видел Сивкова вместе с Соколовым, кто еще при этом присутствовал, когда он сам общался с Сивковым и

какие темы обсуждал, и о наличии у Сивкова оружия свидетель отвечал – «не помню» (т. 29 л.д. 244, стр. 245 протокола).

Суд такие явные противоречия оценил в выбранной изначально обвинительной манере – как «частичное изменение в суде своих первоначальных показаний», мотивировав совершенно абсурдными заявлениями о стремлении сохранить втайне сведения о своей личности. То есть, заявляя, что сам был охранником, этот свидетель как бы сохранял в тайне сведения о себе для охранников, с которыми тесно общался. Очевидно, что данный свидетель являлся вымышленным лицом и давал ложные показания.

Помимо всего свидетель «А» в суде пояснял, что видел общающимися за одним столом в клубе Сивкова и Ф что не имело место в действительности и опровергнуто судом.

Однако суд, «*признавая несостоятельными*» аналогичные показания свидетеля под псевдонимом «Т» (стр. 35 приговора, абзац второй), не находит оснований для признания несостоятельными указанных выше показаний свидетеля под псевдонимом «А». И тем более не соотносит их к иным показаниям данных «свидетелей», не производит их совместный анализ, напрямую указывающий на надуманность и недостоверность показаний данных «свидетелей» о совместном общении Сивкова с другими осужденными и причастности Сивкова к каким-то бандитским группировкам.

Помимо этого, суд признал несостоятельными (стр. 35 приговора) обстоятельства знакомства Сивкова и Ф выезды Сивкова на встречи с некими «криминальными группировками», высказывания при участии Сивкова предложений «Т» о совершении совместного вымогательства у сутенеров, как это указывается в приговоре со слов «Т». Однако в дальнейшем, проявляя непоследовательность, суд продолжает ссылаться на свидетелей под псевдонимами «Т» и «А», а также на свидетеля под псевдонимом «Ж», как на источники доказательства *«наблюдения Сивкова в компании остальных подсудимых в клубе «Империя»* и участия *«в деятельности банды Соколова»* (стр. 143 приговора, третий абзац).

Свидетель назвал Ф в качестве охранника, с которым общался, в том числе и в 2015 году. И именно Ф указан как информатор свидетеля о некоей причастности указываемых им лиц к преступной группировке, называемой «». При этом Ф по словам свидетеля, рассказывал о неких выездах на встречи - «стрелки», но никакой конкретики не пояснял, равно как не рассказывал о каких-либо преступлениях. В связи с чем, и сам свидетель не дал таких пояснений суду.

Тем не менее, свидетель заявил суду о наличии у Соколова какой-то своей преступной группировки, которая ездила на такие встречи. Хотя

указать в чем заключалась преступность, кто, куда и на какие встречи ездил, и какую-либо конкретную информацию, свидетель не смог.

Содержание исследованного в суде протокола допроса от 15.12.2015 г. (т. 2 л.д. 107-110) и ответы на последующие вопросы также указывают на недостоверность показаний свидетеля в целом, и на то, что в действительности данный свидетель не общался с осужденными, не обладал о них достоверной информации.

Так, приводя описание внешнего вида охранников клуба, среди которых заявлены и осужденные и иные допрошенные лица, свидетель указывал:

- в охране у Соколова работало не менее 30 человек, однако назвать кого-либо по именам, а тем более фамилиям, кроме подсудимых, и тех охранников, которые допрашивались по этому делу (Ф Г свидетель не смог;
- описать какие-либо приметы и особенности внешности охранников «П» и «Е» не смог;
- охранника «Р» описывает как человека «кавказской национальности».

Отвечая на вопросы в суде, свидетель указал, что клуб работал круглосуточно и охранники трудились в таком же режиме, что не соответствует действительности, и подтверждает, что свидетель не только не работал в клубе, но и не посещал его, а знает о нем лишь понаслышке.

В единственном допросе свидетеля под псевдонимом «А» (т. 2 л.д. 109) не были описаны приметы лица, поименованного им как «Е», указаны только примерный возраст (25-27 лет), приблизительные ростовые характеристики (180-185 см), окружность лица (овальное), тон волос (темные), общий тип телосложения (крепкого), которые не позволяют идентифицировать конкретного индивидуума. Данное описание не имеет указания на конкретные индивидуальные приметы либо иные признаки, позволяющие отличить и идентифицировать именно Сивкова от любых иных лиц, имеющих схожий возраст, рост, телосложение, тон волос.

Тем не менее, было проведено опознание свидетелем под псевдонимом «А» именно Сивкова (т. 2 л.д. 154-158). В протоколе указано, что свидетель опознал Сивкова Е.А. на фотографии № 1, плохого качества, о чем и указано в протоколе со слов опознающего. При этом в качестве признаков, по которым произведено опознание, конкретные приметы опять не указаны, записаны только наименование частей лица: губы (без конкретики), глаза (без конкретики), форма лица (без конкретики). Более того, все ранее описанные в протоколе допроса детали внешнего вида, кроме одного (тон волос) относятся к общим признакам строению тела. А опознание проводилось по фотографиям с изображениями лица. На фотографии отсутствуют внешние признаки строения тела. Но даже описанные общие признаки не совпадают с реальными внешними

признаками Сивкова: волосы не темные, а русые, телосложение не крепкое, а худощавое.

Более того, на фотографии под видом Сивкова помещена фотография, на которой изображен не Сивков (см. т. 12, л.д. 69, копия паспорта Сивкова), а неизвестный, имеющий внешнюю схожесть по форме лица и длине волос. О чем Сивков сообщил суду в ходе своего допроса. Однако судом в приговоре данное обстоятельство вообще никак не отражено и не опровергнуто.

О постановочном характере опознаний, в том числе с использованием фотографий, не относящихся к личности Сивкова, свидетельствует и тот факт, что свидетель под псевдонимом «А[redacted]», проводил опознание Сивкова не «в живую», а по фотографии. Хотя на момент составления протокола опознания (датирован 28.12.2015 года) Сивков уже более 8 месяцев содержался под стражей (с 26 апреля 2015 года).

При этом в суде свидетель прямо подтвердил, что давал ложные показания относительно ряда событий, в частности касающихся Сивкова. По этим ложным показаниям, в том числе, опознавалась фотография, которая была представлена как фотография Сивкова. Что в свою очередь также не позволяет суду использовать данный документ в качестве доказательств.

На необъективность и формальный, постановочный характер проведенных опознаний указывает и следующий момент. Внешность Жексембаева явно относится к азиатскому типу. До производства опознания свидетель «А[redacted] ни про какого человека, имеющего внешние признаки азиатского типа пояснений не давал, примет не описывал. Однако по делу было проведено опознание именно Жексембаева, при этом в протоколе даже не указаны приметы и внешние признаки, по которым Жексембаев мог быть опознан и опознан (т. 2 л.д. 166).

Заявляя о наличии некоего отдельного столика в клубе, за которым собирались исключительно только охранники (т. 29 л.д. 249, стр. 997 протокола), уже на вопросы следующего участника процесса стал заявлять, что за данным столиком могли находиться и иные лица (т. 29 л.д. 249, стр. 998 протокола).

Допрошенный в суде свидетель под псевдонимом «Жуков» также давал противоречивые показания. Заявил, что знаком со всеми подсудимыми, в том числе и Сивковым, указав на него как на охранника клуба «Империя» (т. 2 л.д. 85). Определил период, с которого он знает подсудимых - 2014-й год. В последующем свидетель стал пояснять, что Сивкова и Жексембаева знает уже с начала 2015 года. Сказал, что виделся с подсудимыми ежедневно. При этом указывал, что посещал заведение еженедельно, раза два в неделю.

В характеристике подсудимых, а также Ф использовал слово банда, но пояснить, что он под этим понимает не смог. Уточнил, что Ф, по его сведениям, в конце 2014 г. уехал в Москву.

В суде свидетель пояснил, что подсудимые ему знакомы, поскольку он присутствовал на какие-то встречах, где и общался. Также он рассуждал о том, что сам является членом преступной группировки «», ездил на встречи в г. Северодвинске, но конкретизировать смог только единственную встречу в кафе «У Михал Михалыча» летом 2014 года, на которой по его словам присутствовали все подсудимые.

Заявленное мнение о встрече в кафе «У Михал Михалыча» в г. Северодвинске летом 2014 года именно как о криминальной, ничем не обусловлено. На видеозаписи, о которой указывалось, зафиксировано появление в данном кафе только Соколова, Плугару, Г и Ф. Что и указано в протоколе ее осмотра (т. 2 л.д. 18-20). Больше никто из подсудимых в указанный период кафе не посещал. Видеозаписью, продолжительностью с 17 часов 23 минут до 18 часов 03 мин. не зафиксировано никаких действий или событий, имеющих признаки криминальных, равно как на записи не зафиксирован приезд значительного числа посетителей, тем более обладающих какими-то внешними признакам и принадлежности к преступным группировкам, с которыми могла произойти конфликтная ситуация.

Высказываясь про Сивкова, свидетель в разных показаниях пояснял, что видел того пару раз как посетителя клуба, и в тоже время, указывал на него как охранника. Пояснял, что даже состоял с ним в приятельских отношениях, но даже не мог назвать его номер телефона. Затем вообще стал заявлять, что видел Сивкова только один раз, когда тот с кем-то общался за столиком для охраны.

В исследованном протоколе допроса свидетеля «Ж» от 29.10.2015 г. (т. 2 л.д. 85-87) заявлено, что ему знаком человек по фамилии «Сивков», но не указывается никаких примет. Зато в последующих допросах, про него ничего не упоминается. А 15 февраля 2015 г. через два месяца в протоколе опознания с участием «Ж» по черно-белым фотографиям (т. 2 л.д. 200-203) свидетель его опознает по имени на фото № 1, но фамилия его ему неизвестна. При этом Сивков пояснил в суде, что на данной фотографии изображен не он.

Очевидно, что в случае пояснений свидетелем под псевдонимом «Ж» о реально известных ему, а не надуманных сведениях, данный свидетель не мог бы не знать на момент опознания 15 февраля 2016 года ту фамилию опознаваемого лица, которую он ранее (29.10.2015 года) уже как бы называл. И очевидно, что указанная ситуация, которая зафиксирована в показаниях от свидетеля под псевдонимом «Ж», появилась в результате того, что перечисленные показания

создавались искусственно, в ходе разных этапов предварительного расследования, и не отражает реальных, достоверных, обстоятельств.

И именно поэтому свидетель под псевдонимом «Ж[redacted]» не смог предоставить суду ни одного конкретного пояснения, ни по одному конкретному обстоятельству, событию, ни одной конкретной даты их совершения, ограничиваясь общими фразами и протокольными формулировками. Если первоначально свидетель под псевдонимом «Ж[redacted]» в судебном заседании заявлял, что Сивков, наравне с другими являлся охранником клуба «Империи», подчиненным Соколова, то на уточняющие вопросы стороны защиты, сказал, что видел Сивкова лишь в качестве посетителя (т. 29 л.д. 106 оборотная сторона, стр. протокола 712), и более того - по обстоятельствам каких-то преступлений он с Сивковым не общался, и видел его всего лишь «пару раз». Хотя посещал на тот период клуб «Империя» часто, не реже чем раз в неделю (т. 29 л.д. 97 оборотная сторона и 107).

Сторона защиты обоснованно указывала в ходе судебного разбирательства и в ходатайстве (т. 26 л.д. 193-194) и в прениях (т. 26 л.д. 229-245) на то, что в опознаниях, проведенных со свидетелем под псевдонимом «Ж[redacted]», в качестве понятых участвовали два сотрудника полиции Т[redacted] и Б[redacted] которые согласно содержанию протоколов от 15.02.2016 года, участвовали в проведении опознания по фотографиям Сивкова (т. 2 л.д. 200-203), Ф[redacted] (т. 2 л.д. 176-179), Плугару (т. 2 л.д. 180-183), Шкаева (т. 2 л.д. 184-187), Шагина (т. 2 л.д. 188-191), Жексембаева (т. 2 л.д. 192-195), Соколова (т. 2 л.д. 204-207). Те же два полицейских - понятых участвовали при опознании Ф[redacted] потерпевшим Л[redacted] (т. 3 л.д. 147- 151).

Судом в приговоре было принято законное решение об исключении указанных протоколов опознаний (но почему-то за исключением опознания Ф[redacted] (т. 2 л.д. 176- 179)) из числа доказательств (стр. 32 и стр. 75 приговора). Однако при этом суд необоснованно указал, что исключение указанных документов из числа доказательств, не ставит под сомнение показания секретных свидетелей и потерпевшего, уверенно «*узнавших*» каждого из подсудимых в судебном заседании (стр. 32-33, стр. 75 приговора).

По мнению адвоката, все проведенные по делу опознания были исключены приговором в том числе и по причине, что они носят явно постановочный характер. Этим и обуславливается привлечение в данных протоколах опознания в качестве понятых действующих сотрудников полиции Т[redacted] и Б[redacted] Очевидно, что их участие в опознаниях и обеспечило возможность проведения фиктивных опознаний.

Факт нарушения закона подтверждается и протоколом фиктивного опознания свидетелем «Ж[redacted]» в т. 2 на л.д. 176-179, не исключенным из числа доказательств.

Однако суд, указывая в приговоре на то, что данные документы исключены из числа доказательств, приводит в приговоре в качестве подтверждения виновности осужденных те обстоятельства, которые получены в результате противозаконного проведения данных, признанных незаконными, процессуальных действий. Тем самым суд продолжил фактически ссылаться и повсеместно использовать полученные при опознаниях сведения и вытекающие из них обстоятельства в обосновании причастности осужденных к инкриминированным им преступлениям. При этом используя в приговоре указание на новое процессуальное действие «узнал», применительно к потерпевшим и свидетелям.

Очевидно, что после проведения незаконных опознаний, когда свидетелем и потерпевшим предъявлялись фотографии или живые лица, не требуется повторного «узнавания». Фактически свидетелям и потерпевшим уже были представлены те лица, на которые надо было «указать», что и происходило в судебном заседании. Ни о каком «узнавании» лиц, ранее показанных в качестве виновных на незаконных опознаниях, речи идти не может. Действия и доводы суда в данном случае совершенно незаконны.

Более того, возник казус с тем, каким образом в суде свидетель под псевдонимом «Ж[redacted]» «узнал» осужденного Шагина. Если принять во внимание, что по закону опознание Шагина по фотографии от 15.02.2016 г. не проводилось (исключено из доказательств), то председательствующим в суде проведено самостоятельное опознание, которое является незаконным, поскольку в качестве опознаваемых были представлены только осужденные, находящиеся в закрытом отсеке помещения. При этом в допросах данного свидетеля от 29.10.2015 г. и 08.12.2015 г. указанный свидетель ни разу не называл, ни фамилии «Шагин», ни имени «Максим», не описывал никаких примет иного человека, который мог быть по делу Шагиным. Равно как и в последующем допросе от 31.05.2016 года свидетель также не дает никаких показаний ни о якобы опознанном им Шагине, ни о каком-либо Максиме, ни об ином человеке, которым мог быть Шагиным.

Определяя в суде Шагина непосредственно по фамилии «Шагин». данный свидетель в качестве источника, откуда ему стала известна и фамилия «Шагин», стал ссылаться на свой же допрос (т. 29 л.д. 102, стр. 703 протокола). Однако как уже отмечалось, в трех протоколах допроса свидетель «Ж[redacted]» не называл эту фамилию.

Приведенные факты свидетельствуют о незаконности приговора.

Свидетель под псевдонимом «Б[redacted]», проявляя познания в криминальной среде неких преступных группировок города, их организационной структуре, руководителях, совершаемых преступных действиях, ссылается на источники, которые назвать не может. При этом ни к одной из группировок он себя не причисляет, личное участие отрицает.

В качестве источника сведений, касающихся взаимоотношений охранников клуба он указывает Ф[redacted] но не может пояснить, когда последний раз с ним общался (т. 29 л.д. 182). При этом:
- после 2012 г. виделся с Ф[redacted] «пару раз всего» (т. 29 л.д. 182);
- создание банды им определено как первый квартал 2014 года;
- в клубе с 2012 г. уже не бывал;
- с Соколовым не общался с момента ухода последнего из «Рандеву» с 2012 г. (т. 29 л.д. 179).

Причастность Сивкова к охране клуба «Империя» и к какой-либо преступной деятельности свидетель не подтверждает. Более того, даже названных им в качестве знакомых Плугару и Шкаева видел вместе с Соколовым только в период работы в баре «Рандеву», то есть не позднее 2012 года. Соответственно, ни о каком совместном участии Соколова, Плугару, Шкаева, и тем более других осужденных, и вообще их участии в каких-либо криминальных структурах г. Архангельска, показания данного свидетеля не имеют объективной доказательственной силы. И тем более, если указанный «свидетель» не встречался и не общался с Соколовым с 2012 года, то Соколов никак не мог пояснять данному «свидетелю» о какой-либо своей криминальной деятельности, которая по приговору началась не ранее 2014 года.

Допрошенный по делу свидетель под псевдонимом «В[redacted]», также не подтверждает причастность Сивкова ни к охране клуба «Империя», ни к какой-либо преступной деятельности.

Более того, Сивков, который находился во время допроса свидетеля в зале суда, в специальном отсеке, указанному свидетелю не известен. Хотя свидетель пояснял, что являлся постоянным посетителем клуба «Империя» начиная с 2013 года и заканчивая 2015 годом. Заведение посещал часто, до момента 2016 года, когда подсудимых арестовали. Указывает на знакомство со всеми другими подсудимыми, а также Ф[redacted] которое произошло, по его словам, именно в клубе «Империя». При этом заявляет, что знаком со всеми именно с 2013 года, однако других охранников клуба и их количество назвать не смог.

Указывает, что общался с подсудимыми, и участвовал в обсуждении совершенных охранниками преступных действий, однако конкретизировать какие-либо действия или преступления не смог.

Свидетель под псевдонимом «Д[redacted]» высказывал осведомленность о деятельности Соколова, Плугару, Шкаева, Ф[redacted] и указывая, что даже ездил с ними на некие «криминальные встречи», на вопрос стороны защиты пояснить кто из них самый большой по комплекции не смог ничего пояснить. Называл себя членом группировки «[redacted]». Указывал, что посещал клуб «Империя», но не часто. При этом Сивков, который находился во время допроса свидетеля в зале суда, в специальном отсеке, указанному свидетелю не известен.

Показания данного свидетеля выглядят весьма странно, и также как у иных засекреченных свидетелей - непоследовательно. Ссылаясь на свою информированность, заявил, что у Соколова в группировке состояло 10-12 человек (то есть как минимум он встречался, и общался с 10-12 людьми в соответствующих условиях, позволяющих свидетелю как-то соотнести этих людей с некой «бандой»), при этом свидетель, по его словам, ездил с группировкой Соколова на криминальные встречи (как минимум 3-4). Однако из подсудимых знакомыми заявил только Соколова, Шкаева и Плугару, а также Ф (т. 29 л.д. 146).

Указывая на большую численность группы и совместные выезды на криминальные встречи, называет только один автомобиль – «Форд» Соколова. Давая пояснения про какие-то вымогательства со ссылкой на наличие травматического оружия и бейсбольных бит, ничего конкретного по этим обстоятельствам пояснить не смог. Все показания сводились к общим фразам – «я слышал», «мне рассказывали».

Свидетель «И» указал, что был знаком с Сивковым с 2012 г., а с Жексембаевым, Плугару и Шкаевым, которого не смог назвать по фамилии, с конца 2013-2014 гг. Перечисленных лиц встречал в клубе «Империя», «Рандеву» и других. Не являясь сотрудником клуба «Империя» часто его посещал. И по необъяснимой случайности он видел в конце марта 2014 года конфликт между охранниками и Г. В конфликте участвовал и Ф Всего было 6 человек, в том числе и Жексембаев. В то же время сам Г не называл весьма заметного и отличного по своей внешности Жексембаева в числе лиц, которые участвовали в конфликте с ним. Хотя Г тоже поразительно эффективно заметил и запомнил Шкаева, который якобы находился за спиной у Г Притом, что ни Шкаев, ни Жексембаев на тот момент не являлись охранниками клуба «Империя».

Также «И», наряду с другими «засекреченными» свидетелями, пояснял, что сам в 2014 и в 2015 годах принимал участие в неких частых встречах криминального характера, на которые, по словам «свидетеля», приезжали Соколов, Жексембаев, Федоров, Шкаев, но ничего конкретного по этому поводу свидетель не смог пояснить, и отказался по этому поводу отвечать на вопросы стороны защиты.

Свидетель под псевдонимом «Т» пояснил, что знаком со всеми подсудимыми, а также с Федоровым, с которыми совместно работал в клубе «Империя» в 2013-2014 годах. Сам пришел туда в конце 2013 года охранником, однако, свидетель — единственный из допрошенных по делу лиц называет не «клуб», а «бар» на всем протяжении допроса в суде.

Давая пояснения про общение с Ф, одновременно указал, что на сменах с ним не стоял, поскольку *«Ф был постоянно с Соколовым»*. Пояснил, что «банда», в которой участвовали все подсудимые, была организована Соколовым даже не в 2014, а уже в

середине 2013 года. Свидетель первоначально пояснял, что неоднократно ездил с группой Соколова на криминальные встречи в Северодвинск от имени Ш, хотя лично в группировку ни Ш, ни Соколова не входил (т. 30 л.д. 35 оборотная сторона, стр. 1070 протокола). При этом на последующие вопросы свидетель уже стал говорить, что ездил на криминальные встречи только один раз. Встреча была на пустыре под Северодвинском.

По его показаниям, Соколов на встречу приезжал на своем автомобиле ВАЗ (т. 30 л.д. 39, стр. 1075 протокола). Вместе с тем, представленными документами (карточкой учета транспортных средств – т. 10 л.д. 145, копией договора купли-продажи – т. 10 л.д. 146-149) установлено, что автомобиль «Форд Фокус» был приобретен, поставлен на учет и находился в пользовании Соколова не позднее января 2014 г. Автомобиль ВАЗ был приобретен 28 марта 2012 г. и продан, что свидетельствует о ложности показаний свидетеля.

Свидетель утверждает, что Сивков и Ф в один и тот же период времени работали в клубе «Империя», общались между собой. Выглядит неоправданным заявление суда о том, что данное утверждение «Т», а также указание свидетеля на участие Сивкова в неких совместных обсуждениях текущих вопросов группировки, и совместное участие во встречах с другими группировками, суд «*признает несостоятельными*» (стр. 35 приговора), но все остальные обстоятельства, излагаемые «секретным» свидетелем относительно Сивкова, суд не оценивает критически, в том числе совершенно неправдоподобное и голословное заявление что *«у Плугару, Ф, Шкаева и Сивкова» также были травматические пистолеты «ОСА» и «ПМ», которые те постоянно носили при себе в «Империи»»* (стр. 34 приговора). А также и другие указания на Сивкова, как на лицо, совершающее в присутствии «свидетеля» действия вместе с иными членами названной «банды».

В судебном заседании свидетель под псевдонимом «Т» отказался давать ответы на любые вопросы, тем более касающиеся выяснения обстоятельств причастности Сивкова к выполнению функций охранника клуба «Империя», и к какой-либо банде, ссылаясь на то, что «*это меня изобличит*» (т. 30 л.д. 42-43). Очевидно, что это надуманное обоснование использовалось исключительно для того, чтобы в ходе допроса не подтвердилось полное отсутствие в показаниях свидетеля конкретных обстоятельств, именно в виду того, что излагаемые свидетелем события в действительности не происходили, что он не был их участником и очевидцем, и не мог ничего конкретного рассказать и даже придумать по поводу выдуманных событий.

При этом более очевидных обстоятельств, чем излагаемое свидетелем участие в некоей «встрече» с» в г. Северодвинске, куда свидетель, по его словам, добирался вместе с Соколовым, Шкаевым, Сивковым, а также Ф и Плугару, то есть всемером на одной

автомашине ВАЗ-2110, для изобличения свидетеля придумать было сложнее. Однако высказывать такие показания свидетель в данном случае не побоялся, опять же очевидно по той причине, что они никак не могли раскрыть достоверные данные о таком свидетеле, поскольку этих событий в реальности не происходило, и свидетель не мог таким образом быть опознан.

Очевидно также, что настоятельное утверждение свидетелями под псевдонимом «А[redacted]», «Ж[redacted]» (т. 2 л.д. 86), «Т[redacted]», об участии Сивкова в работе клуба «Империя» в качестве охранника, участие Сивкова в описываемых «Т[redacted]м» (т. 30 л.д. 44), а также и свидетелем под псевдонимом «А[redacted]», совместных поездок с Ф[redacted] на некие криминальные встречи в г. Северодвинск, были привнесены в показания этих свидетелей с единственной целью — объединить Сивкова с инкриминируемой «бандой М[redacted]».

При этом следует обратить внимание, что опознание «Егора Сивкова», как некоего охранника клуба «Империя», свидетелем под псевдонимом «Т[redacted]», в отличие от всех остальных подобных свидетелей, вовсе не производилось.

При этом и в судебном заседании использовались сомнительные, с точки зрения обеспечения законности, методы допроса засекреченного свидетеля под псевдонимом «Т[redacted]». Так, при первоначальном указании свидетелем на осужденных, которые ему знакомы, он назвал лишь имя Шагина - «Максим» Но из числа лиц, которые не были названы по фамилии, суд предложил представиться только Жексембаеву (т. 3, л.д. 35). В ходе дальнейшего допроса фамилия «Шагин» ни разу не называлась, ни свидетелем, ни другими участниками судебного заседания. Однако в конце допроса, на вопрос государственного обвинителя «*о каком Максиме Вы говорили*?» свидетель сразу назвал фамилию Шагина, ранее ему неизвестную. На что обратил внимание Шагин. При этом разумных пояснений свидетель «Т[redacted]» дать не смог. Тем самым остался открытым вопрос: откуда и от кого, из каких источников, свидетель «Т[redacted]» смог узнать и назвать Шагина, которого не знал и не называл (т. 2 л.д. 199-205).

По мнению адвоката, очевидная противоречивость и непоследовательность показаний свидетелей под псевдонимами «А[redacted]». «Ж[redacted]», «Б[redacted]», «В[redacted]», «Д[redacted]» «И[redacted]», «Т[redacted]», составленных из общих фраз и не содержащих никакой конкретики по отдельным обстоятельствам, не дает оснований использовать данные показания в качестве доказательства вины подсудимых.

Анализ показаний, которые предоставлены указанными свидетелями под псевдонимами, еще раз указывает на то, что такого рода «секретные» свидетели представляют собой некую оперативную комбинацию, где от имени свидетелей под псевдонимами в дело процессуальным образом были оформлены, а после чего использованы судом в обвинительном приговоре, не соответствующие действительности показания, которые под предлогом невозможности «рассекречивания» существенно затрудняют возможность опровержения. Тем более в условиях, когда такие показания содержат только общие фразы, протокольные изречения и шаблонные выражения, не имеющие никакой конкретики.

Очевидно, что попытки обвинения связать Сивкова с работой в качестве охранника в клубе «Империя» путем представления в качестве доказательств показаний перечисленных «секретных» свидетелей, преследовали конкретные цели. Поскольку без этого связать Сивкова с обозначаемой «бандой М», в состав которой приписаны действовавшие в разное время охранники, объединенные одной надуманной, но общей целью, связанной также с обстоятельствами работы в клубе «Империя» (претензии к «сутенеру» Г), невозможно. Хотя очевидно, что Сивков никогда в клубе не работал, и даже не посещал.

При этом обстоятельство непричастности к клубу «Империя» и к лицам, входящим в состав охранников клуба, были подтверждены даже Ф. И это притом, что Ф заключившему досудебное соглашение, не имело никакого смысла выгораживать Сивкова. Вероятно, поскольку Ф после обнаружения, допрашивался в октябре 2016 года, когда уголовное дело в отношении Сивкова и остальных осужденных уже было отправлено в суд, у сотрудников следственного органа не имелось возможности как-то «подправить» в нужную сторону показания Ф. Совершенно очевидно, что именно по этой причине показания свидетелей под псевдонимом «Т» и «А» в чьих показаниях Сивков был заявлен как охранник клуба, пришлось изменять уже в ходе судебного разбирательства разными способами: одного путем изменения показаний самим свидетелем в суде по явно надуманным основаниям, другого – уже непосредственно в приговоре (стр. 35). Эти изменения свелись к тому, что Сивков перешел в их показаниях уже не в разряд охранников, а только посетителей клуба. Хотя другие секретные свидетели не указывали на него даже как посетителя, хотя сами себя называли частыми посетителями.

При этом в приговоре возникло существенное противоречие в оценке судом одних и тех же обстоятельств: с одной стороны показания свидетелей под псевдонимами «Т» и «А» о Сивкове как охраннике суд признал недостоверными. С другой стороны признал такие же показания свидетеля «Ж» как не имеющие противоречий, объективными, незаинтересованными, согласованно последовательными

(стр. 38). Что напрямую противоречит не только материалам дела, но и утверждениям самого суда.

В том и другом случае, несмотря на все противоречия, мягко названные судом как «частичные изменения», суд безосновательно использует эти, даже «измененные» показания в качестве доказательства причастности Сивкова к группе охранников клуба «Империя», наряду с надуманными сомнительными доводами, что Сивков увлекался боевыми искусствами, и также подрабатывал охранником в совершенно других заведениях и в годы студенчества (2011 год) несколько смен стоял в охране клуба «Луна» со Шкаевым, где они и познакомились. Других поводов, причислять Сивкова к клубу «Империя» или его охранником у суда не представилось.

При этом, объективных доказательств даже единичного посещения Сивковым клуба «Империя» по делу не представлено. По делу «Б[redacted]», «В[redacted]», «Д[redacted]н», «И[redacted]», несмотря на то, что каждый из них «убедительно» для суда заявлял частое постоянное, а в некоторых случаях - почти ежедневное, посещение клуба «Империя», с Сивковым не знакомы ни как с охранником, ни как с посетителем.

В соответствии с позицией Верховного Суда РФ приговор не может быть основан на показаниях свидетелей, которые допрашивались под псевдонимами. Однако обвинение Сивкова по статье 209 УК РФ о его причастности и участии в преступлениях в составе некоей «банды», основано именно на показаниях таких свидетелей.

Единственным работником клуба «Империя», который заявил, что видел «однажды» именно Сивкова в клубе «Империя», является представленный по делу стороной обвинения О[redacted] ни разу не допрошенный ранее по делу. О[redacted] заявил себя бывшим работником клуба «Империя», пояснив, что работал в период с 2013 по январь 2015 года официантом. При этом точные периоды своей работы в клубе пояснить не мог, документы, подтверждающие его работу в клубе, предоставлены суду не были, поскольку, по его словам, был трудоустроен неофициально.

Указывая на то, что ему знакомы все подсудимые, пояснил, что двоих знает охранниками, а троих - просто посетителями. Как на охранников свидетель указал на Шагина и Шкаева. Как посетители были названы Плугару, Жексембаев и Сивков.

При этом свидетель сказал, что видел Сивкова исключительно один раз (т. 31 л.д. 78 оборотная сторона, стр. 1656 протокола), с чем, кстати, согласился и суд, указав это обстоятельство в приговоре (стр. 25 приговора, абзац 4).

Однако суд, опять же, не обратил внимания на то, что в пояснениях свидетеля суду, Сивков и в этот раз общался с Ф[redacted] (т. 31 л.д. 80 оборотная сторона (1660), *«видел что он стоял общался с ним в том месте, где находится охрана. Как это было я не помню... Перед входом*

в клуб, на лестнице. Увидел и прошел дальше», а само это общение было летом (т. 31 л.д. 81 оборотная сторона, стр. 1662 протокола) 2014 года.

Очевидно, с учетом признанных судом обстоятельств (указанных выше), что такого события, когда в 2014 году Сивков мог бы общаться с Ф[redacted], быть не могло. Тем самым очевидно, что свидетель описывает обстоятельства, которые судом в показаниях свидетелей под псевдонимами «Ж[redacted]» и «Т[redacted]» признаны недостоверными.

При этом свидетель категорически уточнил, что Сивкова видел только один раз, а запомнился потому, что «на нем была одета запоминающаяся кофта синеватого цвета» (т. 31 л.д. 81). В тоже время свидетель не видел Сивкова в клубе, т.е. внутри залов, а исключительно на лестнице. Обстоятельства того, что свидетель единожды, случайно, кратковременно наблюдавший человека, стоявшего на лестнице перед входом в клуб летом 2014 года мог его так хорошо запомнить по «кофте синеватого цвета» чтобы потом без сомнений спустя почти три года узнать, увидев в зале суда, в специальном отсеке, одетого совершенно в другую одежду, является абсурдным.

Более того, по мнению стороны защиты, обстоятельства допроса свидетеля О[redacted] имеют признаки нарушения закона, поскольку показания О[redacted] по содержанию и описанию событий являются практически копией показаний засекреченного свидетеля «К[redacted]», ранее допрошенного по делу (т. 2 л.д. 120-122), что подтверждает и сходство начертания подписи (оригинальной О[redacted]– т. 27 л.д. 204, и росписью «К[redacted]» (т. 2 л.д. 120-122).

Согласно закону (ст. 166 УПК РФ), решение о засекречивании свидетеля и допросе его под псевдонимом, принимается следователем. После чего постановление и образец подписи лица, допрашиваемого под псевдонимом, помещается в отдельный конверт, который опечатывается. Тем самым допуск к конверту и его содержимому, а следовательно — к действительным данным допрошенного под псевдонимом лица, возможен либо председательствующим, при решении вопроса о допросе такого лица в суде и проверки подлинности его данных, либо после рассекречивания такого лица также в суде, при исчерпании оснований для засекречивания, с вынесением соответствующего постановления.

При этом следователем О[redacted] ранее по делу под своими истинными данными не допрашивался, в перечне свидетелей по делу он не значится. Ни государственный обвинитель, ни тем более суд по делу, находящемуся в производстве и на рассмотрении суда, не занимаются оперативно-розыскными мероприятиями по установлению новых лиц, показания которых могли бы являться доказательствами. Соответственно ситуация, когда государственный обвинитель оказалось знакома с личностью свидетеля, данные которого засекречены, и представила его в суд для допроса, имеет явные признаки грубого нарушения

законодательства. И к тому же нарушения прав стороны защиты, которая неоднократно заявляла ходатайства о рассекречивании свидетелей под псевдонимами и их гласном допросе в судебном заседании.

Полагаю, что суд апелляционной инстанции, которому предоставлен законный доступ к истинным данным допрошенных и не допрошенных свидетелей под псевдонимами, имеет возможность проверить и утвердиться в указанном нарушении, допущенном судом первой инстанции. При котором одно и то же лицо представляло по делу противоположные показания, т.е. в одном случае явно давало ложные показания. Учитывая, что при деле находится и протокол опознания «К[redacted]» по фотографии Сивкова, в ходе чего Сивков не был опознан (т. 2 л.д. 218-219), а в суде О[redacted] стал заявлять о знакомстве с Сивковым, очевидно, что в суде О[redacted] давал ложные показания.

Заявляет ходатайство в обозрении перечисленных документов (т. 2 л.д. 120-122, т. 27 л.д. 204 – постановление о засекречивании и образца подписи, т. 2 л.д. 218-219) в условиях соблюдения режима секретности (в совещательной комнате) в целях проверки доводов защиты.

Вызывает сомнение соблюдение законности судом при рассмотрении вопросов обоснованности применения и соблюдения порядка засекречивания свидетелей, разрешения ходатайств защиты о рассекречивании данных свидетелей и их гласном допросе.

Так, сторона защиты наряду с остальными свидетелями заявляла о рассекречивании свидетеля «В[redacted]», в чем было отказано. Позднее зашита на основании сведений, которые были оглашены председательствующим при разрешении ходатайства о рассекречивании, указывала на незаконность таких действий.

Данные доводы суд отверг, указав, что «доводы защитника Каршеновой В.А. о допросе свидетеля под псевдонимом «В[redacted] за день до принятия следователем П[redacted] решения о сохранении в тайне данных о личности этого свидетеля являются несостоятельными, так как не основаны на исследованных в судебном заседании материалах дела…» (т. 31 л.д. 123, стр. 1746 протокола).

Согласно данным, указанным в протоколе **единственного** допроса свидетеля под псевдонимом «В[redacted]» (т. 2 л.д. 83), на который ссылался и суд, указанное лицо было допрошено следователем П[redacted]. **28 октября 2015 года.** Согласно рапорту начальника МРО БОП Е[redacted]. (т. 2 л.д. 82) данный свидетель и доставлялся к следователю именно **28 октября 2015 года.** Но согласно «Постановления о допросе свидетеля без оглашения подлинных данных о его личности в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства», вынесенного председательствующим 14.12.2016 г. указано, что в конверте с данными о личности указанного свидетеля, который был вскрыт председательствующим в совещательной комнате, «*находится*

постановление следователя по особо важным делам СЧ СУ УМВД России по г. Архангельску П от 29 октября 2015года...» (т. 25 л.д. 129, оборотная сторона).

Тем самым самим председательствующим было подтверждено, что свидетель под псевдонимом «В» был допрошен ранее (28.10.2015 г.), чем следователем было принято решение о его засекречивании, выборе псевдонима и допросе под псевдонимом (29.10.2015 г.).

Очевидно, что судом допущено грубое нарушение процессуального закона при разрешении ходатайства стороны защиты, при этом сторона защиты намеренно вводилась в заблуждение относительно истинных обстоятельств, ставших председательствующему известными по делу.

Указанные сомнительные доводы о Сивкове, как о посетителе клуба «Империя» перечисленных свидетелей, нахождение самих в данном клубе ничем не подтверждено, опровергается показаниями тех свидетелей, которые действительно и бесспорно работали в клубе и посещали его.

Показания указанных выше свидетелей, относительно даже предполагаемого посещения Сивковым клуба «Империя», опровергаются также показаниями А и Г. В отношении Сивкова указанные свидетели, также, как и допрошенный по делу Ф, категорически отрицают, что он являлся охранником клуба «Империя», или приходил туда как посетитель. Сивков указанным свидетелям вообще не знаком. Также как не знаком он был до начала расследования дела и другим подсудимым, за исключением Шкаева, знакомство с которым было поверхностным.

Непричастность Сивкова к охране клуба «Империя» и, соответственно, его связь с кем-либо из охранников клуба, подтверждается и показаниями управляющего клубом Р который сказал, что Сивкова не знает.

А пояснила, что работала администратором клуба «Империя» на пр. Московском с 2010 по апрель 2015 года. И знает всех подсудимых, кроме Сивкова, поскольку они были охранниками, работали в разные периоды времени, не ранее 2012 года. Также ей известен в качестве охранника Ф, но тот ушел из охраны клуба еще в 2014 году, и Г, оба работали продолжительное время. Пояснила, что Шкаев, Плугару, Шагин и Жексембаев в клубе проработали меньше года. В ходе ответов дополнительно в качестве охранника назвала К Р К которых никто из свидетелей под псевдонимами назвать не смог.

Допрошенная по делу С которая в период с 2012 г. по май 2015 г. являлась заведующей производством ресторана и клуба, расположенных в одном здании один над другим, также отрицает появление Сивкова в клубе даже в качестве посетителя. Показательно, что при её допросе суд не попросил представиться и никак не

определил для внесения в протокол данные неузнанного молодого человека, сидящего рядом с Соколовым. При том, что в других случаях суд требовал назваться для протокола.

Показания работавших в клубе «Империя» официанта Т[redacted] и заведующей производством С[redacted], перечисливших известных им за разные годы сотрудников охраны клуба «Империя» суд привел в приговоре.

Однако, причисляя Сивкова также к некоей банде в составе обозначенных судом лиц, суд необоснованно не принял во внимание то, что среди перечисляемых лиц фамилия Сивкова не называется (стр. 24 приговора, абзац 2). При этом судом указанные показания Т[redacted] (стр. 25 приговора), администратора клуба А[redacted] (стр. 25 приговора, абзац 3),. признаны относимыми, допустимыми и согласующимися с показаниями иных свидетелей.

Перечень лиц, причастных к работе охраны или посещению клуба «Империя», заявлен в приговоре и в показаниях Р[redacted] (т. 2 л.д. 23-24), также признанных судом достоверными и принятыми за основу (стр. 26 приговора, последний абзац). Среди перечисленных лиц также не имеется ссылки на фамилию Сивкова вообще, и уж тем более как лица, состоявшего в служебной или иной связи с работниками и посетителями клуба (стр. 26 приговора абзац 1).

Как указано в приговоре по обстоятельствам событий февраля-марта 2015 года, которые инкриминированы Сивкову, судом в качестве мотива совершения указанных преступлений определено то, что поскольку в течение продолжительного периода времени никто из лиц, связанных с организацией занятия проституцией в г. Архангельске, не выполнил требований о ежемесячной выплате банде денежных средств, то Соколов не позднее 22 февраля 2015 года принял решение продолжить совершать вооружённые нападения на указанных лиц, чтобы принудить их выполнить ранее предъявленные требования, и, таким образом, получить контроль над вышеназванной незаконной деятельностью.

Суд бездоказательно, неприводя ни одного достоверного факта в подтверждение использованных в приговоре мотивировок, определил, что на тот период времени каким-то образом в состав обозначенной банды вошел Сивков, не указав, ни время, ни конкретных фактов начала общения.

Суд, усматривая какую-то взаимосвязь обстоятельств, связанных с Б[redacted], К[redacted] с П[redacted] К[redacted], Б[redacted], обосновал эти события, которые инкриминированы Сивкову, неким отказом определенного круга лиц выплачивать банде денежные средства. Вместе с тем, в приговоре не определены обстоятельства и критерии, которые позволили суду безоговорочно считать, что Б[redacted], К[redacted] и К[redacted] являются лицами, связанными с организацией занятия проституцией в г. Архангельске. По делу тем более не представлено

доказательств того, что ранее кто-либо из подсудимых предъявлял Б, К К требования о денежных выплатах некоей «банде» под руководством «М», высказывался о размерах и периодах этих выплат, условиях передачи денег и о возможных последствиях в случае неисполнения требований.

Ни Б, ни К ни К, не причисляли себя к организаторам незаконных интимных услуг. В приговоре самим судом, со ссылкой на показания указанных лиц, определено, что они подрабатывали частным извозом, в том числе в такси «Максим».

Равным образом сама П не причисляла себя к девушкам, оказывающим интимные услуги, и суд не привел в приговоре доказательств в опровержение ее категорических утверждений о том, что мотивом прибытия в указанный адрес (д. корп. по ул. Тимме в г. Архангельске) является поездка к своей знакомой, а не в качестве лица, оказывающего интимные услуги.

Следует заметить, что не причисляли себя к лицам, организующим и оказывающим услуги интимного характера, объявленные по делу сутенерами У и Л а также объявленная по делу в качестве такой девушки Ф признанные потерпевшими по эпизодам, не инкриминированным Сивкову.

Тем самым, никакой реальной взаимосвязи указанных событий, которые относятся к Б, К с П, или К, с обозначенными как первоначальные по приговору событиями, относящимися к Г, и неким лицам, заявленным по приговору как относящимся к предоставлению интимных услуг, кроме надуманных оснований, не имеется.

Более того, отсутствует реальная связь К со всеми остальными таксистами, которыми по делу проходят как потерпевшие, и заявлены в приговоре как участники предоставления интимных услуг. В ходе судебного заседания на вопросы стороны защиты К не смог назвать ни одного номера телефона или даже имени знакомых таксистов, к которым он себя причислял, кроме У (т. 29 л.д. 4). Помимо этого, К пояснил, что в кафе «Дружба» он никогда не бывал (т. 29 л.д. 4 оборотная сторона).

Как уже указывалось выше, согласно приговора в ночь на 22 февраля 2015 года неизвестные участники банды, а также Шкаев и Сивков, проследовали в предварительно подысканное для нападения место - во двор д. корп. по ул. Северодвинской в г. Архангельске, откуда, посредством мобильного телефона, специально подобранного для этой цели, связались по одному из заранее выясненных ими абонентских номеров, используемых для вызова девушек, занимающихся проституцией, с ранее незнакомым Б под видом клиента договорились о доставлении такой девушки к дому по вышеуказанному адресу. После чего около 02 часов 30 минут, когда Б подъехал, напали на него.

В ту же ночь, согласно приговору, сразу после нападения на Б, Шкаев, Сивков и иные участники банды проследовали в следующее подобранное для нападения место - во двор д. корп. по ул. Тимме в г. Архангельске, откуда, посредством того же мобильного телефона набрали еще один из выясненных ими заранее абонентских номеров, используемых для вызова девушек, занимающихся проституцией. Связавшись аналогичным способом с ранее незнакомым им К под видом клиента договорились о доставлении девушки к дому по вышеуказанному адресу. И напали на К около 2 часов 55 минут, когда тот подъехал.

Во всех случаях, по мнению суда, нападавшими использовались какие-то номера телефонов для звонков на известные им от Г или газеты «Северный Меркурий» номера как бы предоставляющих интимные услуги, которыми пользовались сутенеры из числа потерпевших.

Суд в приговоре неоднократно и бездоказательно в качестве причастности к деятельности по организации проституции того или иного абонентского номера, использование которого приписывается потерпевшим, ссылался на публикации рубрики, якобы подтверждающей, что данные номера относятся именно к организации так называемого досуга.

Однако указанного в приговоре номера -0640, который по приговору связан с заказом услуг проституток по эпизоду в отношении К среди опубликованных номеров нет. Равно как нет там и номера, который непосредственно зарегистрирован на К. Каким образом суд установил безусловное наличие связи между утраченной в 2009 г. свидетелем А( ) СИМ-карты номера 0640 и номера -7007 (-70-07) действительно опубликованного в газете, зарегистрированного на К не ясно. Тем более, что все заявленные в качестве «сутенеров» потерпевшие в первую очередь настаивали, что они занимались предоставлением услуг такси. К также настаивал, что «свой» абонентский номер 2107, он где-либо, кроме объявлений о продаже автомобиля, не размещал. Абонентский номер -14-07, заявленный в приговоре как номер «агентства интимных услуг», также отсутствует в перечне опубликованных в газете номеров. Также как нет публикации там номера телефона Б (0037).

По делу не представлено сведений, кто размещал в газете «Северный Меркурий» под рубрикой «+18» те телефонные номера, которые по приговору относились к организации и обеспечению интимных услуг, через которые исходя из приговора осуществлялся вызов проституток, чтобы сопоставить этот перечень с фамилиями заявленных потерпевших.

В свою очередь Г задолго до исследуемых событий передавал лишь выдуманные им самим номера телефонов, в газете «Северный Меркурий», которую суд указывает в качестве информационного

источника «банды» для выявления «сутенеров», а иных источников информации по делу не представлено. Очевидно, что изложенное в приговоре утверждение *«набрали еще один известный им абонентский номер»* является досужим домыслом.

Приговор, в качестве признаков, которые характеризуют подсудимых как «банду» выделяет наличие объединения, которое произошло на почве совместной деятельности по охране увеселительных заведений г. Архангельска. С точки зрения защиты, сам факт того, что подсудимые действительно выполняли в разные периоды функции контроля за соблюдением порядка в различных заведениях г. Архангельска, не является доказательством их какой-то совместной и преступной общности.

По делу фактически признано, что за исключением Сивкова функции охраны непосредственно в клубе «Империя» исполнялись подсудимыми, но в разные периоды времени с 2011 по 2015 гг. По делу не представлено бесспорных доказательств, что подсудимые осуществляли свою деятельность в клубе в одно и тоже время. Напротив, те свидетели, которые заявляли, что подсудимые работали в клубе, указывали, что начало и окончание этого периода у каждого было разным. Никто не мог конкретизировать точные периоды времени, никто не указывал на одновременность их работы.

Согласно приговору, Сивков, вступивший в банду не позднее февраля 2015 года, предоставил банде средства связи в виде мобильных телефонов и сим-карт операторов сотовой связи (стр. 6 приговора). Суд, указывая в приговоре данную сентенцию как доказательство участия Сивкова в банде, обязан был сопоставить имеющиеся по делу доказательства.

Вопреки необоснованным доводам суда, имевшиеся в пользовании Сивкова телефоны и сим-карты не были активны в инкриминируемый период. Доказательств того, что по делу установлены конкретные телефонные аппараты и сим-карты, принадлежащие Сивкову, которые использовались бы им для общении с другими осужденными (определенными судом как члены некоей банды), а тем более использовались непосредственно в подготовке и совершении инкриминированных Сивкову преступлений, не имеется.

Надуманной является представленная в приговоре мотивировка суда о том, что отсутствие по делу сведений о соединениях осужденных между собой свидетельствует об их конспирации (стр. 40 приговора). Тем самым в приговоре установлен новый правовой порядок: подтверждение любых, по усмотрению суда, обстоятельств самим отсутствием доказательств наличия этих обстоятельств. Тем самым суд первой инстанции не просто игнорирует требования ч. 4 ст. 302 УПК РФ, но вносит в данное положение закона противоположный юридический смысл, при котором доказательством является само отсутствие доказательств.

Несостоятельными являются доводы суда, на которых построено обоснование мотива объединения инкриминированной «банды» в виде наличия некоей корыстной цели. Указанный довод противоречит представленным по делу обстоятельствам. Если принимать во внимание те же инкриминируемые события, то малая периодичность преступлений, которые совершила указанная «банда» в целях получения постоянного дохода, не дает возможности достижения той корыстной цели, которая была определена в приговоре.

Так, в период действия «банды», который судом определен с первого квартала 2014 года до 1 марта 2015 года, то есть в пределах одного года, ее участникам по приговору приписывается три вымогательства (у Г М и С), не приведшие к «желаемому» согласно приговора результату — получения преступного дохода в какой - либо вещественной форме, а также пять разбойных нападений (на Л У Б, К и Б) и один грабеж (на К). При этом по приговору следует, что имелись периоды полного бездействия таковой «банды» в период с мая по август 2014 года и с сентября 2014 года по февраль 2015 года, в общей сложности порядка полугода отсутствия каких-либо действий.

За этот период, который определен судом, и по преступлениям, инкриминированным осужденным, заявленный корыстный криминальный доход «банды» составил:
- 9000 рублей - полученных от Л
- 3700 рублей - полученных от У;
- 7500 рублей - полученных от Б;
- 2000 рублей - полученных от К;
- 500 рублей - полученных от К;

Всего 22 700 рублей, ***«стабильного*** *преступного дохода* ***в течение длительного периода времени»*** (стр. 4 приговора), за весь годичный инкриминируемый период «существования банды». Очевидно, что такая мотивировка является нелепой тем более при условии, что некоторым допрошенным свидетелям под псевдонимами якобы за вступление в «банду» предлагали по 30 000 рублей ежемесячно. Очевидно нелепыми выглядят и показания Ф о том, что *«Соколов... контролировал «общаг»...»* (т. 29 л.д. 73, стр. 645 протокола), исходя из бессмысленности хранения такого «*общага*» в размере, не превышающем 22 тыс. 700 рублей. Безусловно надуманными являются и показания свидетелей под псевдонимами о том, что часть криминальных доходов банда делилась с криминальной группировкой «».

При этом, указанная периодичность совершения инкриминируемых действий объективно не позволяла добиться достижения и другой, заявленной в приговоре преступной цели – получение постоянного дохода от представителей мелкого бизнеса …в результате навязывания

криминального покровительства под предлогом обеспечения безопасности, а также от лиц, занимающихся организацией занятия проституцией.

Заявленное по делу поведение на месте преступлений тех лиц, которые согласно приговору являлись осужденные, никак не соответствует описываемой приговором подготовленности, сплоченности, вооруженности и физической подготовке. Тем более странно в этой связи выглядит описываемое в приговоре спешное покидание вооруженной многочисленной «бандой» места происшествия у дома [redacted] по ул. Стрелковая, после произведения Б[redacted] двух выстрелов свето-шумовыми зарядами.

Даже если принимать во внимание обстоятельства, которые одновременно инкриминированы Сивкову и Шкаеву, как реально совершенные указанными лицами, то суду не представлено ни одного доказательства, что указанные действия не являлись исключительно самостоятельными действиями Сивкова и Шкаева, и относятся именно к деятельности некоей «банды М[redacted]». По делу по данным эпизодам, которые совместно инкриминированы Сивкову и Шкаеву, никто из лиц «заключивших досудебное соглашение», либо допрошенных под псевдонимами, показаний, в том числе признательных, не давал. Ни каких объективных данных, указывающих и безусловно доказывающих, что инкриминированные Сивкову и Шкаеву действия обусловлены некими общими целями «банды», по делу не представлено. Соответственно бездоказательное отнесение судом указанных обстоятельств как совершенных Сивковым и Шкаевым в качестве членов «банды» и инкриминирование в этом случае ст. 209 УК РФ является незаконным.

Анализ представленных по делу доказательств указывает на наличие признаков манипуляций при формировании доказательств по делу, направленных на признание вины осужденных, и по другим эпизодам дела.

Так, возникают сомнения относительно законности того, как осуществлялся сбор доказательств по эпизоду с У[redacted] 27 сентября 2014 года. Очевидно, что если эти обстоятельства оперативные службы, а затем обвинение, связывают воедино с действиями в отношении сутенеров, а У[redacted] по их мнению, развозит девушек по адресам после поступления заказа на его телефон, то в деле такая взаимосвязь должна быть доказана.

При этом по делу было известно, каким номерами пользовался У[redacted]. Вместе с тем в данной части следствием допущены упущения.

Полагая приговор незаконным, положенные в его основу доказательства недопустимыми, считая, что вина Сивкова не доказана, адвокат просит об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение.

В возражениях на жалобы осужденных и их защитников государственный обвинитель Опякина Е.С., полагая несостоятельными их доводы, просит жалобы отклонить.

В письменных возражениях, именуемых дополнительной апелляционной жалобой, осужденный Шагин М.Н., фактически высказывает несогласие с возражениями гос.обвинителя и просит не принимать их во внимание, отклонить и удовлетворить жалобы всех осужденных и их защитников.

Осужденный Жексембаев в двух отзывах на возражения гос.обвинителя также просит не принимать их во внимание. Полагает, что приложенные к возражениям документы приобщению к делу не подлежат.

В отдельных заявлениях в адрес Верховного Суда Российской Федерации осужденные Шагин М.Н., Шкаев П.П., Сивков Е.А. вновь указывают на незаконность приговора и нарушения УПК РФ при производстве по делу.

Изучив уголовное дело, проверив доводы апелляционных представления, жалоб, дополнений, возражений, Судебная коллегия находит приговор, как в части оправдания, так и в части осуждения виновных, законным и обоснованным.

По каждому из эпизодов совершенных преступлений вина осужденных подтверждается совокупностью приведенных применительно к отдельному эпизоду доказательств.

По эпизоду вымогательства у Г вина Соколова, Шкаева и Плугару подтверждается показаниями потерпевшего Г свидетелей Я заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве Ф, А С, Г А сотрудника ФСБ Х, свидетеля под псевдонимом «И», протоколами опознания Г Соколова, Ф, Плугару и Шкаева, данными о телефонных соединениях Г материалами ОРМ, другими, приведенными в приговоре доказательствами.

Так, согласно показаниям Ф в марте 2014 года в клубе «Империя» Соколов предложил ему и Плугару взять под свой контроль сутенёров, собиравшихся в кафе «Дружба», так как те неплохо зарабатывают, а обращаться в правоохранительные органы не станут. Плугару знал одного из них – Г Между собой решили вызвать кого-нибудь из сутенёров в клуб и предъявить требование платить им за «крышу», которое тот должен будет довести до остальных

сутенёров. В случае наличия у последних «крыши», Соколов пообещал решить с ней все вопросы через правоохранительные органы.

В один из дней марта 2014 года, в ночное время, в клуб пришёл отдыхать парень по имени Р[redacted] который был связан с сутенёрами (Я[redacted] С последним спровоцировали конфликт, и тот вызвал на помощь Г[redacted] На лестничной площадке между 2 и 3 этажами состоялся разговор с Г[redacted], в ходе которого Соколов заявил, что теперь будет у Г[redacted] «крышей», сам Г[redacted] и остальные сутенёры из «Дружбы» должны будут платить им по 20 тыс. рублей в месяц, а если Г[redacted] откажется, то случится что-нибудь с ним самим или с его имуществом, ему сожгут машину. Разговаривал с Г[redacted] только Соколов, а он, Плугару, Шкаев, Шагин и Г[redacted] находились рядом, поддерживали Соколова и подтверждали его слова. При этом у него при себе, за поясом под футболкой, был газовый пистолет. Г[redacted] испугался, но уйти от них не мог, так как они его обступили, обещал подумать и дал им номер своего мобильного телефона. По указанию Соколова этот номер он записал себе. В ходе встречи Г[redacted] ссылался на покровительство некого «С[redacted]», который по информации Соколова имел отношение к правоохранительным органам.

Через несколько дней по указанию Соколова он назначил Г[redacted] встречу в кафе «Смак». По замыслу Соколова они должны были записать беседу с Г[redacted], передать запись в ФСБ, чтобы устранить «С[redacted]» и взять Г[redacted] под свою «крышу». На встречу приехали втроём: он, Соколов и Шагин, который, как они заранее договорились, остался на улице и обыскал Г[redacted] при входе. Беседу вёл Соколов, однако Г[redacted] так и не сказал, кому платит за криминальное покровительство, но пообещал составить для них список сутенёров. При этом никаких материальных требований последнему они не предъявляли, угроз не высказывали, так как не хотели, чтобы это было записано. Запись разговора Соколов передал в ФСБ. Позднее Г[redacted] действительно представил список с именами сутенёров, номерами их телефонов и машин кому-то из членов группировки, однако этим списком они не воспользовались, поскольку указанные там телефонные номера совпадали с номерами телефонов «досугов», указанных в газете «Северный Меркурий».

Ещё через несколько дней после встречи в кафе «Смак» по указанию Соколова они с Плугару поехали в кафе «Дружба», чтобы надавить на сутенёров и заставить тех платить. Соколов велел передать последним, что в противном случае у тех может сгореть имущество или что-нибудь случится со здоровьем. Свою машину он оставил у соседнего дома, сам остался на улице, а Плугару зашёл в кафе и вызвал Г[redacted] В ходе беседы он повторил Г[redacted] ранее озвученные требования об уплате каждым из сутенёров по 20 тыс. рублей ежемесячно и высказал те же угрозы. Плугару в разговоре не участвовал, но стоял рядом для поддержки. У обоих при себе были пистолеты, однако они их не

доставали. Г обещал подумать. Выходил ли кто-то ещё на улицу, он не помнит. После этого они вернулись в «Империю», где рассказали Соколову о результатах беседы.

Потерпевший Г подтвердил обстоятельства, при которых оказался в клубе «Империя», обстоятельства разговора в клубе, высказанные требования о выплате денег в указанном размере, характер высказанных угроз, детали встречи с Соколовым и Ф в кафе «Смак», встречу с Ф и Плугару в кафе «Дружба».

Сообщил, что после его отказа платить деньги произошло несколько нападений на знакомых ему таксистов: Л К К Б Б и У, возивших, как и он, девушек, занимавшихся проституцией.

Среди осужденных еще в ходе предварительного расследования Г уверенно опознал Соколова, Ф Плугару и Шкаева (т. 1 л.д. 225-227, 233-235, 241-245, т. 2 л.д. 1-3).

Обстоятельства проведения опознаний судом проверялись, доводы стороны защиты оценены. Как правильно установил суд, протоколы опознаний с участием потерпевшего Г составлены с соблюдением требований ст.ст. 166, 193 УПК РФ, содержат обязательные данные об участниках с указанием их процессуального статуса, о разъяснении им процессуальных прав и обязанностей, сведения о применённых технических средствах фиксации, условиях проведения, ходе и результатах опознания, а также объяснения опознающего, как о приметах, по которым он узнал представленных ему лиц, так и об обстоятельствах, при которых их наблюдал. При этом с результатами опознаний были ознакомлены все участники, удостоверили протоколы своими подписями, замечаний ни от кого не поступало.

Проанализировав эти и другие, приведенные в приговоре доказательства, мотивировав свои выводы, суд правильно установил виновность осужденных в вымогательстве у Г

Сопоставив статистические данные о телефонных соединениях Г с показаниями Я суд правильно уточнил время имевших место событий вымогательства у Г в клубе «Империя».

Как правильно установил суд, при появлении Г в клубе, охранники, в числе которых были Ф и Шкаев, узнав в нём сутенёра, сразу повели его к Соколову, при этом потеряли к Я, на помощь которому приехал потерпевший, всякий интерес. Во время разговора с Соколовым, они постоянно находились рядом, расположившись на лестнице таким образом, чтобы Г не мог от них уйти, поддерживали предъявленные Соколовым требования, высказывая в адрес потерпевшего такие же, как и Соколов, угрозы уничтожения и повреждения его имущества, применения физического насилия к нему и

его родственникам. Прекратили свои действия лишь после того, как Соколов дал указание Г отпустить.

Именно Соколов руководил действиями Ф, Шкаева и других охранников. Выступая в качестве лидера группы, он сформулировал и предъявил Г требования материального характера; обозначил периодичность и размер денежных платежей, которые тот с остальными лицами, связанными с незаконной деятельностью в сфере оказания интимных услуг, должны будут осуществлять в пользу возглавляемой им организованной группы; поручил Ф получать у Г деньги, решать с потерпевшим все текущие вопросы, о чём тут же поставил последнего в известность и велел тому предоставить Ф номер своего мобильного телефона для связи.

Предъявленные Г требования носили конкретный характер, сопровождались очевидными для него угрозами применения насилия, уничтожения и повреждения его имущества.

Поскольку в помещении клуба Г был окружён сразу несколькими физически крепкими охранниками, которые до этого применили насилие к Я действовали сообща, лишили его возможности покинуть клуб, располагали данными о его личности и имуществе, вели себя настойчиво и агрессивно, имели явного лидера, при этом позиционировали себя единой сплочённой группой, а у одного из них имелся пистолет, который Г увидел, в сложившейся обстановке у него действительно имелись все основания опасаться осуществления этих угроз.

Получив информацию, что незаконную деятельность лиц, занимающихся организацией занятия проституцией, контролирует начальник одного из с иловых подразделений правоохранительных органов по прозвищу «С», о котором, как показал сам Соколов, он уже слышал ранее, продолжая реализовывать совместный с остальными участниками банды преступный умысел, направленный на незаконное завладение денежными средствами Г и остальных лиц, занятых в осуществлении вышеназванной деятельности, Соколов принял меры к устранению возможных препятствий достижения поставленной перед бандой цели.

Будучи знакомым с сотрудником РУ ФСБ Х и достоверно зная о направлениях его деятельности, Соколов воспользовался этим в интересах возглавляемой им банды. Действуя согласно заранее разработанному плану, представил Х информацию о вышеназванном лице, которое, как считал, могло помешать ему и организованной им группе взять под свой контроль сферу оказания интимных услуг, тем самым инициировал проведение в отношении такого лица оперативно-розыскных мероприятий с целью изобличения и

последующего уголовного преследования, и принял в них непосредственное участие.

О том, что Соколов действовал таким образом исключительно в интересах организованной им группы, как правильно указал суд, свидетельствует тот факт, что о возможном использовании правоохранительных органов для устранения уже имеющейся у сутенёров «крыши» он сообщил Ф и Плугару ещё на стадии планирования преступления. Своё участие в негласном оперативно-розыскном мероприятии «наблюдение» с использованием аудиозаписи не только не скрывал от остальных соучастников, но и, более того, привлёк их к его организации и проведению: поручил Ф пригласить Г на встречу в кафе «Смак»; приехал туда вместе с последним и с Шагиным, который, согласно заранее распределённым ролям, обыскал Г на входе на предмет наличия записывающих устройств; разместив закамуфлированное записывающее устройство, вёл разговор в присутствии и при поддержке Ф тщательно избегая обсуждения обстоятельств предыдущей встречи, не упоминая ни о ранее выдвинутых Г требованиях, ни о высказанных при этом угрозах; сообщил Ф о передаче аудиозаписи состоявшейся с Г беседы в РУ ФСБ, при этом скрыл от Х истинные мотивы оказания такого содействия, тем самым ввёл последнего в заблуждение о фактической цели своего участия в указанном мероприятии.

Продолжая следовать разработанному плану, с целью оказания на Г и знакомых тому лиц психологического давления, Ф и Плугару по указанию Соколова проследовали в кафе «Дружба», где повторили Г ранее предъявленные материальные требования, настаивая на их выполнении, а в подтверждение серьёзности своих намерений вновь высказали угрозы применения к потерпевшему насилия, уничтожения и повреждения его имущества.

При этом доводы Плугару о том, что он случайно оказался в указанном месте лишь для того, чтобы помочь Ф организовать «корпоратив» опровергаются не только показаниями Ф но и характером их совместных действий, описанных как самим Плугару, так и очевидцами указанных событий: Г А, С.

Как следует из приведённых в приговоре доказательств, Ф и Плугару приехали к кафе «Дружба» вместе на одной автомашине в ночное время. Пока Ф ожидал на улице, именно Плугару пошёл в кафе за потерпевшим, поскольку был знаком с ним, но, в отличие от Ф, не принимал активного участия в предыдущих действиях членов группы, поэтому мог убедить Г выйти на улицу для разговора, не вызывая у того никаких опасений. Не обнаружив Г в кафе, Плугару пригласил на улицу А так как достоверно знал, что тот является знакомым потерпевшего. Предметно разговаривать

с А[redacted] а потом с Г[redacted] стал Ф[redacted], который по поручению Соколова контролировал выполнение выдвинутых Г[redacted] требований, участвовал во всех встречах с потерпевшим.

Во время повторного предъявления Г[redacted] требований о ежемесячной выплате банде по 20 тыс. рублей под угрозой применения насилия, уничтожения и повреждения имущества потерпевшего, как и при предъявлении таких же требований А[redacted] Плугару постоянно находился рядом с Ф[redacted], тем самым своим присутствием поддерживал действия последнего. При этом по показаниям Ф[redacted] они оба были вооружены. Ни Г[redacted], ни А[redacted] не сомневались, что Плугару и Ф[redacted] действуют сообща. Совершив указанные действия, они вместе покинули место происшествия.

Поскольку вновь предъявленные ими требования были аналогичны ранее выдвинутым Соколовым, адресованы тем же лицам и сопровождались одинаковыми по своему характеру угрозами, они являлись продолжением ранее начатых преступных действий.

Таким образом, все совершённые Соколовым, Плугару, Шкаевым и иными участниками организованной группы действия были последовательны, направлены на достижение общей цели – завладение денежными средствами потерпевшего, а, следовательно, охватывались их единым умыслом.

Роль каждого из осужденных судом установлена правильно, на основе совокупности исследованных доказательств.

Вопреки доводам стороны защиты, Г[redacted] не указывал о непричастности Шкаева и Плугару.

Их роль, конкретные действия установлены не только на основе показаний Г[redacted] но и с учетом показаний Ф[redacted] и «И[redacted]», чьи показания судом правильно приняты во внимание, поскольку они согласовывались с другими доказательствами.

Приведенная в приговоре квалификация действий Соколова, Шкаева и Плугару по данному эпизоду соответствует установленным фактическим обстоятельствам.

По эпизоду вымогательства у М[redacted] вина Соколова, Плугару, Шагина подтверждается показаниями Шагина в ходе предварительного расследования, потерпевшего М[redacted], свидетелей К[redacted] М[redacted], заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве Ф[redacted] данными о телефонных соединениях, протоколом опознания Ф[redacted] потерпевшим М[redacted], другими, приведенными в приговоре доказательствами.

Так, согласно показаниям М[redacted] он совместно с родителями владел автомойкой «Автолюкс», расположенной в г. Архангельске по адресу:

ул. Гайдара, д. [redacted] строение [redacted], и работал в ней администратором. В ночь на 11 мая 2014 года, отдыхая в клубе «Империя», он сильно опьянел, вследствие чего один из охранников попросил его покинуть заведение. Следуя к выходу, он раздал нескольким охранникам визитки своей автомойки, пояснил, что является её владельцем и пригласил её посетить. Тогда один из них предложил ему вернуться в зал, а спустя некоторое время подошёл и сказал, что с ним хотят поговорить. Охранник провёл его к столу, за которым сидел незнакомый молодой человек. Последний представился А[redacted], показав его визитку, поинтересовался, действительно ли он является владельцем автомойки, а затем сказал: «У нас большой коллектив, давай с нами!». В этот момент к ним присел ещё один парень – Плугару Ян, который спросил, с кем он работает, предложил сотрудничать. Он понял, что ему предлагают так называемую «крышу», ответил, что она у него уже есть, его бизнес семейный и ему надо посоветоваться с родителями. Плугару пообещал решить все вопросы с его «крышей», велел подумать и дал номер своего телефона.

На следующий день от знакомого, работавшего ранее в «Империи», он узнал, что А[redacted] является начальником охраны, которого все называют «М[redacted]».

13 мая 2014 года, около 18 часов к нему на работу пришёл Плугару с ранее незнакомым Ф[redacted] которого он в дальнейшем опознал по фотографии. Плугару напомнил про сделанное ранее предложение, разъяснив, что покровительство с их стороны будет заключаться в решении любых возникающих проблем и конфликтов, в том числе с клиентами автомойки и правоохранительными органами, за что он должен будет платить по 10 тыс. рублей ежемесячно. Деньги пойдут в г. Северодвинск одному «вору из [redacted]», на которого те работают. Он сослался на отсутствие денег. Тогда Плугару пообещал направлять ему клиентов и дать 3-4 месяца на развитие автомойки. В это время Ф[redacted], который стоял рядом, задрав футболку, продемонстрировал торчащую из-за пояса рукоять пистолета и пояснил, что пока они разговаривают с ним спокойно, но могут и по-другому. Он испугался, воспринял это как угрозу своей жизни и здоровью, понял, что эти люди могут причинить вред ему самому и его имуществу, поэтому не стал отказываться от криминального покровительства, но попросил дать время на обсуждение с родителями.

О случившемся он рассказал отчиму – К[redacted] а тот предложил обратиться с заявлением в полицию, сотрудники которой попросили назначить Плугару встречу в автомойке.

19 мая 2014 года около 19 часов Плугару пришёл к нему, но уже с другим парнем - Шагиным, поинтересовался, принимает ли он их предложение, ссылаясь на наличие связей, как в криминальных кругах, так и в правоохранительных органах, вновь разъяснил, в чём будет заключаться их «сотрудничество». После очередного вопроса о том, будет

ли он платить, Плугару извлёк из своей сумочки пистолет, а Шагин заявил при этом, что они действительно могут решить любые проблемы, предложил работать с ними. В сложившейся ситуации он испугался за свою жизнь и здоровье, поскольку не знал, чего можно ожидать от этих людей, но отказался от их предложения, так как понимал, что рядом находятся сотрудники полиции. По выходу из автомойки Плугару и Шагина задержали.

Таким же образом действия Плугару и Шагина потерпевший М[redacted] описал при очных ставках с ними (т. 3 л.д. 87-89, 90-93), а в ходе опознания уверенно указал на фото с изображением Ф[redacted], пояснив, что именно Ф[redacted] 13 мая 2014 года приезжал к нему вместе с Плугару требовать деньги за «крышу», демонстрировал пистолет и заявил о готовности разговаривать с ним «по-другому» (т. 3 л.д. 79-82).

Изложенные М[redacted] обстоятельства вымогательства подтвердил и Ф[redacted]

Шагин в ходе предварительного расследования признавал вину в вымогательстве у М[redacted] подтверждал, что требования передачи денег в размере 10 тыс. руб. высказывал Плугару, свое участие в этом (т. 11 л.д. 18-19).

Проанализировав эти и другие приведенные в приговоре доказательства по данному эпизоду, суд правильно установил фактические обстоятельства и вину осужденных.

Выводы суда об этом сделаны на основе не только показаний Ф[redacted], достоверность которых оспаривается в жалобах, а на основе совокупности всех доказательств.

Ссылки Шагина на непричастность, что он случайно оказался вместе с Плугару у М[redacted], участия в разговоре не принимал и о его характере не знал, Плугару – на отсутствие каких-либо угроз, являются несостоятельными.

Так, из показаний потерпевшего, других приведенных по данному эпизоду доказательств, следует, что оба действовали совместно, суть предъявляемых Плугару к потерпевшему требований Шагину была понятна, он их поддерживал.

Еще при первой встрече предъявляемые требования об уплате денег сопровождались демонстрацией Ф[redacted] пистолета, обозначающей фактически возможность его применения в случае отказа М[redacted].

При второй встрече М[redacted] с Шагиным и Плугару последний также при выяснении согласия потерпевшего о выплате денег демонстративно достал из сумочки пистолет, оказывая психологическое воздействие.

Наличие определенных противоречий в части отсутствия в первоначальных показаниях сведений о демонстрации Ф[redacted] и Плугару оружия, подробного описания характера их действий, действий Шагина при посещении автомойки, потерпевший М[redacted] убедительно объяснил в судебном заседании. Его объяснения являются обоснованными.

Показания М[redacted] с учетом дополнений объективно согласуются с другими доказательствами, в том числе и с показаниями Ф[redacted] в связи с чем, правильно признаны достоверными. При этом М[redacted] подтвердил, что своему отчиму К[redacted] он рассказывал и об угрозах, описание которых содержится в показаниях К[redacted]. Содержание приведенных в приговоре его показаний соответствует протоколу судебного заседания.

Вопреки доводам жалоб оснований недоверять показаниям Ф[redacted] у суда не имелось, доводы стороны защиты в этой части также проверены и оценены, выводы изложены в приговоре и являются правильными.

Согласно материалам дела, уголовное дело в отношении Ф[redacted] было выделено из настоящего уголовного дела в связи с его розыском. В ноябре 2016 года Ф[redacted] был задержан. Расследование по его делу продолжалось, в связи с чем, оснований для соединения дел в одно производство, на что обращает внимание Плугару, у суда не имелось.

В судебном заседании по настоящему делу Ф[redacted] уточнил, что в рамках своего уголовного дела он заключил соглашение о сотрудничестве, в связи с этим ему были разъяснены положения ч. 4 ст. 56 УПК РФ, положения ст. 51 Конституции РФ. Разъяснены последствия нарушения условий соглашения о сотрудничестве (т. 29 л.д. 70).

О том, что Ф[redacted] было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, свидетельствует и приговор в отношении него.

Таким образом, процессуальные требования закона соблюдены и оснований для признания недопустимым доказательством его показаний не имеется.

Ссылки Плугару на неподготовленность стороны защиты к допросу Ф[redacted] несостоятельны.

Допрос Ф[redacted] стороной обвинения проводился 8 декабря 2016 г. По окончании допроса гос. обвинителем заявлено ходатайство о приобщении к материалам настоящего уголовного дела копий протоколов допросов Ф[redacted] из материалов его уголовного дела и имеющих отношение к предъявленному осужденным обвинению.

Для ознакомления стороны защиты с содержанием протоколов допросов Ф[redacted] был объявлен перерыв, защите была предоставлена возможность ознакомиться с их содержанием.

После продолжения судебного заседания, будучи ознакомленными с содержанием протоколов допросов Ф его допрос уже продолжила сторона защиты (т. 29 л.д. 70-92).

В этой связи ссылки Плугару на ограничения прав защиты при допросе Ф являются несостоятельными.

Доводы Плугару о случайном нахождении при себе в момент задержания пистолета, проверялись судом первой инстанции и обоснованно отвергнуты как противоречащие установленным обстоятельствам дела.

При этом, задержание Плугару было обусловлено именно его участием в вымогательстве у М произведено непосредственно после этого, о чем, несмотря на заявления Плугару, имеется ссылка в соответствующем рапорте оперуполномоченного ОБОП УУР К (т. 3 л.д. 60).

Препятствий, в том числе процессуального характера, для осуществления уголовного преследования в отношения Плугару и его осуждения по факту вымогательства у М не имеется.

Как следует из материалов дела, заявление о вымогательстве в отношении М было подано К и зарегистрировано 19 мая 2014 года, регистрационный номер от 19.05.2014 г. (т. 3 л.д. 56).

Постановлением участкового уполномоченного полиции отдела полиции № (по обслуживанию Октябрьского округа г. Архангельска) УМВД России по г. Архангельску Г от 29 мая 2014 г. отказано в возбуждении уголовного дела по сообщению о совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 119 и 163 УК РФ, по основаниям п. 1 части 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием события преступления (т. 3 л.д. 68).

Однако постановлением заместителя прокурора г. Архангельска от 15 января 2016 года вышеуказанное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменено, постановление направлено для дополнительной проверки и решении вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ (т. 3 л.д. 70).

Ошибочное указание во вводной части постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и постановлении зам. прокурора должностного лица, принявшего решение об отказе в возбуждении уголовного дела (участкового уполномоченного полиции ОП № УМВД России по г. Архангельску капитана полиции К вместо Г подписавшего постановление) не влияет на суть принятого как в первом случае, так и зам.прокурора, решения. Из содержания обоих процессуальных документов следует, что в них речь

идет о заявлении К в отношении Плугару Я.В. и по факту совершения им вымогательства в отношении М

В дальнейшем постановлением соответствующего должностного лица от 17 января 2016 года по факту вымогательства у М было возбуждено уголовное дело (т. 1 л.д. 102-107).

В этой связи ссылки Плугару на наличие в деле неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту вымогательства у М опровергаются материалами дела.

Таким образом, доводы стороны защиты о незаконности осуждения Плугару и Шагина за вымогательство у М являются несостоятельными.

Как правильно установил суд, узнав, что М является владельцем автомойки, Плугару сообщил об этом Соколову и представил тому потерпевшего для определения перспективы вымогательства у М денежных средств. К началу беседы с потерпевшим его визитка уже находилась у Соколова, а Плугару, который присоединился к разговору, не только демонстрировал свою осведомлённость об обсуждаемой Соколовым теме и характере сделанных потерпевшему предложений, но и поддерживал их.

Получив от потерпевшего интересующие сведения, Соколов и Плугару под предлогом долговременного сотрудничества стали настойчиво предлагать М услуги охраны его предпринимательской деятельности, в которых он не нуждался. Несмотря на его возражения и упоминание об уже имеющейся «крыше», пояснили, что в дальнейшем он будет работать с ними, пообещали продолжить разговор уже в автомойке, то есть фактически стали навязывать ему криминальное покровительство.

При этом инициативой в беседе владел именно Соколов, который сам выяснял, кто является владельцем мойки, контролирует её работу, после чего озвучил потерпевшему предложение работать с ними, представляясь лидером «большого коллектива», способного оказывать обещанное покровительство.

О том, что М были понятны как суть сделанного предложения, так и серьёзность намерений осужденных, свидетельствует тот факт, что он сразу, несмотря на ночное время, сообщил о состоявшемся разговоре своему отчиму.

После этого Соколов, обсудив с Плугару и Ф сумму ежемесячных платежей, принял решение предъявить М требование об их уплате и дал им указание проследовать с этой целью в автомойку.

Дальнейшие действия Плугару и Ф являлись последовательными и согласованными, что указывает на их предварительное планирование с распределением преступных ролей. Они

заранее вооружились пистолетами, о чём, как следует из показаний Ф[redacted] каждому из них было достоверно известно, вместе приехали в автомойку. Разговаривал с М[redacted] и предъявлял тому требование о ежемесячной передаче по 10 тыс. рублей именно Плугару, с которым потерпевший уже был знаком, а Ф[redacted] оказывал тому поддержку, находясь рядом. Поскольку М[redacted], несмотря на разъяснения Плугару относительно их принадлежности к авторитетной преступной группировке, высказанные угрозы уничтожения и повреждения его имущества, уклонился от ответа, стал просить время подумать, Ф[redacted], демонстрируя серьёзность намерений, подкрепил выдвинутое ими требование демонстрацией своего оружия – пистолета, который держал за поясом, тем самым обозначил возможность его применения в случае неподчинения, и сам сказал об этом потерпевшему.

Такие агрессивные действия М[redacted] обоснованно воспринял как реальную угрозу применения к нему насилия, поскольку находился с Плугару и Ф[redacted] наедине, в замкнутом пространстве, воспринимал их как представителей преступной группы.

О результатах беседы Ф[redacted] и Плугару сообщили Соколову, который подтвердил им намерение продолжить начатые преступные действия, предложил повторить М[redacted] их требования через несколько дней.

Тот факт, что М[redacted] первым позвонил Плугару, чтобы договориться о новой встрече, на юридическую оценку действий осужденных, не влияет.

Более того, ещё при посещении М[redacted] 13 мая 2014 года Плугару и Ф[redacted] чётко дали понять, что придут к нему снова. Именно поэтому, испугавшись угроз применения насилия, уничтожения и повреждения его имущества, потерпевший в тот же день сообщил о случившемся К[redacted] а затем обратился с последним в полицию.

Следуя указанию Соколова, Плугару и Шагин продолжили реализацию единого преступного умысла, направленного на завладение денежными средствами М[redacted] и были задержаны.

Действия Соколова, Плугару и Шагина по данному эпизоду также квалифицированы правильно.

По эпизоду разбойного нападения на Л[redacted] и Ф[redacted] вина Соколова, Шкаева подтверждается показаниями Ф[redacted], потерпевших Л[redacted] и Ф[redacted], а также, данными, содержащимися в оглашенных и исследованных материалах дела.

Так, согласно показаниям Ф[redacted], выждав время после задержания Плугару и Шагина сотрудниками полиции, в конце лета 2014 года они решили продолжить вымогать деньги у сутенёров. При обсуждении в клубе «Империя», на котором присутствовали он, Соколов, Шкаев, Г[redacted]

Шагин и И[redacted], Соколов предложил «бомбить» сутенёров до тех пор, пока те не станут им платить, и разработал общий план преступления. Согласно плану кто-то из них, используя телефон, зарегистрированный на постороннего человека, должен был позвонить по одному из номеров агентств «досуга», указанных в газете «Северный Меркурий», заказать проститутку в заранее выбранное ими место, а когда ту привезёт сутенёр, вооружившись травматическими пистолетами, напасть и отобрать у последнего деньги.

Действуя согласно плану, в один из дней в конце лета 2014 года, в ночное время он, Соколов, Шкаев и Г[redacted] проследовали пешком из клуба «Империя» к расположенному неподалёку дому [redacted] по ул. Стрелковой, откуда Г[redacted] используя телефон с сим-картой, оформленной на постороннего человека, позвонил в «досуг» по одному из указанных в названной газете номеров и заказал девушку-проститутку. Газету «Северный Меркурий» кто-то из них заранее взял из почтового ящика. Все были вооружены пистолетами и имели рации. Шкаев остался встречать сутенёра у подъезда названного дома, а остальные разошлись и спрятались. Когда подъехала черная «Волга» с девушкой на переднем пассажирском сиденье, Шкаев подошёл к водителю-сутенёру, попросил того выйти из машины. Последний подчинился. В это время он и остальные также подошли к машине, встали вокруг сутенёра, к которому Шкаев приставил свой пистолет «ОСА», кто-то из них потребовал деньги. Кто именно, он не помнит. Затем он сел на водительское сиденье, и, удерживая в правой руке свой пистолет, обыскал салон автомобиля, однако денег там не нашёл. Пистолет у него видела девушка, которая оставалась в машине. Как узнал позднее, пока он находился в машине, сутенёр, испугавшись, отдал около 10 тыс. рублей. Прежде чем уйти, кто-то из них сказал последнему фразу типа: «Ты понял, из-за чего тебя ограбили?», - чтобы намекнуть на необходимость выполнения всеми сутенёрам их требований платить по 20 тыс. рублей в месяц с каждого, переданных ранее через Г[redacted]. С места преступления они вернулись в клуб «Империя», деньги поделили.

Потерпевшие Л[redacted] и Ф[redacted] в целом подтвердили обстоятельства нападения на них.

Дополнение своих первоначальных показаний, данных на стадии предварительного следствия, потерпевший Л[redacted] объяснил поэтапным восстановлением в памяти произошедших событий, при этом выразил уверенность в том, что с учётом всех ранее сообщённых сведений, которые он поддерживает в полном объёме, в судебном заседании восстановил картину более полно и точно.

В ходе осмотра места происшествия Л[redacted] уверенно продемонстрировал, где именно у [redacted] подъезд д. [redacted] по ул. Стрелковой его ожидал один из нападавших, откуда появились остальные лица, а также в каком месте произошло нападение (т. 3 л.д. 99-102). При этом уточнил в

суде, что двор, где на него напали, является тупиковым, поэтому возможность уехать от молодых людей у него отсутствовала.

Ознакомившись с изображением травматического пистолета «Лидер», запечатлённым на копии Интернет-страницы сайта «[redacted]» (т. 6 л.д. 32), потерпевший подтвердил, что именно такое оружие наблюдал в руках у Ф[redacted]. Пистолет Шкаева он не разглядел.

При опознании Л[redacted] и Ф[redacted] уверенно указали на Шкаева как на одного из участвовавших в нападении лиц (3 л.д. 123-124, 140-143). При этом вопреки доводам адвоката Васильева О.М., как следует из соответствующих протоколов, и Ф[redacted], и Л[redacted] до начала опознания Шкаева под роспись предупреждались об ответственности по ст.ст. 307 и 308 УК РФ.

Обстоятельства проведения опознания подтвердили понятые Б[redacted] и К[redacted], а также участвовавшие статисты Л[redacted].

Отрицание потерпевшими своей причастности к незаконной деятельности в сфере оказания интимных услуг, а равно утверждение Ф[redacted] в суде об иной причине поездки (ехала к другу), как и её отказ назвать такую причину в ходе предварительного следствия со ссылкой на положения ст. 51 Конституции РФ, то, что она себя потерпевшей не считает, на что ссылается сторона защиты в обоснование недоказанности вины Шкаева, факт совершения нападения на них при изложенных в приговоре обстоятельствах, законность признания Ф[redacted] потерпевшей в ходе расследования по делу, сомнений не вызывает.

Проверив и оценив доказательства по данному эпизоду суд правильно установил, что Л[redacted] оказался с Ф[redacted] в месте нападения в результате тщательно спланированных действий участников организованной группы, целью которых являлось завладение его денежными средствами, чтобы склонить его самого и остальных лиц, занятых в сфере оказания услуг интимного характера в г. Архангельске, ежемесячно платить им за возможность продолжать заниматься такой деятельностью.

Поскольку именно Л[redacted] привёз Ф[redacted] по их вызову, у них имелись все основания полагать, что он имеет непосредственное отношение к организации занятия проституцией.

Участники нападения вооружились находившимися в арсенале банды пистолетами, заранее приготовили рации и незарегистрированный на них мобильный телефон. Местом нападения определили расположенный неподалёку от клуба «Империя» двор д. [redacted] по ул. Стрелковой, поскольку он

имел единственный проезд, что исключало возможность потерпевшего скрыться от них на автомобиле. Действовали в ночное время во избежание быть замеченными посторонними.

Заказав указанным выше способом девушку-проститутку, участники группы стали ожидать, когда её привезёт сутенёр. При этом Шкаев остался у подъезда дома под видом заказчика, а остальные спрятались во дворе таким образом, чтобы потерпевший их не заметил, тем самым обеспечили внезапность нападения.

Когда Л[redacted] подъехал к подъезду, они одновременно со Шкаевым проследовали к машине, где напали на потерпевших, действуя агрессивно и согласованно.

Под угрозой проломить голову, то есть применения насилия, опасного для жизни и здоровья, Шкаев заставил Л[redacted] выйти из автомашины. В свою очередь Ф[redacted], удерживая в руке пистолет, тем самым демонстрируя его потерпевшим с целью подавления возможного сопротивления с их стороны, тут же сел на водительское место и обыскал салон автомашины, где находилась Ф[redacted], в поисках денежных средств. Не обнаружив их самостоятельно, продолжая демонстрировать пистолет, потребовал у Ф[redacted] сказать, где они спрятаны, после чего стал требовать их у Л[redacted] направив на того ствол пистолета, при этом находился в непосредственной близости от потерпевшего.

В это время один из соучастников предъявлял аналогичные требования Ф[redacted]

В ходе всего нападения Шкаев с остальными нападавшими продолжал удерживать Л[redacted] возле машины, окружив его с разных сторон, повторил выдвинутое требование, демонстрируя потерпевшему свой пистолет, который удерживал в руке. После чего двое других участников схватили Л[redacted] за руки, а третий сам проверил карманы его одежды, откуда забрал все имевшиеся у потерпевшего деньги в сумме 9 000 рублей.

Прежде чем покинуть место происшествия, Шкаев сам объяснил Л[redacted] причину, по которой на него напали, предупредил, что нападения продолжатся в случае невыполнения теми, кто развозит проституток, требований о выплате денег за «крышу» «М[redacted]», назвал клуб «Империя» на пр. Московском, где их можно найти.

Названное прозвище принадлежит Соколову, что ни он сам, ни остальные не отрицали.

С учетом установленных фактических обстоятельств судом дана правильная юридическая оценка действиям осужденных по данному эпизоду.

По эпизоду нападения на У вина Соколова подтверждается показаниями Ф, потерпевшего У свидетелей Е, а также оглашенными и исследованными материалами дела.

Так, согласно показаниям У он неофициально занимался частным извозом на своей автомашине «Шкода-Октавия» белого цвета, в том числе развозил девушек, занимавшихся проституцией, по заказам, которые принимал по телефону либо от них самих, либо от агентств, оказывающих такие услуги. Приняв один из таких заказов в ночное время 27 сентября 2014 года, он привёз двух девушек-проституток к последнему подъезду д. корп. по пр. Ленинградскому в г. Архангельске. Там к его автомобилю подошли 5-6 молодых людей, один из которых - Ф - знакомый ему как охранник клуба «Империя», предложил выйти из автомашины поговорить. Когда он это сделал, молодые люди обступили его и в грубой нецензурной форме стали требовать деньги, при этом Ф приподнял свою куртку и показал торчащий из-за пояса пистолет, который удерживал рукой за рукоять. Второй парень, находившийся в непосредственной близости, также достал пистолет и, направив ему в грудь, велел доставать деньги побыстрее. В это время третий стоял рядом, чтобы он не мог убежать, а остальные – преграждали путь ему и автомашине. Он понял, что молодые люди его окружили, настроены решительно, готовы применить любое насилие, использовать оружие, поэтому, испугавшись за свою жизнь и здоровье, передал им все свои деньги в сумме 3 700 рублей. Пересчитав их на месте, нападавшие скрылись. Пока он передавал деньги, кто-то из них обыскал его автомашину. Во время инцидента девушки убежали. Лиц нападавших, за исключением Ф он не разглядел. На место происшествия сразу же вызвал полицию, однако проверку просил не проводить, так как побоялся мести со стороны нападавших.

В 2013-2014 годах он часто видел Ф в клубе «Империя», когда отдыхал там. От последнего узнал, что старшим у охранников являлся Соколов Андрей по прозвищу «М».

Позднее Л рассказал об аналогичном нападении, совершённом на того приблизительно за месяц до указанных событий. А весной 2014 года Г сообщал ему и другим водителям такси, собиравшимся в кафе «Дружба», о требованиях охранников клуба «Империя» платить тем деньги за «крышу» под угрозой совершения нападений на водителей. Однако никто из них платить охранникам не стал. После этого произошли нападения и на других знакомых ему водителей: К, К, Б, Б.

Ф в своих показаниях, уменьшая свою роль в содеянном в силу знакомства с У в целом подтвердил обстоятельства нападения, участие в нем Соколова, Шкаева и других лиц, наличие у

себя самого и у Шкаева пистолетов, угрозы Шкаева травматическим пистолетом «ОСА».

Отрицание Ф собственных активных действий при нападении, выразившихся в предъявлении потерпевшему требований выйти из машины, отдать деньги, демонстрации своего оружия, не влияет на достоверность его показаний в целом, а преуменьшение своей роли и степени участия, как правильно указал суд, обусловлено его личным знакомством с У и желанием таким образом смягчить свою роль перед У

В остальной части показания Ф согласуются с другими доказательствами, в связи с чем, обоснованно приняты судом во внимание.

Алиби Соколова судом проверялось. Обоснованные выводы суда о несостоятельности таких доводов с приведением мотивов принятого решения, которые Судебная коллегия находит убедительными, содержатся в приговоре.

Как установил суд, Соколов и остальные соучастники, входившие в возглавляемую им организованную группу, предварительно согласовали свои действия по реализации разработанного Соколовым плана, который уже был применён ими ранее при нападении на Л и Ф

Выбранное для нападения место находилось в том же районе, что и клуб «Империя», было хорошо знакомо Соколову, поскольку он проживал в соседнем доме, а потому был осведомлён о прилегающей к дому территории, знал пути проезда, где оставить автомашину и ожидать потерпевшего, каким образом быстро и незаметно скрыться.

О том, что целью нападения являлось завладение денежными средствами одного из сутенёров, чтобы напугать и заставить остальных лиц, занимающихся незаконной деятельностью в сфере оказания интимных услуг, выполнить их требование о ежемесячной выплате денежных средств банде, участниками которой они являлись, свидетельствует характер действий нападавших, направленных на её достижение.

Проследовав к заранее определённому месту нападения, один из них, используя мобильный телефон с сим-картой, оформленной на постороннее лицо, позвонил по размещённому в газете «Северный Меркурий» телефонному номеру агентства, предоставляющего такие услуги, и заказал девушку-проститутку, которую попросил подвезти к дому по вышеуказанному адресу.

Потерпевший У подтвердил, что он, как и остальные знакомые, собиравшиеся у кафе «Дружба», действительно развозил девушек-проституток. Ранее привлекался за это к административной ответственности. Заказы принимал по телефону, в том числе через

агентства «досуга», а при вышеизложенных обстоятельствах выполнял один из таких заказов.

Таким образом, у Соколова и остальных участников нападения имелись все основания полагать, что лицо, доставившее девушку-проститутку, имеет непосредственное отношение к той деятельности, в связи с которой они ранее предъявляли через Г требование о ежемесячном предоставлении им денежных средств за возможность её беспрепятственно продолжать, то есть за своё криминальное покровительство.

Характер и степень согласованности последующих действий соучастников, также указывают на реализацию ими единого преступного умысла, направленного на достижение вышеназванной цели.

Дождавшись прибытия У, используя фактор неожиданности, они совместно напали на него: одновременно проследовали к его автомашине и расположились возле неё таким образом, чтобы У не смог от них уехать, заставили его выйти из салона на улицу, где совместно потребовали отдать все денежные средства. При этом с целью подавления воли потерпевшего к сопротивлению Ф, демонстрируя готовность применить оружие, показал У находившийся за поясом пистолет, демонстративно взявшись за рукоятку, а другой соучастник – Шкаев – навёл ещё один пистолет непосредственно на потерпевшего, находясь при этом в непосредственной близости от последнего, тем самым применил оружие. Одновременно остальные соучастники продолжали удерживать его на месте, один из которых обыскал салон его автомашины.

Учитывая количество нападавших, которые окружили его, лишив возможности покинуть место происшествия, агрессивность их поведения, наличие у них оружия, которое У оценивал как боевое, всерьёз опасаясь, что в него станут стрелять, вышеописанные действия, он обоснованно воспринял как реальную угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья, поэтому, не сопротивляясь, отдал нападавшим свои денежные средства в сумме 3 700 рублей, которые те совместно открыто похитили, а в последующем распорядились ими по своему усмотрению.

Тем самым участники группы достигли поставленной цели – не только завладели деньгами, но и напугали У, который рассказал о нападении своим знакомым, занимавшимся аналогичной деятельностью, в числе которых были Б, Л К, К, Б, Я, Г

Факт не привлечения Шкаева к ответственности по данному эпизоду с учетом требований ст. 252 УПК РФ не подвергает сомнению, как

достоверность показаний потерпевшего, так и выводы суда о виновности Соколова.

Приведенная в приговоре юридическая оценка действиям Соколова является соответствует установленным фактическим обстоятельствам дела.

По эпизоду нападения на Б в ночь на 22 февраля 2015 года вина Соколова, Шкаева, Сивкова подтверждается показаниями потерпевшего Б, протоколами опознания Шкаева и Сивкова, протоколом осмотра м/п, данными о телефонных соединениях Б, показаниями свидетеля Ф об утрате своего телефона в клубе «Империя» с СИМ-картой, показаниями свидетеля Б, протоколом обыска по месту жительства Шкаева, где был обнаружен и изъят пистолет «ОСА» с боекомплектом, признанный огнестрельным оружием, другими приведенными в приговоре доказательствами.

Так, согласно показаниям Б, в свободное от основной работы время он подрабатывал частным извозом. Среди его клиентов были девушки, оказывающие услуги интимного характера, которые, как и остальные клиенты, связывались с ним по телефону -70-07 (короткий городской номер -70-07).

В ночь на 22 февраля 2015 года с ним в машине находились две такие девушки – С и И. Около 02 часов ему позвонил незнакомый мужчина, который хотел заказать девушек. Это предложение он озвучил С и И Те решили подзаработать, поэтому попросили перезвонить мужчине, что он и сделал. Вместе с ними проследовал по названному мужчиной адресу – к последнему подъезду д. корп. по ул. Северодвинской в г. Архангельске. Когда вышел из машины, чтобы открыть девушкам дверь, к нему подошли пятеро ранее незнакомых молодых людей, одетых в тёмную спортивную одежду, и встали таким образом, чтобы он не мог от них убежать. Среди них были ранее незнакомые Шкаев и Сивков. Шкаев спросил, знает ли он, кто они такие, и приставил к его груди ствол травматического пистолета типа «ОСА». После этого другой парень, который стоял чуть позади в метре от него, велел ему достать из карманов всё содержимое. В руках у данного молодого человека также был пистолет, похожий на пистолет ПМ, ствол которого был направлен в его сторону. Испугавшись за свою жизнь и здоровье, он начал выкладывать все имевшиеся при себе предметы на крышу автомобиля. В это время Шкаев стал обыскивать салон его автомашины, а затем к тому присоединились Сивков и ещё двое парней, которые до этого момента окружали его, постоянно находились рядом, не давая возможности уйти. Пока Шкаев, Сивков и остальные осматривали автомобиль, второй парень, угрожая направленным в него пистолетом, продолжал наблюдать, как он достаёт из карманов свои вещи, после чего велел передать ему все деньги из кошелька – 7 500 рублей – и лично убедился, что кошелёк пуст. Затем

молодые люди велели ему уезжать, а сами все вместе скрылись в сторону развлекательного центра «Экватор». В результате нападения у него похитили указанную сумму денег. В полицию он обращаться не стал, поскольку боялся молодых людей, которые знали марку и номер его машины и могли его снова найти.

В ходе опознания Б[redacted] уверенно указал на Шкаева и Сивкова как на лиц, принимавших участие в нападении на него.

Обстоятельства опознания, доводы стороны защиты о недопустимости соответствующих протоколов, проверялись судом первой инстанции и оценены.

Проверив и оценив обстоятельства проведения данных следственных действий, в том числе и с учетом доводов защиты о нарушении права на защиту по указанным ими в жалобах основаниям, суд обоснованно не усмотрел оснований для признания их недопустимыми доказательствами, мотивировав свое решение. Выводы суда полно и обстоятельно мотивированы, являются правильными, с ними соглашается и Судебная коллегия.

Проверив и оценив исследованные по данному эпизоду доказательства, суд правильно установил, что Сивков и Шкаев, действуя в составе возглавляемой Соколовым организованной группы, совершили на Б[redacted] разбойное нападение.

При этом оно являлось продолжением ранее начатых противоправных действий, а именно способом решения одной из поставленных перед бандой задач - заставить лиц, участвующих в организации незаконного оказания интимных услуг, выполнить предъявленное им через Г[redacted] требование о ежемесячной выплате банде денежных средств за возможность продолжения такой деятельности под её криминальным покровительством.

Участники нападения заранее выбрали место, вместе проследовали туда и посредством специально подысканного для этой цели мобильного телефона, принадлежащего постороннему лицу, заказали девушку-проститутку. При этом, как и в предыдущих случаях, для вызова использовали один из телефонных номеров, размещённых в газете «Северный Меркурий», будучи уверенными, что он используется одним из агентств по оказанию интимных услуг.

Поскольку Б[redacted] фактически принял их заказ, пообещав привести двух таких девушек, у Сивкова, Шкаева и остальных участников нападения имелись все основания полагать, что он имеет непосредственное отношение к вышеназванной незаконной деятельности.

Действовали они в ночное время, во дворе жилого дома, убедившись в отсутствии рядом случайных очевидцев. Чтобы не вызвать у потерпевшего преждевременных опасений, ожидая его приезда, рассредоточились по прилегающей территории. Начали нападение лишь

после того, как Б вышел из автомашины, тем самым использовали фактор внезапности и лишили его возможности скрыться.

Продолжая действовать уверенно и агрессивно, расположились возле Б и его автомобиля таким образом, чтобы он не мог от них убежать либо уехать. С целью подавления воли потерпевшего к сопротивлению Шкаев сразу же приставил к его груди травматический пистолет «ОСА», а другой соучастник, встав за потерпевшим несколько сзади и практически вплотную, навёл на него ствол другого пистолета, похожего на пистолет типа «ПМ», потребовал передать им деньги. Тем самым Шкаев и указанное лицо применили находившееся на вооружении банды оружие, продемонстрировав Б свою решимость незамедлительно воспользоваться им в случае неподчинения либо оказания сопротивления, что являлось очевидным для потерпевшего, который воспринимал пистолеты как пригодные для стрельбы.

С учетом конкретных обстоятельств, наличия у нападавших пистолетов, их действия потерпевший обоснованно оценивал как реальную угрозу для жизни и здоровья и сопротивления не оказывал.

Пока один из соучастников, наблюдая за тем, как он достаёт из карманов деньги, удерживал его под прицелом пистолета, Шкаев, Сивков и остальные соучастники обыскали салон автомашины, однако ничего ценного не нашли.

Завладев денежными средствами Б в сумме 7 500 рублей, все нападавшие скрылись в одном направлении. Тот факт, что место происшествия они покидали пешком, как правильно отметил суд, указывает на предусмотрительное оставление ими своей автомашины таким образом, чтобы её не мог увидеть и запомнить ни сам потерпевший, ни возможные случайные очевидцы нападения.

По эпизоду разбойного нападения на К и П в ночь на 22 февраля 2015 года вина Соколова, Шкаева и Сивкова подтверждается показаниями К и П в отмеченной судом части, протоколами опознания Сивкова и Шкаева, детализацией телефонных соединений К показаниями свидетеля К, детализацией телефонных соединений последнего, протоколом обыска по месту жительства Шкаева, в ходе которого был изъят травматический пистолет, признанный заключением эксперта огнестрельным оружием ограниченного поражения, показаниям свидетеля Ф об утрате своего телефона в клубе «Империя», где в числе охранников она видела Шагина и Шкаева, протоколом осмотра детализации телефонных соединений Ф, другими материалами дела.

Так, из показаний потерпевшего К следует, что неофициально он подрабатывал водителем в такси «Максим». В числе его клиентов были девушки, занимающиеся проституцией, заказы на перевозку которых

он принимал по телефону [redacted]-21-07 либо от них самих, либо от агентств, оказывающих услуги интимного характера. В ночь на 22 февраля 2015 года около 02 часов 30 минут он принял заказ от одной из таких девушек по имени Э[redacted], которая попросила отвезти её к д. [redacted] корп. [redacted] по ул. Тимме в г. Архангельске, где её должны были встретить. По её просьбе он набрал номер телефона человека, к которому та направлялась – [redacted]-25-83, чтобы сказать, что они подъехали. У третьего подъезда их уже ждал ранее незнакомый ему Шкаев. Он видел, как Шкаев отвечал ему по телефону, вместе с П[redacted] вышел из машины. Шкаев подошел к нему, стал предъявлять претензии по поводу стоимости проезда. В это же время со стороны первого подъезда к ним подошли ещё двое молодых людей, среди которых был Сивков. Он решил уйти, но Шкаев велел ему стоять, направил в него травматический пистолет типа «ОСА». В этот момент он увидел, что к ним направляются ещё двое парней. Таким образом, всего молодых людей было пятеро. Убежать он не мог, поскольку у него за спиной находился автомобиль, прямо перед ним на расстоянии менее одного метра стоял Шкаев с направленным в него пистолетом, а рядом слева - Сивков. Ещё двое парней подошли к Э[redacted], которая оставалась возле машины, один из них потребовал у неё деньги. Когда она ответила, что денег нет, тот же парень вырвал у неё из рук сумку и стал обыскивать. Пятый молодой человек в это время проверял салон его автомашины. Шкаев также потребовал у него деньги. Поскольку молодые люди вели себя агрессивно, Шкаев продолжал направлять в него пистолет, при применении которого на таком близком расстоянии, как ему было известно, можно причинить серьёзные ранения, он испугался за свою жизнь и здоровье, поэтому передал Шкаеву все находившиеся при себе деньги 2 тыс. рублей. Забрав их, Шкаев велел ему уезжать. Сев в машину, он позвонил своему приятелю – К[redacted], сообщил о случившемся. Э[redacted] также была напугана. Позднее он узнал, что были совершены похожие нападения на таксистов К[redacted], Л[redacted], Б[redacted], Б[redacted], У[redacted] Вместе с ними он посещал кафе «Дружба». Кроме того, ещё до нападения он слышал от Г[redacted] что какие-то парни требовали, чтобы водители, которые занимаются частным извозом, платили им ежемесячно деньги. Уверен, что среди нападавших не было Соколова и Плугару, которых он неоднократно ранее видел в клубе «Империя».

Потерпевшая П[redacted] в своих показаниях подтвердила обстоятельства нападения на неё и К[redacted].

При опознании потерпевшие уверенно указали на Шкаева и Сивкова как на лиц, участвовавших в нападении на них (т. 4 л.д. 28-31, 33-36, 63-64, 65-66).

Обстоятельства проведения данных следственных действий судом проверены. Обоснованные выводы о признании соответствующих протоколов допустимыми доказательствами судом приведены в приговоре, они являются правильными, с ними соглашается и Судебная коллегия, а доводы стороны защиты расценивает как несостоятельные.

На основе совокупности исследованных и приведенных в приговоре по данному эпизоду доказательств суд правильно установил, что нападение на К[redacted] и П[redacted] было совершено тем же способом, что и все предыдущие, а характер и последовательность действий участников возглавляемой Соколовым группы указывает на единый корыстный умысел, направленный на неправомерное завладение денежными средствами потерпевших с целью решения одной из поставленных перед бандой задач - вынудить лиц, связанных с организацией занятия проституцией в г. Архангельске, ежемесячно выплачивать банде денежные средства за возможность продолжать заниматься такой незаконной деятельностью, тем самым взять её под свой криминальный контроль.

Как и при нападении на Б[redacted], участники группы действовали в ночное время, заранее выбрали место для нападения, проследовали туда и при помощи использованного ранее для той же цели мобильного телефона, принадлежащего Ф[redacted], заказали девушку, набрав один из номеров, опубликованных в рубрике знакомств газеты «Северный Меркурий».

При этом были уверены в том, что размещённые в данной рубрике телефонные номера принадлежат агентствам по оказанию интимных услуг либо непосредственно лицам, организующим такую деятельность, так как заказывали девушек-проституток тем же способом при предыдущих нападениях.

Поскольку именно К[redacted] ответил на телефонный звонок и привёз девушку по указанному ими адресу, у участников группы имелись достаточные основания полагать, что он имеет непосредственное отношение к указанной незаконной деятельности.

Последующие действия нападавших отличались последовательностью и слаженностью их выполнения.

Под видом клиента Шкаев стал ожидать прибытия потерпевших непосредственно у подъезда, а Сивков и остальные соучастники заняли позиции неподалёку таким образом, чтобы потерпевшие их не заметили и не скрылись до начала нападения.

Убедившись, что к подъезду подъехали именно те лица, которых они вызывали, Шкаев дождался, когда К[redacted] с П[redacted] выйдут из машины, проследовал к ним и стал предъявлять К[redacted] надуманные

претензии, чтобы отвлечь внимание потерпевших от остальных соучастников, предоставив тем возможность подойти и окружить потерпевших.

Затем Сивков и Шкаев вплотную приблизились к К чем ограничили тому свободу передвижения. При этом Шкаев, демонстрируя серьёзность их намерений, с целью подавления воли потерпевшего к сопротивлению, навёл на К, находившийся на вооружении банды, травматический пистолет «ОСА», и потребовал передать им деньги.

В сложившихся условиях, когда нападавшие удерживали его на месте, имели численное превосходство, вели себя агрессивно, указанные действия К обоснованно оценивал как реальную угрозу своей жизни и здоровью, поскольку воспринимал направленный в него пистолет, как огнестрельное оружие, знал о его характеристиках и всерьёз опасался применения. Вследствие этого, не сопротивляясь, К передал Шкаеву и Сивкову свои деньги в сумме 2 тыс. рублей.

Одновременно двое других соучастников окружили П у которой один из них также потребовал деньги, проверил содержимое сумки, а третий – обыскал салон автомобиля потерпевшего.

При этом, участники нападения практически действовали быстро, слаженно и единой группой.

Завладев деньгами К, нападавшие велели потерпевшим уезжать, указали направление, в котором это можно сделать, чем обеспечили себе возможность беспрепятственно покинуть место происшествия и скрыть от потерпевших своё транспортное средство, предусмотрительно оставленное вне зоны видимости последних.

Указанная степень согласованности в действиях соучастников, как обоснованно отметил суд, свидетельствует о предварительном планировании преступления с распределением между исполнителями преступных ролей, а выбранные для нападения объекты - о продолжении реализации единого умысла, направленного на достижение общей цели в интересах возглавляемой Соколовым банды, участниками которой они являлись.

В этой связи действия осужденных по данному эпизоду правильно квалифицированы по указанной в приговоре норме закона.

По эпизоду грабежа у К в ночь на 23 февраля 2015 года вина Соколова, Шкаева, Сивкова и Жексембаева подтверждается показаниями потерпевшего К протоколами опознания Сивкова, Соколова, Шкаева и Жексембаева, протоколом осмотра м/п, показаниями свидетеля К показаниями свидетелей под псевдонимами Ж, В и И, данными о телефонных соединениях, показаниями свидетеля А () об утрате в 2009 г. своего мобильного телефона

с соответствующей сим-картой, протоколом осмотра телефонных соединений по номеру телефона, ранее принадлежавшего А[redacted] другими материалами дела.

Как правильно установил суд, хищение у К[redacted] стало продолжением ранее начатых бандой противоправных действий, а именно способом решения одной из поставленных перед ней задач - заставить лиц, участвующих в организации незаконного оказания интимных услуг, выполнить предъявленное через Г[redacted] требование о ежемесячной выплате банде денежных средств за возможность продолжения такой деятельности под её криминальным покровительством.

Об этом свидетельствуют характер и последовательность действий участников преступления, соответствующих способу совершения предыдущих нападений.

Соколов, Шкаев, Сивков и Жексембаев заранее определили место совершения преступления, все вместе в ночное время проследовали туда и посредством заранее подобранного для этой цели мобильного телефона с сим-картой, принадлежащей постороннему лицу, заказали девушек-проституток через агентство, оказывающее такого рода услуги, номер телефона которого выяснили заранее.

Ожидая приезда потерпевшего, они разделились: один остался встречать автомобиль потерпевшего у подъезда, а остальные спрятались на прилегающей дворовой территории таким образом, чтобы тот их не заметил и не попытался от них скрыться до начала совершения ими активных противоправных действий.

При этом место для реализации задуманного изначально было подобрано с расчётом на то, чтобы лишить потерпевшего такой возможности, поскольку представляло собой закрытую дворовую территорию с единственным проездом вдоль дома.

Поскольку именно К[redacted] привёз таких девушек, заказанных по телефону одного из указанных агентств, у Соколова, Шкаева, Сивкова и Жексембаева возникла уверенность в том, что он имеет непосредственное отношение к незаконной деятельности по организации занятия проституцией.

Данное обстоятельство стало причиной совершения в отношении К[redacted] противоправных действий с целью достижения поставленной перед бандой цели.

Дождавшись, когда К[redacted] вышел из машины, они, используя фактор внезапности, одновременно проследовали к нему и окружили, заняв позиции таким образом, чтобы он не мог от них убежать, тем самым ограничили свободу его передвижения, вызвали чувство страха и

обеспечили возможность беспрепятственно продолжить завладение его имуществом.

После этого Шкаев потребовал у К[redacted] денежные средства.

В сложившейся обстановке, осознавая численное превосходство и агрессивный настрой окруживших его лиц, опасаясь применения насилия в случае неповиновения, К[redacted] передал Шкаеву все имевшиеся у него деньги в сумме 500 рублей.

Когда потерпевший пояснил, что других денег у него нет, Сивков тут же осмотрел салон его автомашины, где всё это время находились девушки, однако ничего ценного там не обнаружил. В это время Шкаев, Соколов и Жексембаев продолжали удерживать К[redacted] на месте.

Завладев его имуществом, Соколов, Шкаев, Сивков и Жексембаев одновременно покинули место преступления, скрывшись между домами, что свидетельствует о предусмотрительном оставлении ими своей машины в другом месте вне зоны видимости потерпевшего и случайных очевидцев преступления.

Указанные действия осужденных по неправомерному завладению денежными средствами К[redacted] совершались в присутствии находившихся в автомашине девушек и являлись очевидными как для них, так и для самого потерпевшего, то есть носили открытый характер.

Чёткая последовательность и высокая степень их согласованности при выполнении каждым из соучастников своих функций, свидетельствуют о том, что они были заранее спланированы, а роли между всеми исполнителями предварительно распределены.

Поскольку способ осуществления задуманного при хищении денежных средств у К[redacted] в целом аналогичен тому, который был применён ранее при хищениях денежных средств у потерпевших Л[redacted], У[redacted] Б[redacted] К[redacted] которых объединяет одинаковый род занятий, суд обоснованно пришел к выводу о том, что осужденные действовали с целью реализации единого преступного умысла, направленного на достижение поставленной перед бандой цели в соответствии с ранее разработанным Соколовым, как руководителем банды, общим планом преступной деятельности.

Совершив хищение денежных средств у К[redacted] участники возглавляемой Соколовым группы не только завладели его имуществом, но и частично достигли такой цели, так как К[redacted], будучи напуган, рассказал о случившемся своим знакомым, которые, как и он, подвозили девушек-проституток.

По эпизоду нападения на Б в ночь на 1 марта 2015 года вина Соколова, Шкаева, Сивкова подтверждается показаниями потерпевшего Б, свидетеля Т протоколами опознания Шкаева и Сивкова, показаниями свидетелей Г, А, С, заключением суд.-мед.эксперта о наличии у Б телесных повреждений и их характере, протоколом осмотра м/п, данными осмотра записи видеорегистратора, данными о телефонных соединениях, другими материалами дела.

Проверив и оценив оказательства по данному эпизоду, суд правильно установил, что, как и в предыдущих случаях, участники группы заранее выбрали место для нападения, которое представляло собой закрытую дворовую территорию с единственным въездом и находилось на незначительном расстоянии от клуба «Империя», что позволяло им быстро и незаметно туда вернуться.

Причём это место уже было знакомо им, поскольку использовалось участниками банды ранее при нападении на Л и Ф в конце августа 2014 года.

Действуя в ночное время, участники группы все вместе проследовали туда.

Для вызова девушки-проститутки использовали тот же мобильный телефон, который был утрачен Ф в клубе «Империя» и применялся ими при совершении предыдущих преступлений. Однако в целях конспирации они предварительно заменили в нём сим-карту на другую, также незарегистрированную на них.

Поскольку по их заказу приехал именно Б, они были уверены в его причастности к осуществлению незаконной деятельности, связанной с организацией занятия проституцией, что стало причиной совершения в отношении него противоправных действий.

Чтобы потерпевший не догадался об их преступных намерениях до начала выполнения ими активных действий, они заранее разделились: Сивков под видом клиента остался встречать автомобиль Б у подъезда, а остальные рассредоточились по прилегающей дворовой территории, где их не было видно.

Когда Б подъехал, Сивков направился к нему и попросил выйти из машины, тем самым лишил его возможности от них уехать и, отвлекая внимание, дал время остальным соучастникам окружить потерпевшего.

Продолжая действовать уверенно и агрессивно, Сивков, Шкаев и остальные соучастники подошли к Б вплотную, расположились вокруг него таким образом, чтобы полностью контролировать его поведение и удерживать на месте.

С целью подавления воли потерпевшего к сопротивлению Шкаев направил в него травматический пистолет «ОСА», затем ткнул им потерпевшего в грудь и в грубой форме потребовал передать им деньги. Видя, что Б должным образом не реагирует, повторил своё требование, снова уперев пистолет ему в грудь. Тем самым продемонстрировал серьёзность намерений группы и готовность незамедлительно воспользоваться им в случае неподчинения либо оказания сопротивления, что являлось очевидным для потерпевшего.

После того, как по просьбе Б, Т разрешили вернуться в машину, Шкаев, с целью сохранения контроля за её действиями, не разрешил ей закрыть дверцу автомобиля, велел сидеть спокойно и остался рядом.

В это время Сивков и остальные соучастники продолжали удерживать Б на месте, а один из них, толкнув потерпевшего в плечо, потребовал передать им кошелёк.

В сложившейся обстановке, учитывая численное превосходство нападавших, наличие у них травматического оружия, Б обоснованно оценил указанные действия как реальную угрозу для своей жизни и здоровья, а также для жизни и здоровья Т, поэтому выбрал сопоставимый, на его взгляд, способ защиты – решил воспользоваться своим оружием самообороны.

Однако Шкаев, находившийся возле машины, продолжал контролировать его действия и, увидев, что в место кошелька он достал из бардачка пистолет, с целью подавления предполагаемого сопротивления произвёл в Б четыре выстрела из своего пистолета.

Несмотря на то, что применённое таким способом насилие не причинило вред здоровью Б который сумел закрыть голову руками, оно в момент применения создавало реальную опасность для его жизни и здоровья, поскольку Шкаев производил выстрелы из огнестрельного оружия, снаряжённого травматическим патроном, с близкого расстояния в жизненно-важную часть тела – в голову.

Место происшествия Шкаев, Сивков и остальные соучастники покинули только после того, как Б стал стрелять в ответ.

Таким образом, характер и последовательность действий участников нападения, отличавшихся высокой степенью согласованности, точностью выполнения каждым своих функций, применением подготовленных для этих целей средств связи и оружия, как правильно отмечено судом, свидетельствуют о тщательной подготовке и планировании преступления, предварительном распределении между участниками преступных ролей,

и, как следствие, о реализации ими единого умысла, направленного на достижение общей преступной цели.

Учитывая род занятий потерпевшего, одинаковый способ совершения этого преступления и предыдущих в отношении Л Ф У Б, К, П К суд обоснованно пришел к выводу о том, что целью нападения на Б являлось не только завладение его денежными средствами, но и решение одной из поставленных перед бандой задач - заставить лиц, участвующих в организации незаконного оказания интимных услуг, выполнить предъявленное им через Г требование о ежемесячной выплате банде денежных средств за возможность продолжения такой деятельности под её криминальным покровительством. Об этих требованиях знали все потерпевшие.

Показания потерпевших, свидетелей, содержание приведенных доказательствах, по перечисленным эпизодам судом оценены. Вопреки доводам жалоб оснований для признания положенных в основу обвинения доказательств недопустимыми не имеется. Все доказательства судом оценены, на доводы стороны защиты, в том числе и приведенные в жалобах, дана оценка, с правильностью которой соглашается и Судебная коллегия.

Оснований для оговора со стороны потерпевших и свидетелей не усмотрено.

Наличию противоречий в показаниях в ходе предварительного расследования потерпевших и свидетелей судом дана оценка.

При этом суд правильно указал, что обстоятельства телефонных соединений потерпевших с другими лицами, при том, что осужденные, как это установлено пользовались телефонными номерами, зарегистрированными на других лиц, не влияют на обстоятельства совершения каждого нападения и на конкретных потерпевших, чьи показания оценены и приняты во внимание. Как не влияет на правильность выводов суда о виновности Сивкова и факт изъятия у него телефона с соответствующим номером.

Не подвергает сомнению достоверность приведенных показаний потерпевших и факт уголовного преследования в отношении них по ст. 241 УК РФ, в последствии, прекращенный.

В свою очередь, достоверность показаний потерпевших установлена на основе совокупности приведенных по каждому из эпизодов преступных посягательств, вопреки доводам защиты, являющихся допустимыми и достаточными для принятия решения о доказанности вины каждого из осужденных, доказательств в каждом конкретном эпизоде нападений.

Время совершения нападений установлено правильно, имеющиеся противоречия в этой части судом устранены.

Статистика телефонных соединений потерпевших, от кого они получали заказы, по каким номерам, на что ссылается сторона защиты, не влияет на правильность выводов суда, на установленные фактические обстоятельства, на роль и действия осужденных по каждому из эпизодов инкриминируемых деяний.

Обстоятельства опознаний осужденных как потерпевшими по каждому из эпизодов нападений, так и свидетелями под псевдонимами, проверены судом первой инстанции. Выводы об этом приведены в приговоре с оценкой доводов стороны защиты о признании того или иного протокола недопустимым доказательством. При этом проведение опознаний по фотографиям не является нарушением уголовно-процессуального закона.

Отсутствие по делу отдельного решения суда о признании недопустимым доказательством протокола опознания свидетелем под псевдонимом «Ж» Ф (т. 2 л.д. 176-179) не влияет на выводы суда.

Алиби Соколова и Сивкова по инкриминируемым деяниям проверялось судом первой инстанции. Обоснованные выводы о несостоятельности данных доводов с приведением мотивов принятого решения приведены в приговоре. Данные выводы являются правильными, с ними соглашается и Судебная коллегия.

По эпизоду создания Соколовым банды и её руководством, участия в банде и совершаемых ею нападениях Плугару, Шкаева, Шагина и Сивкова их вина подтверждается помимо приведенных в приговоре применительно к каждому конкретному эпизоду деяний доказательств показаниями работавших в клубе «Империя» официанта Т, зав.производством С, администратора А официанта О, свидетелей Н Р родителей осужденных Соколова и Шагина, сожительницы Шагина Ш, отца Шкаева, К З Б, П Ш родственников Жексембаева – Ж М показаниями однокурсников Жексембаева Л Б, Н, М, свидетеля Г ранее работавшего в клубе «Империя», показаниями Ф, показаниями свидетелей под псевдонимами «Ж», «В», «Д», «Б», «Т», «А», «И», а также оглашенными, исследованными и приведенными в приговоре материалами дела.

Мнение стороны защиты, о том, что свидетели под псевдонимом «К» и свидетель О, «Ж» и Л являются одними

лицами с учетом совокупности исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств не ставит под сомнение установленные судом первой инстанции обстоятельства.

В рамках производства по делу в судебном заседании были допрошены свидетели под псевдонимами: «К», «Ж», «Д», «Б», «Т», «А», «И», «В», подлинные данные, о которых были засекречены органом предварительного расследования в соответствие с требованиями УПК РФ, и обоснованно не были раскрыты судом участникам процесса по их просьбе. Вопреки доводам о необоснованности таких решений суда, они соответствуют требованиям ч. 9 ст. 166 и чч. 5 и 6 ст. 278 УПК РФ и направлены на обеспечение безопасности засекреченных лиц. Допрос перечисленных свидетелей в судебном заседании без оглашения подлинных данных о личности в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, следует признать обоснованным. Перед допросом данные о свидетелях были проверены, им разъяснены права, обязанности и ответственность, отобрана подписка. Участникам процесса была предоставлена возможность задать свидетелям интересующие вопросы, связанные с их показаниями. При этом судом обоснованно отводились те вопросы, что были направлены на установление подлинной личности свидетелей, поскольку это создавало угрозу безопасности. Такие решения не могут расцениваться как нарушение права на защиту, ограничение стороны защиты в возможности исследования тех или иных обстоятельств.

Вопреки доводам жалоб в показаниях свидетелей под псевдонимами содержится конкретная информация, связанная с обстоятельствами инкриминируемых осужденным деяний, и судом их показания правильно приняты во внимание в той части, в которой они согласовывались и подтверждались другими доказательствами. Не опровергает достоверность их показаний и приобщенный в суде апелляционной инстанции акт технико-криминалистического исследования.

Факт нахождения у осужденных того или иного, указанного в приговоре оружия, установлен на основе, как показаний свидетелей и потерпевших, так и с учетом исследованных письменных материалов дела. При этом вывод суда об осведомленности каждого из участников банды о наличии у друг друга такого оружия, соответствует установленным фактическим обстоятельствам.

Конкретные типы примененного при каждом отдельном нападении оружия установлены и указаны в приговоре.

На основе совокупности исследованных доказательств суд правильно установил, что Соколов, пользуясь авторитетом среди охранников клуба «Империя», в котором фактически выполнял функции начальника службы безопасности, объединил вокруг себя проверенных им в ходе

совместной работы лиц – Плугару, Шагина, Шкаева, а также лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, с которым длительное время поддерживал приятельские отношения, заинтересовав их возможностью получения постоянного дополнительного дохода от совместной противоправной деятельности.

Подбирая таких лиц в организуемую им группу, Соколов отдавал предпочтение спортсменам, имеющим навыки боевых единоборств, обладающих необходимыми волевыми качествами, дисциплинированных, готовых реализовывать поставленные перед ними задачи и добиваться поставленных целей.

Все участники банды были приблизительно одинакового возраста, в разное время вместе работали, имели общие интересы: занимались спортом, в том числе иногда посещали с Соколовым один спортивный зал, а Шагин и Шкаев, кроме того, поддерживали дружеские отношения.

В созданной группировке Соколов занимал положение единственного и безусловного лидера. Завоёванный им авторитет основывался на его спортивных достижениях в различных дисциплинах боевых искусств, на связях с представителями и лидерами других криминальных группировок, доверительных отношениях с владельцами клуба, выполнением им функций руководителя службы охраны.

Он лично подбирал в группу новых участников, объяснял им условия вступления и выработанные им самим правила поведения, формулировал перед ними задачи, принимал решения о совершении конкретных преступлений, давал членам группы указания, которые ими безоговорочно выполнялись.

Чтобы не попасть в поле зрения правоохранительных органов, он ввёл правило, согласно которому членам группы запрещалось вести между собой переписку в социальных сетях, для связи друг с другом рекомендовал использовать телефоны с сим-картами, оформленными на посторонних лиц, применять Интернет-программы с высокой степенью защиты от внешнего контроля, а при совершении преступлений и иных деяний в интересах банды, не брать с собой личные мобильные устройства связи.

В созданной им группе поддерживалась дисциплина, основанная на подчинении её участников единственному лидеру.

Именно Соколов сформулировал перед участниками банды общую цель её существования – совершение нападений на граждан с целью получения постоянного дохода:
- от представителей мелкого бизнеса г. Архангельска путём навязывания им своего криминального покровительства под предлогом обеспечения безопасности,

- от лиц, занимающихся организацией занятия проституцией на территории г. Архангельска, вследствие установления контроля за их незаконной деятельностью.

Характер и количество совершённых участниками группы преступных деяний, свидетельствуют о последовательном принятии ими мер, направленных на достижение указанной цели.

Так, М являлся предпринимателем, а Г Л, Ф, У, Б, К П К, как полагали участники банды, имели непосредственное отношение к нелегальной сфере оказания интимных услуг.

Большая часть находившихся в арсенале банды пистолетов, относится к категории огнестрельного оружия ограниченного поражения, а некоторые пистолеты могли использоваться в качестве такового, исходя из своих конструктивных особенностей.

Именно такое оружие за его эффективные поражающие свойства, относительную доступность и отсутствие уголовной ответственности за незаконные владение, приобретение и ношение Соколов рекомендовал приобретать участникам группы и обладал им сам.

Участники банды подыскивали оружие самостоятельно. При этом Соколов и Ф приобретали и владели им на легальных основаниях, а Плугару, Шкаев и Шагин – незаконно.

Соколов лично определял объекты преступных посягательств, принимал решения о совершении преступлений, разрабатывал их планы, определял непосредственных исполнителей.

В соответствии с возникшим у Соколова замыслом и в результате именно его активных действий образовалась устойчивая вооружённая группа, имеющая своей целью нападение на граждан, которую он сам возглавил и в период её существования непосредственно руководил действиями её участников.

Все нападения, совершённые организованной группой во главе с Соколовым, являлись однотипными, тщательно спланированными и хорошо организованными, отличались одинаковым способом действий участников, использованием ими находившегося на вооружении банды оружия, за исключением факта открытого хищения имущества у К.

Тщательностью планирования и последовательностью выполнения преступных действий, направленных на достижение единой преступной цели, характеризуются и преступления, совершённые в отношении потерпевших Г и М

План преступления в отношении Г[redacted] являлся многоэтапным, предусматривал возможность задействовать правоохранительные органы, путём введения их в заблуждение относительно истинных намерений и преследуемых целей, что подчёркивает особую расчётливость лидера банды, подтверждает стремление участников банды систематически заниматься противоправной деятельностью.

Преступления, совершённые созданной Соколовым бандой в отношении лиц, имевших, как полагали её участники, отношение к организации занятия проституцией, характеризуются постоянством форм и методов, в частности:

- осуществлением таких нападений в ночное время;
- подысканием для этого мест, которые представляли собой дворовые территории, как правило, закрытые, не позволявшие потерпевшим свободно покинуть место происшествия;
- вызовом лиц, которые могли иметь отношение к организации оказания услуг интимного характера, под видом клиентов, путём заказа девушек-проституток через предварительно выясненные номера телефонов агентств либо лиц, оказывающих подобные услуги;
- использованием для этого специально подготовленных средств связи, не позволявших идентифицировать применявших их участников банды;
- ожиданием прибытия таких лиц непосредственно на месте нападения;
- предварительным распределением ролей, согласно которым один из них оставался встречать потерпевшего у подъезда, а остальные прятались, чтобы не вызвать у жертвы подозрений до начала нападения;
- одинаковым способом завладения имуществом, включающим окружение потерпевшего, лишение его свободы передвижения, предъявление в грубой ультимативной форме требований материального характера и использование оружия банды путём его демонстрации либо непосредственного применения в качестве выражения очевидной для потерпевшего угрозы применения насилия опасного для жизни и здоровья;
- совместное оставление места происшествия по заранее продуманному пути отхода.

Все преступления в период с 22 февраля по 1 марта 2015 года, а также 27 сентября 2014 года имели место в ночное время в выходные либо праздничные дни, то есть именно тогда, когда клуб «Империя» был открыт, количество охранников в нём было больше, а Сивков не был занят на основной работе.

Банда функционировала в течение продолжительного времени – более года, отличалась стабильностью состава, которая обеспечивалась её руководителем - Соколовым - подбиравшим новых участников и поддерживавшим их общую численность, необходимую для реализации поставленных задач.

При этом сам Соколов, лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, Плугару, Шкаев и Шагин входили в костяк банды, поддерживали друг с другом наиболее тесные отношения.

Сивков, который вступил в банду позже, также являлся её активным участником, о чём свидетельствует факт совершения им совместно с остальными членами банды четырёх нападений, три из которых сопровождались применением оружия, принятие им мер к приобретению средств связи, соблюдению установленных в банде правил конспирации как до, так и во время преступлений, обеспечению себе алиби.

Установленные по делу обстоятельства свидетельствуют, что созданная Соколовым группа не только отличалась высокой степенью организованности, но и обладала признаками устойчивости и вооружённости, то есть являлась бандой.

Незначительный размер вырученных при каждом нападении денежных средств не влияет на выводы суда о цели создания банды.

В связи с этим суд правильно квалифицировал действия:
- Соколова - по ч. 1 ст. 209 УК РФ, то есть создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападений на граждан и руководство такой группой (бандой);
- Плугару, Шкаева, Шагина и Сивкова – по ч. 2 ст. 209 УК РФ, то есть участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и в совершаемых ею нападениях.

Вопреки доводам апелляционного представления решение суда об оправдании Жексембаева по ч. 2 ст. 209 УК РФ является законным и обоснованным.

В качестве доказательств, обосновывающих обвинение Жексембаева в этой части, стороной обвинения были представлены показания Ф, свидетелей под псевдонимами «В», «А», «Т», «Ж», «Д», «И», показания потерпевшего К а также материалы дела, подтверждающие факт обнаружения и изъятия у Жексембаева многочисленных средств связи, в том числе мобильного телефона, использовавшегося при совершении разбойных нападений.

Вместе с тем, из показаний Ф, свидетелей под псевдонимами следует лишь то, что Жексембаев являлся участником организованной группы, возглавляемой и руководимой Соколовым, был посвящен в её планы и знал о цели её существования.

В составе такой группы им был совершен грабеж имущества К. Однако при данном нападении никто из участников группы оружия не применял и не демонстрировал

Никто из свидетелей не сообщил, что видел у Жексембаева оружие, или он участвовал в мероприятиях банды, где оружие применялось или демонстрировалось. О своей осведомленности о вооруженности банды никому из свидетелей Жексембаев не сообщал.

В тоже время по смыслу уголовного закона обязательным признаком участия в банде при отсутствии у самого лица оружия, является его осведомлённость о наличии оружия у других членов банды.

Таких доказательств, как правильно указал суд, стороной обвинения не представлено и не доказано, что Жексембаев достоверно знал о наличии оружия у членов банды либо располагал им сам.

Ссылки государственного обвинителя Опякиной Е.С. о том, что Жексембаев, участвуя в обсуждении планов нападений, общаясь с другими членами банды, должен был знать какое оружие и у кого из членов банды находится, кем и в каких случаях оно будет применяться, является предположением, которое в силу требований ч. 4 ст. 14 УПК РФ не может быть положено в основу обвинения.

С учетом изложенного, суд правильно и в соответствие с требованиями п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ оправдал Жексембаева по ч. 2 ст. 209 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления.

В связи с оправданием по указанному основанию суд также в соответствие с требованиями главы 18 УПК РФ признал за ним в данной части право на реабилитацию, поскольку Жексембаеву по ч. 2 ст. 209 УК РФ инкриминировалось не только участие в отдельных нападениях, но и участие в самой банде, совершении других, указанных в приговоре действий.

По эпизоду вымогательства у С[redacted] вина Жексембаева подтверждается показаниями потерпевшего С[redacted], протоколом опознания, показаниями свидетеля М[redacted], показаниями Ф[redacted], другими материалами дела.

Так, из показаний потерпевшего С[redacted] следует, что совместно с М[redacted] он в ноябре 2014 года открыл кафе «Кулинар Про» по адресу: ул. Поморская, д. [redacted] в г. Архангельске и являлся в нём управляющим.

23 февраля 2015 года около 22 часов в кафе пришли двое ранее незнакомых ему молодых людей, одним из которых был Жексембаев. Выяснив, что он является управляющим, Жексембаев стал расспрашивать о том, как развивается бизнес, о количестве посетителей, размере выручки кафе; интересовался, не возникало ли у него с кем-нибудь инцидентов. Затем, представившись «К[redacted]», продиктовал ему номер своего телефона, предложил звонить, если возникнут проблемы, пообещал вскоре вернуться. Очевидцем этого разговора был М[redacted]

Вечером 25 февраля 2015 года Жексембаев появился вновь, заявил о своей уверенности в хорошем состоянии их коммерческих дел и наличии большой выручки; стал рассказывать, что в городе много представителей криминального мира, есть различные группировки, одна из которых «крышует» предпринимателей за 20 тыс. рублей в месяц, привёл в пример своего знакомого бизнесмена, у которого «[redacted]» требовали платить им, а однажды поставили рядом со входом канистру с бензином; в разговоре постоянно намекал, что у любого лица, занимающегося бизнесом, при общении с бандитами могут возникнуть подобные проблемы, приводил неприятные примеры, когда предпринимателей избивали на улице либо сжигали у них имущество. После чего сказал, что контролирует территорию, на которой находится кафе, поэтому он должен будет платить тому по 15 тыс. рублей в месяц, а если откажется, то у него могут возникнуть проблемы, как со здоровьем, так и с сохранностью имущества. При этом Жексембаев относил себя к некоей криминальной организации, говорил, что способен устранить любые угрозы со стороны бандитов. Стало очевидно, что тот навязывает ему свою «крышу», то есть требует платить за криминальное покровительство, а в случае его отказа произойдёт то, о чём Жексембаев ему рассказывал. Последний дал ему время подумать, пообещал прийти позже. Произошедшее сильно напугало как его, так и М[redacted], которому он рассказал о характере беседы. Он стал избегать встречи с Жексембаевым, старался не работать в зале, перед приездом в кафе предварительно выяснял у М[redacted] по телефону, нет ли там посторонних. Со слов М[redacted] знает, что однажды в кафе приходила группа молодых людей, которые спрашивали его. По описанию среди них был человек, похожий на Жексембаева. Где-то в середине марта 2015 года в кафе снова появились молодые люди. Один из парней ничего не поясняя, сказал М[redacted]: «Пятнадцать тысяч рублей через неделю». Всё это его сильно напугало, обращаться в полицию он побоялся. По совету знакомого установил в кафе систему видеонаблюдения. После этого к ним никто больше не приходил. Затем кафе он продал.

Поскольку показания С[redacted] согласовывались с другими приведенными в приговоре доказательствами, суд, проверив и оценив представленные в судебном заседании доводы стороны защиты, правильно их принял во внимание, признав достоверными, достаточно полно мотивировав свои выводы.

Проверив и оценив доказательства по данному эпизоду, суд правильно установил, что 23 февраля 2015 года в вечернее время Жексембаев с ещё одним соучастником посетили кафе С[redacted] с конкретной заранее поставленной целью – узнать, кто является владельцем этого заведения, его доходность и общее состояние коммерческих дел, то есть выяснить сведения, необходимые им для

определения размера материальных требований, которые они намеревались предъявить, и отсутствие для этого каких-либо препятствий.

Получив всю интересующую их информацию, они сразу покинули помещение кафе, пообещав С[redacted] вскоре вернуться.

При этом Жексембаев, который вёл беседу, пытаясь расположить к себе потерпевшего, оставил тому номер своего контактного телефона и назвал своё прозвище, принадлежность которого именно Жексембаеву подтвердил Ф[redacted].

После этого, действуя согласно отведённой ему роли, вечером 25 февраля 2015 года Жексембаев, который уже знал владельца, вновь явился в кафе и, проявляя осторожность, не используя грубых и резких выражений, выдвинул С[redacted] незаконное требование о ежемесячной выплате денежных средств в сумме 15 000 рублей за защиту от преступных посягательств других лиц, в которой С[redacted] не нуждался.

С целью заставить потерпевшего выполнить такое требование, используя очевидные для того примеры возможных неблагоприятных последствий в случае отказа, высказал угрозы применения насилия и уничтожения имущества потерпевшего, которые в сложившейся обстановке С[redacted] воспринял как реально осуществимые.

Предоставив потерпевшему время обдумать озвученные условия, Жексембаев тем самым дал понять, что указанные действия будут продолжены.

Однако на связь с ним после этого С[redacted] не вышел и о принятом решении не сообщил.

Поэтому спустя непродолжительное время в кафе вновь явились двое молодых людей, которые, не застав там С[redacted], оставили ему через администратора номер телефона, похожий на номер телефона Жексембаева, с сообщением, характер которого соответствовал характеру ранее высказанных Жексембаевым угроз.

Так как от общения с Жексембаевым и остальными действовавшими с тем лицами С[redacted] продолжал уклоняться, о готовности платить деньги им не сообщил, в марте 2015 года к нему направились ещё двое соучастников. Поскольку потерпевшего вновь не оказалось на месте, они оставили для него сообщение через М[redacted], содержащее то же требование, которое предъявил Жексембаев – об уплате 15 тыс. рублей, и установили предельный срок для выполнения.

При этом в двух последних случаях молодые люди никаких дополнительных пояснений не давали, то есть их действия вопреки доводам жалобы адвоката, как правильно указал суд, являлись

продолжением ранее начатых Жексембаевым и охватывались единым с ним преступным умыслом.

Доводы осужденного и его защитника об отсутствии в действиях Жексембаева вымогательства вследствие того, что никаких конкретных угроз он не высказывал, являются несостоятельными.

По смыслу уголовного закона, угрозы, которыми сопровождаются требования при вымогательстве, могут быть высказаны и в завуалированной форме, но при этом они должны восприниматься потерпевшим реально, то есть у него должны быть основания опасаться их осуществления.

Согласно показаниям С[redacted], прямых угроз в его адрес Жексембаев действительно не высказывал, говорил спокойно, без грубостей. Однако из характера приведённых тем примеров, содержащих описание неблагоприятных последствий в виде повреждения и уничтожения имущества, применения насилия в отношении лиц, занимающихся, как и он, предпринимательской деятельностью, за отказ платить денежные средства криминальным группировкам за их покровительство, он понимал, что Жексембаев фактически угрожает ему, вынуждая согласиться с предъявленными требованиями, и в случае их невыполнения его ожидают аналогичные последствия.

О том, что высказанные Жексембаевым угрозы являлись для С[redacted] очевидными и воспринимались им именно таким образом, свидетельствуют не только его показания и показания М[redacted] согласно которым они всерьёз боялись, что при отказе платить Жексембаеву их кафе действительно могут сжечь, а самого С[redacted] избить, но и поведение обоих.

Так, после разговора с Жексембаевым С[redacted] стал реже появляться в своём кафе, прежде чем туда приехать, обязательно выяснял у М[redacted] по телефону, нет ли там Жексембаева и его приятелей, а после очередного визита двух молодых людей, обозначивших конкретный срок для уплаты названной Жексембаевым суммы, обратился за помощью к знакомому сотруднику полиции, установил над входом и в помещении кафе видеокамеры.

В сложившейся обстановке, исходя из уверенного поведения Жексембаева и остальных лиц, приходивших в кафе, как вместе с ним, так и без него, их численности, неоднократности таких визитов в течение непродолжительного периода времени, настойчивости в своих требованиях, в совокупности с характером сообщённых Жексембаевым сведений о том, что они представляют собой некую криминальную группу, способную решать любые проблемы криминального характера, у

С [redacted], как обоснованно указал суд, имелись реальные основания опасаться высказанных ему угроз.

С учетом изложенного, установленных фактических обстоятельств действия Жексембаева правильно квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, то есть вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Не оспаривается правильность квалификации его действий и в апелляционном представлении.

Таким образом, оснований, влекущих отмену или изменение приговора по доводам апелляционных жалоб и представления, не усматривается.

Выводы суда, изложенные в приговоре, соответствуют фактическим обстоятельствам, подтверждаются исследованными и приведенными в приговоре доказательствами.

В соответствие с ч. 1 ст. 88 УПК РФ суд оценил каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а собранные доказательства в совокупности с точки зрения достаточности для постановления обвинительного приговора.

Все доводы осужденных их защитников, изложенные в жалобах, аналогичны позиции стороны защиты и самих осужденных в судебном заседании суда первой инстанции.

Эти доводы проверялись судом первой инстанции, результаты проверки отражены в приговоре с указанием мотивов принятых решений.

Судебная коллегия, проверив аналогичные доводы, приведенные в жалобах и в ходе рассмотрения дела в апелляционном порядке, также приходит к выводу о том, что они полностью опровергаются исследованными судом и изложенными в приговоре достоверными и допустимыми доказательствами, которые не содержат существенных противоречий и согласуются между собой. Суд привел в приговоре мотивы, по которым он принял одни доказательства в качестве допустимых и достоверных, и отверг другие.

Все принятые судом решения по оценке доказательств основаны на законе и материалах дела. Неустраненных существенных противоречий в исследованных судом доказательствах, сомнений в виновности осужденных, требующих истолкования в их пользу, Судебной коллегией не установлено.

Судебное разбирательство проведено в соответствие с требованиями УПК РФ, исследованы все существенные для дела доказательства, представленные сторонами, все заявленные ходатайства разрешены в соответствие с требованиями закона, принятые по ним решения

мотивированы и являются правильными. Несогласие с принятым судом решением по тому или иному ходатайству не свидетельствует о проявлении обвинительного уклона.

Вопреки доводам жалоб, судом установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, предусмотренные ст. 73 УПК РФ.

Вывод суда о том, что Соколов как создатель и руководитель банды должен нести ответственность за совершение её членами отдельных преступлений, в которых он сам лично не принимал участие, но фактически руководил действиями членов банды, направлял и организовывал их, является правильным и соответствует требованиям уголовного закона.

Роль каждого из осужденных по каждому из эпизодов преступных деяний, их действия, судом установлены и описаны в приговоре, соответствуют установленным фактическим обстоятельствам дела.

Наказание назначено осужденным в соответствии с требованиями закона, с учетом установленных обстоятельств дела, характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, смягчающих наказание обстоятельств, данных о личности каждого из них, влияния назначаемого наказания на них самих и условия жизни их семей.

При этом судом приняты во внимание все обстоятельства применительно к каждому из осужденных.

Необходимость назначения каждому из осужденных наказания только в виде лишения свободы и невозможность назначения иного наказания судом мотивирована.

Оснований для применения положений ст.ст. 64 и 73 УК РФ, для изменения категорий совершенных преступлений, суд не усмотрел. Не усматривает таких оснований и Судебная коллегия.

Таким образом, оснований для признания назначенного наказания чрезмерно суровым, или чрезмерно мягким, по доводам представления в отношении Жексембаева, не имеется.

Замечания осужденных и их защитников на протокол судебного заседания рассмотрены в установленном законом порядке, в соответствие с требованиями ст. 260 УПК РФ, вынесены соответствующие постановления. При этом ряд замечаний адвокатов Васильева О.М. и Армеева О.В. удовлетворены (т. 33 л.д. 9-10, 41-42, 72-73, 100-101, т. 34 л.д. 14-15, 30, 192, 249).

Объективность принятых решений сомнений не вызывает.

Вопреки доводам Плугару, законом не предусмотрено обязательное рассмотрение замечаний на протокол судебного заседания непосредственно в судебном заседании. Поданные замечания были

конкретны, подробны и оснований для того, чтобы их рассматривать в судебном заседании, выяснять или уточнять суть поданных замечаний, не имелось.

Таким образом, доводы стороны защиты о недоказанности вины осужденных, о недопустимости положенных в основу приговора доказательств, о якобы имевших место нарушениях в ходе предварительного расследования и при рассмотрении дела, неправильной квалификации действий каждого, несправедливости назначенного наказания, являются несостоятельными.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 389.20, 389.28, 389.33 УПК РФ, Судебная коллегия

О П Р Е Д Е Л И Л А:

приговор Архангельского областного суда от 12 мая 2017 года в отношении Соколова Андрея Алексеевича, Сивкова Егора Александровича, Шкаева Павла Павловича, Плугару Яна Васильевича, Шагина Максима Николаевича, Жексембаева Рината Андреевича оставить без изменения, апелляционное представление государственного обвинителя Опякиной Е.С., апелляционные жалобы осужденных Плугару Я.В., Соколова А.А. , Шкаева П.П., Сивкова Е.А., Шагина М.Н., Жексембаева Р.А., адвокатов Мыльникова О.В., Васильева О.М., Постникова Д.Н., Армеева О.В., Антипиной Л.В. и Каршеновой В.А. - без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи